

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-экономических исследований

№ 10 (72), 2016

Ежемесячный
научный
журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

Издается по решению Ученого Совета
Института социально-экономических
исследований ДНЦ РАН

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Петросянец В.З. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

директор Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, академик РАН

иностранный член РАН, д.т.н., профессор

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН,

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Заместитель Председателя Совета Федерации РФ, к.ф.н.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

Республики Армения

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», д.э.н.

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой «Прикладная политология», первый проректор ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», к.полит.наук, доцент

директор Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», к.ю.н., д.э.н., профессор

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Теория коммуникации» ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.наук, д.э.н., профессор

заведующая кафедрой «Государственное и муниципальное управление» филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н., профессор

профессор кафедры «Экономика производства и статистика» Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая Академия, д.э.н., профессор

профессор, доктор геогр. наук, Институт Восточных Языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

директор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета

д.э.н., профессор

к.э.н.

д.т.н., профессор

д.э.н., профессор

д.э.н., профессор

д.г.н., профессор

д.э.н.

д.э.н.

к.ф.н., доцент

к. ф.-м.н., доцент

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

ответственный секретарь

тех. редактор

составитель (дизайн-верстка)

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168
от 29 мая 2014 года

Макаров В.А.

Акаев А.А.

Цветков В.А.

Клейнер Г.Б.

Римашевская Н.М.

Рязанцев С.В.

Умаханов И.М.-С.

Аносова Л.А.

Арутюнян В.А.

Локосов В.В.

Иванов П.М.

Магомедова М.М.

Симонов К.В.

Метелев С.Е.

Большаков С.Н.

Киселева Н.Н.

Кубанов А.М.

Жан Радвани

Кимитаката Матсузато

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дохолян С.В.

(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.

(зам. главного редактора)

Абдулаев Ш.-С.О.

Ахмедуев А.Ш.

Гасанов М.А.

Мудуев Ш.С.

Бейбалаева Д.К.

Кутаев Ш.К.

Абдулагатов З.М.

Зоидов К.Х.

Багомедов М.А.

Деневизюк Д.А.

Курбанов К.К.

Петросянец Д.В.

Чернышов М.М.

Садыкова А.М.

Гитиномагомедова П.А.

Джамилев А.М.

Материалы журнала отражают точку зрения авторов
и не являются официальной позицией Института.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Адрес редакции: 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75

Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru

Тел. 62-45-16, 62-66-86, 8-928-800-222-0

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами АПК и сельское хозяйство

Вартанова М.Л. Системный подход и основные экономические модели в обеспечении продовольственной безопасности регионов Российской Федерации	4
Камилов М.К., Камилова П.Д., Камилова З.М. Агропромышленный комплекс России и Китая: сравнительный анализ.....	19
Арсланов Ш.Д., Гаджиева А.Г. Развитие сельского хозяйства: мотивация труда.....	31
Аллахвердиев А.И. Методические подходы к разработке моделей крестьянских (фермерских) хозяйств и их кооперативов	38
Антамошкина Е.Н. Анализ эффективности агропродовольственной политики на основе экономико-математического моделирования.....	46
Асриянц К.Г. Особенности формирования стратегического управления на предприятиях АПК	55

Управление инновациями

Нагдиева М.Г., Нагдиева М.С. Некоторые аспекты инновационно-инвестиционной политики государства в современных условиях.....	62
--	----

Региональная экономика

Чернышов М.М. Научные подходы к формированию новой региональной политики социально-экономического развития на основе интеграционного ресурса экономического роста	71
Эльканов А.Х., Хубиева Ж.К. Разработка системы показателей оценки социально-экономического потенциала региона.....	78
Гичиев Н.С. Взаимосвязь экономического роста с экзогенными условиями пространственного развития внешней торговли макрорегиона.....	84
Михайлов А.С. Комплексный подход к идентификации границы территориальной общности	92
Петросянец В.З., Арсланова Х.Д., Ниналалова Л.Г. Зарубежный опыт государственного регулирования регионального развития	99
Деневизюк Д.А. Программно-целевой метод в управлении социально-экономическим развитием проблемных территорий	106

Экономика труда

Карпенко Е.З. Формирование и развитие человеческого капитала: роль университетов нового типа.....	114
--	-----

Экономика природопользования

Тулупов А.С., Шалина А.Е. Расчет вероятностей страховых случаев и тарифных ставок стимулирующей системы экологического страхования (на примере ОАО «ЭНПО «Неорганика») ...	121
---	-----

Менеджмент

Корнеев Д.В. Диагностика методов и инструментов системы управления рисками интегрированных предпринимательских структур.....	129
---	-----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Нгуен Куок Хунг Отношения Вьетнама с Лаосом и Камбоджей: путь к объединению для коллективного решения крупных проблем стран Индокитая	141
Зоидов К.Х. Моделирование циклической динамики структурных изменений в экономике стран постсоветского пространства. Часть V.....	145

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF THE PEOPLE'S ECONOMY

Economics, organization and management of enterprises, industries, complexes

Agribusiness and agriculture

VARTANOVA M.L. THE SYSTEMIC APPROACH AND THE MAIN ECONOMIC MODELS IN PROVIDING FOR THE FOOD SECURITY OF THE REGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION	4
KAMILOV M.K., KAMILOVA P.D., KAMILOVA Z.M. THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS	19
ARSLANOV S.D., GADZHIEVA A.G. DEVELOPMENT OF AGRICULTURE: MOTIVATION FOR WORK.....	31
ALLAHVERDIEV A.I. METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF MODELS OF HOMESTEADS (FARMSTEADS) AND THEIR COOPERATIVES.....	38
ANTAMOSHKINA E.N. ANALYSIS OF EFFECTIVENESS OF THE AGRO-INDUSTRIAL POLICY BASED ON ECONOMIC-MATHEMATICAL MODELLING	46
ASRIYANC K.G. TYPICAL FEATURES OF FORMATION OF STRATEGIC MANAGEMENT AT THE ENTERPRISES OF THE AIC.....	55

Management of innovation

NAGDIEVA M.G., NAGDIEVA M.S. CERTAIN ASPECTS OF THE INNOVATIVE-INVESTMENT POLICY OF THE STATE IN MODERN CONDITIONS.....	62
---	----

Regional economy

CHERNYSHOV M.M. SCIENTIFIC APPROACHES TO THE FORMATION OF A NEW REGIONAL POLICIES OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT BASIS INTEGRATION RESOURCES OF ECONOMIC GROWTH.....	71
ELKANOV A.K., KHUBIEVA Z.K. DEVELOPING A SYSTEM OF INDICATORS OF EVALUATION OF THE SOCIAL-ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION.....	78
GICHIEV N.S. THE INTERCONNECTION OF THE ECONOMIC GROWTH WITH THE EXOGENIC CONDITIONS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF FOREIGN TRADE OF THE MACROREGION	84
MIHAYLOV A.S. A COMPLEX APPROACH TO IDENTIFICATION OF THE BORDER OF THE TERRITORIAL ENTITY	92
PETROSYANC V.Z., ARSLANOVA H.D., NINALALOVA L.G. THE FOREIGN EXPERIENCE OF STATE REGULATION OF REGIONAL DEVELOPMENT.....	99
DENEVIZYUK D.A. THE RESULT ORIENTED METHOD IN THE MANAGEMENT OF THE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF PROBLEM TERRITORIES	106

Labor Economics

KARPENKO E.Z. THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL: THE ROLE OF UNIVERSITIES OF A NEW TYPE.....	114
---	-----

Environmental economics

TULUPOV A.S., SHALINA A.E. CALCULATION OF PROBABILITIES OF INSURABLE EVENTS AND BASIC RATES OF THE STIMULATING SYSTEM OF ENVIRONMENTAL INSURANCE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE OAO ENPO NEORGANICA)	121
--	-----

Management

KORNEEV D.V. DIAGNOSTICS OF METHODS AND INSTRUMENTS OF THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF RISKS OF INTEGRATED ENTREPRENEURIAL STRUCTURES	129
---	-----

WORLD ECONOMY

NGUYEN Q.H. THE RELATIONS OF VIETNAM WITH LAOS AND CAMBODIA: THE ROAD TO A UNION FOR A COLLECTIVE SOLUTION OF LARGE PROBLEMS OF THE SOUTHEAST ASIAN PENINSULA COUNTRIES	141
ZOIDOV K.Kh. MODELLING OF THE CYCLIC DYNAMICS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE. PART V	145

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

АПК и сельское хозяйство

ВАРТАНОВА МАРИНА ЛЬВОВНА

к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета,
доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный
социальный университет», г. Москва, e-mail: 11marina11@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Предмет исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные положения региональной экономики в части решения проблем продовольственной безопасности, посвященных вопросам формирования, функционирования и развития производственных и аграрных комплексов в регионах России и на Северном Кавказе. **Метод или методология проведения работы.** Методология исследования опирается на принципы системного подхода к процессам регионального развития. В статье были использованы общетеоретические положения системной методологии. Её конкретные положения к различным аспектам функционирования продовольственного рынка. Проведён статистический анализ изменений, происшедших в агропромышленном комплексе страны. **Результаты.** В ходе исследования нами были выделены основные этапы повышения продовольственного обеспечения и элементы механизма решения основных проблем в процессе производства, распределения и потребления продовольствия. В качестве вариантов комплексного подхода развития может быть использована предлагаемая автором модель системы продовольственной безопасности. **Область применения результатов.** Результаты проведённого исследования могут быть использованы при анализе системного подхода и основных экономических моделей в обеспечении продовольственной безопасности регионов Российской Федерации. **Выводы.** Продовольственную безопасность можно представить как систему экономических, организационных, технологических, социальных, экологических и других факторов, направленную на стабильное функционирование агропромышленного комплекса с целью удовлетворения населения разнообразными и конкурентоспособными продуктами питания по научно обоснованным нормам, создание требуемых страховых запасов и экспорта излишков продукции. В связи с развитием и совершенствованием рыночных отношений надо ввести в действие и постоянно совершенствовать систему федеральных и региональных заказов на основные товары продовольственного назначения. Для этого необходимо использовать системный и комплексный подход, который бы позволял учесть все условия, факторы, внутрорегиональные резервы и особенности макроэкономического характера.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, модели, продовольственная безопасность, регионы, самообеспечение, системный подход.

VARTANOVA MARINA LVOVNA

Ph. D., associate Professor, head of Department of postgraduate study of the Moscow psychology-social University, associate Professor of Department "Economy and Finance" FGBOU VPO "Russian state social University", Moscow, e-mail: 11marina11@mail.ru

THE SYSTEMIC APPROACH AND THE MAIN ECONOMIC MODELS IN PROVIDING FOR THE FOOD SECURITY OF THE REGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract Summary. The subject of the study. The theoretical and methodological foundation of the study were the fundamental provisions of the regional economy in the area of resolving problems of food security, devoted to the issues of formation, functioning and development of production and agrarian complexes in the regions of Russian and the North Caucasus. **The method and methodology of performing work.** The methodology of the study is relied upon the principles of a systemic approach to the processes of regional development. The manuscript used general-purpose provisions of the systemic methodology, its specific provisions towards different aspects of functioning of the food market. A statistical analysis of changes that took place in the agro-industrial complex of the country has been performed. **The results.** In the course of the study we have distinguished the main stages of improving the level of food provision and the elements of the mechanism of solving the main problems in the process of production, distribution and consumption of food. The model of the system of food security that the author is suggesting may be used as an option for a complex approach of development. **The area of application of the results.** The results of the study performed may be used when analyzing the systemic approach, and the main economic models in providing the food security of the regions in the Russian Federation. **The conclusions.** We can imagine food security as a system of economic, organizational, technological, social, environmental and other factors that is directed towards a stable functioning of the agro-industrial complex in order to satisfy the population with varied and competitive food products using scientifically substantiated standards, creating the required safety stock and exporting the extra products. In connection to the development and improvement of market relations, it is necessary to introduce and continuously improve the system of federal and regional orders for the main food products. In order to achieve that, it is necessary to use a systemic and complex approach that would allow to take into account all of the conditions, factors, intra-regional reserves and typical features of the macroeconomic type.

Keywords: the agro-industrial complex, models, food security, regions, self-reliance, a systemic approach.

Введение. Продовольственная проблема является старейшей среди глобальных проблем и существует с самых ранних стадий развития человеческой цивилизации. Под продовольственной безопасностью понимается обеспечение фактического потребления продуктов питания всем населением страны в соответствии с физиологически обоснованными нормами, учитывающими особенности местного климата, условий труда, возраста и жизни.

Существующую проблему продовольственной безопасности России, по нашему мнению, необходимо рассмотреть в контексте экономической безопасности, так как в ней сконцентрированы главные направления аграрной политики и экономические реформы в сложившихся условиях рынка.

Методы исследования. В этом процессе отражены реальные тенденции развития сельскохозяйственного производства, состояние рынка и положение на нём потребителей, определяется степень вовлеченности и зависимости от мирового рынка продовольствия, применяется «механизм государственной стратегии с учетом внутренних и внешних факторов с целью создания главной системы жизнеобеспечения — продовольственной безопасности» [4].

Очевидно, что «понятие “продовольственная безопасность” включает и способность государства гарантировать удовлетворение потребностей в продовольствии, обеспечивающем нормальную жизнедеятельность населения» [4]. Решение этой задачи требует ритмичной физической и экономической доступности для всех потребителей высококачественных продуктов питания в нужном количестве и ассортименте.

В настоящее время реально возможны три модели продовольственного обеспечения региона:

- 1) преимущественно за счет импортного продовольствия;
- 2) самообеспечение на основе крупных инвестиционных вложений;
- 3) оптимальное сочетание первых двух моделей.

В соответствии с этим должна выбираться и государственная агропродовольственная политика с ориентацией на: приобретение импортной продукции с более низкими ценами; под-

держку отечественных товаропроизводителей (максимальное ограничение ввоза импортного продовольствия); оптимальное соотношение между уровнем самообеспеченности каждого региона и ввозимой агропродовольственной продукцией.

В случае приоритетов на первую модель неизбежно произойдёт дальнейший спад производства в АПК и утрата отечественного продовольственного рынка. Выбор второй модели экономических отношений, ориентированный на поддержку отечественного товаропроизводителя, потребует дополнительных капитальных затрат, но это будет стимулировать увеличение производства и качества собственной продукции, сокращение сроков реализации, увеличение занятости сельского населения и, в конечном итоге, возвращение к состоянию продовольственной независимости России и её регионов.

В настоящее время важно препятствовать импорту некачественной, залежалой продукции. Первые две модели можно назвать основными (до введения третьей), используемые в разных регионах (рис. 1).

Третья модель реально реализуема лишь с учётом возможностей каждого региона по уровню самообеспеченности, рассчитанного на основе рационального использования имеющихся ресурсов (земельных, финансовых, трудовых, материально-технических, природно-климатических).

Модель, ориентированная на импорт продукции, на первый взгляд имеет положительные моменты: не требует бюджетного финансирования села, первоначально (пока ещё сохраняется сельскохозяйственное производство области) действуют более низкие цены на импортную продукцию, так как качество в большинстве своём не соответствует предъявленным требованиям.

В связи с ситуацией, сложившейся в сельском хозяйстве региона, целесообразно, на наш взгляд, до периода создания конкурентоспособного внутрирегионального продовольственного рынка принять вторую модель.

Однако наличие продовольственной зависимости приведёт к так называемому диктату импорта и неизбежно отразится на повышении цен на сельскохозяйственную продукцию, а на отечественном товаропроизводителе — ухудшением рыночной конъюнктуры.

Как считает А.Я. Калинин, «Продовольственная безопасность — это обеспеченная продовольственными ресурсами, потенциалом и гарантиями способность государства вне зависимости от внешних и внутренних условий или угроз удовлетворять потребности населения страны в целом и каждого гражданина в отдельности продуктами питания, в объёмах, качестве и ассортименте, необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства народонаселения» [12].

Первоочередной задачей является создание в агропродовольственной сфере экономике условий для хозяйствования и предпринимательской стабильности и обеспечение государственной поддержки товаропроизводителей. И только «комплексный анализ продовольственной безопасности в функциональной и субъектно-объектной структуре продовольственного рынка» может представлять собой: в узком смысле как проблемы агропромышленного сектора и в широком — как макроэкономической проблемы, связанной с эффективностью общественного производства, уровнем и дифференциацией доходов населения, безработицей и т. д., и показывает, что продовольственная зависимость той или иной страны возникает, прежде всего, в результате низкой эффективности её национального агропродовольственного комплекса, но может наступить и при монокультурном экспорте, падении темпов экономического роста, обострении проблемы внешнего долга, нестабильности курса национальной валюты.

Агропромышленное производство региона необходимо сохранить не только для удовлетворения потребности населения в продуктах питания, но и для повышения занятости сельского населения, сохранения его типичного потенциала и воспитания подрастающего поколения на традициях крестьянского труда.

Поскольку инерционность функционирования АПК и особенно его аграрной сферы в режиме сдерживания спада производства остается, то сохраняется и тенденция сокращения внутренней потребности в энергоносителях, цветных металлах и других видах сырья.

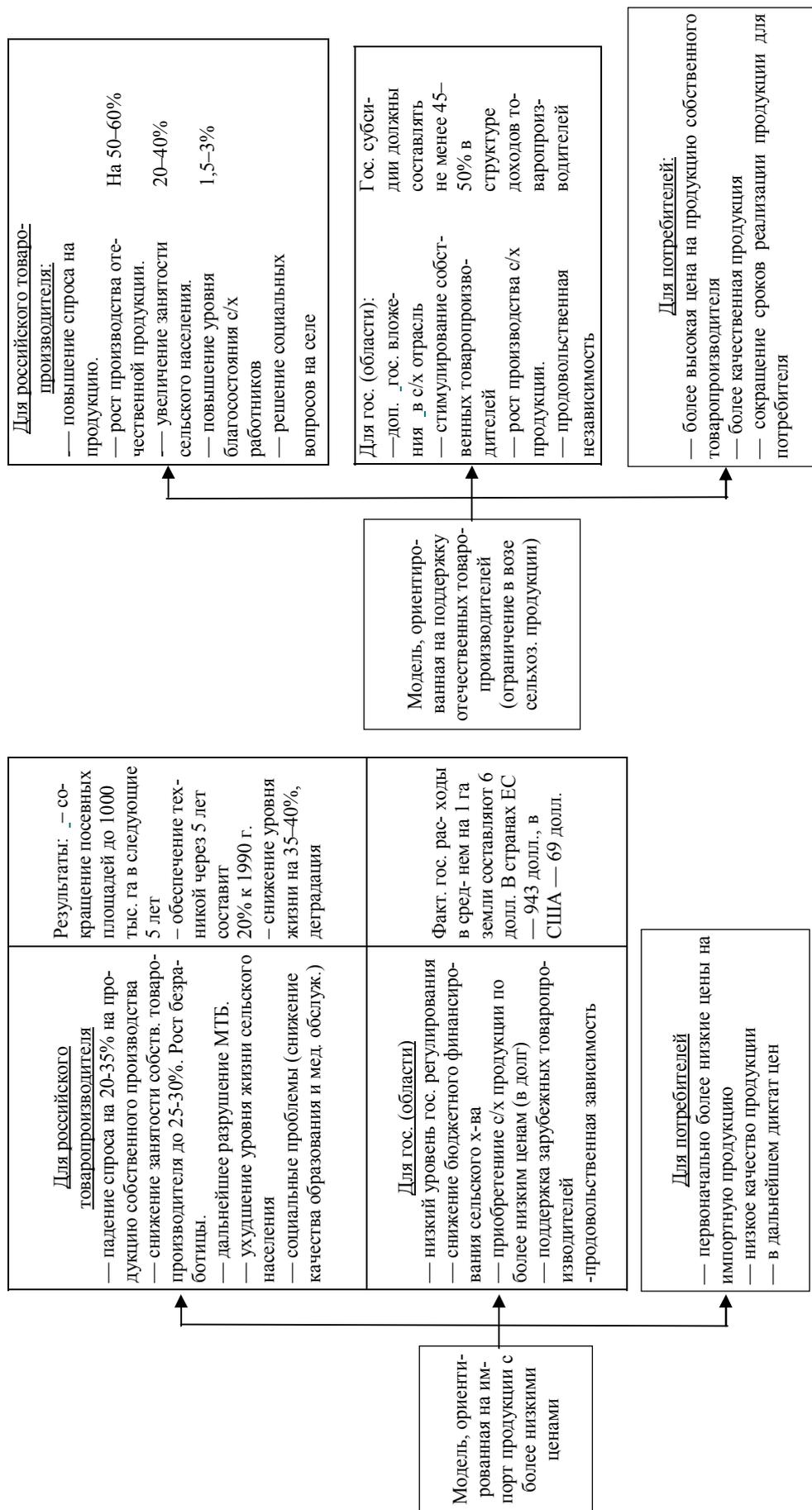

Рис. 1. Основные экономические модели обеспечения продовольственной безопасности разных по природно-климатическим условиям регионов: а) модель, ориентированная на импорт; б) модель, ориентированная на отечественных товаропроизводителей

В результате увеличивается экспорт сырьевых ресурсов даже при уменьшении их добычи. Внутреннее потребление падает (примером могут быть удобрения и другая продукция), соответственно растет доля экспорта в общем объеме реализованной продукции.

Последовательность логической цепочки «причина – следствие» образуется следующая: спад производства; высвобождение ресурсов для экспорта; наращивание экспорта сырьевых ресурсов; сокращение доступа отечественных товаропроизводителей к энергоносителям и сырью.

При продолжении действия такой схемы экономика страны приобретает сырьевую ориентацию (табл. 1).

Ориентир на импорт основных товаров потребления (1-я модель) не сможет повысить ВВП, в соответствии с этим будет наблюдаться дальнейшее снижение уровня жизни населения.

Результаты. Исследование существующей ситуации приводит к следующему выводу: экономический механизм нуждается в радикальном изменении и требует перехода от подавления отечественного товаропроизводителя на позицию его стимулирования.

Для этого необходимо использовать системный и комплексный подход, который бы позволял учесть все условия, факторы, внутрирегиональные резервы и особенности макроэкономического характера. В качестве одного из вариантов такого подхода может быть использована предлагаемая автором модель системы продовольственной безопасности, представленная на рис. 2.

Таким образом, продовольственную безопасность можно представить как систему экономических, организационных, технологических, социальных, экологических и других факторов, направленную на стабильное функционирование агропромышленного комплекса с целью удовлетворения населения разнообразными и конкурентоспособными продуктами питания по научно обоснованным нормам, создание требуемых страховых запасов и экспорта излишков продукции.

При этом должна обеспечиваться невысокая степень (5–8%) уязвимости продовольственного снабжения в случае осложнений при поступлении отдельных видов продовольствия (для производства которых нет соответствующих природных условий) по импорту. То есть продовольственная безопасность здесь рассматривается, как способность органов власти обеспечить гарантии населению в удовлетворении его потребностей в качественном продовольствии на уровне, достаточном для нормальной жизнедеятельности с учетом условий, критериев и параметров.

Механизм построения комплексной системы продовольственной безопасности территории предполагает решение совокупности задач в три этапа.

На первом этапе (период формирования нормативно-правовой базы) решаются последовательно следующие задачи:

- 1) разрабатывается механизм привлечения инвестиций в развитие АПК территории;
- 2) разрабатываются нормативные акты по правовому регулированию использования сельскохозяйственных земель;
- 3) корректируются зональные системы ведения сельского хозяйства;
- 4) рассчитываются пороговые значения факторов ПБ территории;
- 5) разрабатывается система социальных индикаторов;
- 6) совершенствуется система сельскохозяйственного образования.

Таблица 1

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации, тыс. т *

Виды пищевых продуктов	Годы									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		в % к соответствующему периоду прошлого года	
							Январь-сентябрь			
Мясо крупного рогатого скота парное, остьевшее, охлажденное	220	190	178	199	183	203	130		105,4	
Мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,0	38,6	36,0	41,6	41,1	51,7	32,8		97,3	
Свинина парная, остьевшая, охлажденная	755	815	942	1232	1438	1655	1214		115,6	
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	57,6	61,6	58,5	67,5	87,7	108	75,2		110,5	
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	2774	3028	3405	3610	3979	4340	2951		104,3	
В том числе:										
— мясо парное, остьевшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы	1669	1777	2097	2230	2458	2715	1885		107,5	
— мясо подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное и субпродукты пищевые домашней птицы	1061	1240	1293	1368	1507	1604	1050		98,7	
Изделия колбасные	2439	2486	2533	2502	2476	2445	1576		96,7	
Рыба живая, свежая или охлажденная	1151	1395	1399	1461	1167	1175	595		77,6	
Ракообразные не морожены; устрицы; водные беспозвоночные прочие, живые, свежие или охлажденные	39,8	42,8	44,5	52,7	55,3	67,9	31,8		88,6	
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и моллюски рыбы свежие или охлажденные	16,7	16,1	16,1	18,6	21,1	18,8	10,4		95,4	
Рыба (кроме сельди) мороженая, печень, икра и моллюски рыбы морожены	2292	2356	2337	2434	2347	2502	1909		101,2	
Филе рыбное мороженое	71,7	86,2	94,3	108	110	123	111		124,9	
Сельдь всех видов обработки	456	470	515	496	475	461	221		118,1	

Продолжение таблицы 1

Виды пищевых продуктов	Годы										2016 в % к соответствующему периоду прошлого года
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Январь-сентябрь				
В том числе мороженая	377	392	440	426	401	395	182				124,5
Рыба (кроме сельди) солёная	33,6	33,8	42,7	46,1	39,2	33,0	18,7				89,8
Рыба (кроме сельди) копчёная	57,1	59,4	61,4	63,7	61,2	57,2	31,8				88,0
Рыба сушёная и вяленая	16,5	16,4	16,2	17,7	16,9	16,1	10,8				103,1
Изделия балычные	3,3	3,5	3,7	4,2	4,0	3,1	1,8				93,3
Морепродукты пищевые	84,2	88,3	97,7	104	120	97,8	73,2				137,6
Фруктово-овощная продукция замороженная	24,5	38,4	40,2	45	46	55,4	45,6				110,6
Фруктово-овощные консервы, млн усл. банок	6729	7011	7473	7635	7851	7248	4935				98,2
Фрукты, ягоды и орехи сушёные	3,5	3,8	4,1	10	12	12,2	9,0				92,9
Цельномолочная продукция (в пересчёте на молоко), млн т	10,9	10,7	11,3	11,5	11,5	11,7	8,0				101,9
Молоко жидкое обработанное	4944	4926	5267	5386	5348	5447	3652				100,9
Сливки	80,6	83,4	95,2	103	115	121	81,9				97,6
Творог	377	383	396	371	387	416	274				100,5
Масло сливочное	210	217	214	225	250	256	168				93,7
Сыры и продукты сырные	437	432	451	435	499	589	395				102,2
Продукты молочные стужённые, усл. банок	883	855	873	860	833	828	528				101,2
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	2388	2318	2430	2521	2520	2445	1722				102,9

*Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. — URL : <http://www.gks.ru/>.

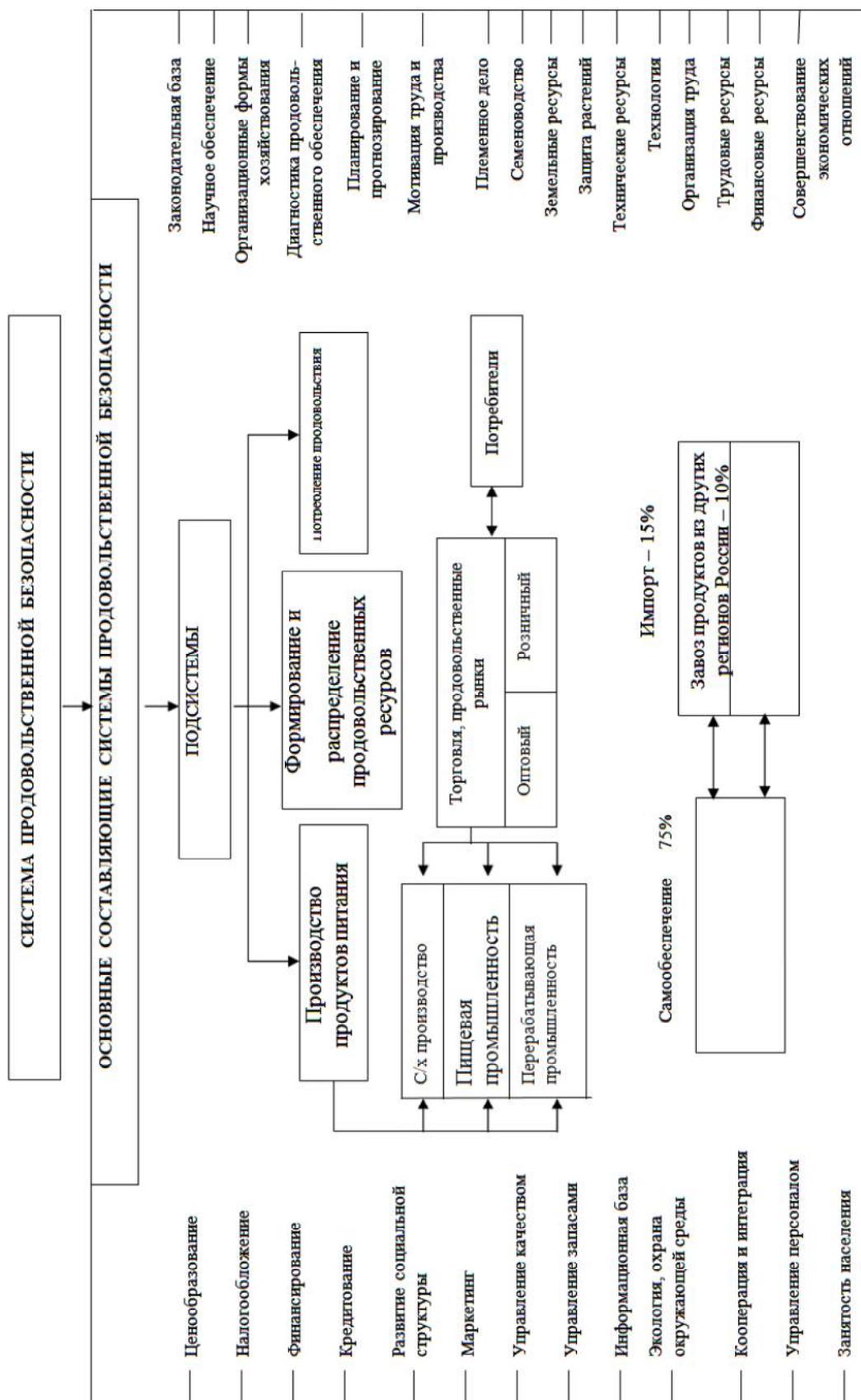

Рис. 2. Модель системы продовольственной безопасности региона

На втором этапе (период структурно-инструкционных преобразований):

- 1) создаётся система сельскохозяйственной информации;
- 2) происходит развитие рынка сельскохозяйственных земель;
- 3) осуществляются структурные преобразования в АПК территории;
- 4) формируется сельскохозяйственная финансово-кредитная система;
- 5) вводится эффективная система государственной поддержки АПК территории;
- 6) создаются оптовые продовольственные рынки;
- 7) формируется структура управления в системе ПБ.

Задачи третьего этапа (отработка модели и решения оставшихся задач):

- 1) создание сельскохозяйственной кооперативной системы;
- 2) формирование системы мониторинга в сфере аграрной реформы и продовольственной безопасности;
- 3) создание системы занятости населения сельских районов;
- 4) формирование продовольственных резервов;
- 5) образование системы социальной защиты и страхового дела в аграрном секторе;
- 6) создание зональной системы машин;
- 7) совершенствование системы управления качеством продукции АПК.

Исходя из этого, первоочередными задачами по совершенствованию механизма построения комплексной системы продовольственной безопасности с учётом её условий, критериев и параметров на территории рассматриваемого региона, являются следующие:

- во-первых, повышение покупательной способности населения;
- во-вторых, снижение налогового бремени, так как за пределами высокие ставки налогов изначально исключают положительный итог любой экономической деятельности — прибыль. Налоги должны позволять не только существовать любому сельхозтоваропроизводителю, но ещё и развиваться, быть простыми и понятными в обращении и уплате. Налогообложение — один из центральных методов государственного регулирования, но пользоваться им следует разумно, чтобы достичь высокого уровня собираемости налогов;
- в-третьих, рынок закупок продовольствия должен иметь оптимальную сбалансированность. Должны быть соблюдены все принципиальные основы рынка, составляющими элементами которого являются:
 - участники (покупатель, продавец, производитель, сфера услуг);
 - правила игры (условия покупки, продажи, производства, сферы услуг, единая обменная валюта);
 - судья (государство, закон спроса и предложения, другие экономические законы);
- в-четвёртых, сведение к минимуму диспаритета цен, при котором образуется провал между затратами на производство сельскохозяйственной продукции и вырученными от её реализации средствами. Однако резкое увеличение цен на сельскохозяйственную продукцию может привести к острому социальному кризису, поскольку уровень доходов основной массы населения остаётся крайне низким. Необходима государственная поддержка сельского товаропроизводителя всеми способами и методами, вплоть до прямого дотирования. Зачастую средства за продукцию крестьяне получают значительно позже её реализации, хотя идеальным было бы иметь деньги, хотя бы частично, заблаговременно на проведение весенне-полевых работ. Это было бы, безусловно, прогрессивным шагом в сторону оздоровления экономики сельского хозяйства;
- в-пятых, необходимо поднять уровень культуры, образования, кадрового и социального обеспечения села. Огромный потенциал в этом смысле представляют выпускники сельскохозяйственных учебных заведений. Важно создать им условия для плодотворной работы и жизни;
- в-шестых, создать надлежащую организацию торговли — одного из самых важных и показательных элементов, характеризующих уровень продовольственной безопасности региона. Необходимы такие формы организации торговли, которые сведут к минимуму отрицательные её последствия и позволят извлекать из неё только выгоду. Здесь следует отметить, что механизмом, регулирующим внешний торговый оборот, может быть таможенная политика государства, направляемая на защиту отечественного товаропроизводителя;

– в-седьмых, должны быть предусмотрены государственные гарантии сельским товаропроизводителям как на право землепользования, так и на выгодные условия реализации продукции. Для этого необходимо узаконить и обеспечить неприкосновенность права собственности на землю сельского труженика; ограничить нецелевое использование земель сельскохозяйственного назначения, организовать систему контроля над их рациональным использованием; запретить спекуляцию землей, установив срок её продажи после последней покупки, например, 15 лет; не передавать всю землю в частную собственность, а создать условия для коллективного её использования; сохранить возможность государственного вмешательства в критических случаях.

Таким образом, все вышеперечисленные рекомендации можно в совокупности представить как единый государственный подход к решению проблемы продовольственной безопасности и формированию аграрной политики региона в текущий и перспективный периоды развития. Но при этом следует помнить, что ни одна, направленная на достижение важной цели, политика не может формироваться без современной информационной базы. Органы, принимающие решения в области сельского хозяйства, должны быть обеспечены полной, качественной, достоверной информацией.

Для построения и реализации системы продовольственной безопасности в рамках региона, на наш взгляд, следует придерживаться следующих основных условий:

- обеспечение пропорционального и сбалансированного развития АПК;
- физическая и экономическая доступность продовольствия для потребителей;
- совершенствование системы ценообразования, планирования и стимулирования собственных товаропроизводителей;
- рациональное использование ограниченных ресурсов;
- внедрение прогрессивных технологий, природоохранных мероприятий, достижений науки и передового опыта;
- повышение конкурентоспособности отечественной продукции;
- создание необходимой материально-технической базы;
- развитие специализации и концентрации производства на основе использования кооперации и интеграции в АПК;
- совершенствование внутривозрастных экономических отношений;
- совершенствование управления в АПК;
- оптимизация отечественного производства и импорта продовольствия в обеспечении продовольственной безопасности.

Обеспечение продовольственной безопасности региона возможно при разработке и реализации системы устойчивого ведения сельского хозяйства как основной подсистемы, в основу которой положены новые подходы по увеличению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных, обеспечению сельскохозяйственной техникой, внедрению высокоурожайных сортов и породных животных. Это возможно при эффективной финансово-кредитной, налоговой и ценовой политике, при рациональном использовании ограниченных ресурсов.

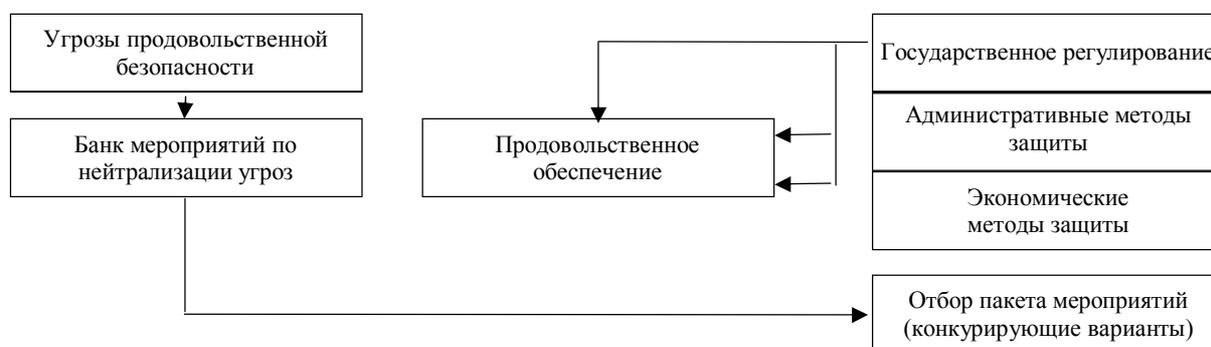

Рис. 3. Блок-схема оценки угрозы продовольственного обеспечения и формирование методов защиты

Однако предлагаемая нами система не сможет реально функционировать без определенных условий. Под условиями мы понимаем совокупность имеющихся природных, производственных, трудовых, финансовых и научно-технических ресурсов, способствующих развитию системы продовольственной безопасности.

В каждом отдельном районе условия различны, в соответствии с ними будет развиваться продовольственное самообеспечение данных районов и региона в целом.

Определив систему факторов, формирующих угрозу продовольственной безопасности и состав её основных параметров для отрасли и территории, мы предлагаем блок-схему мониторинга по нейтрализации угрозы продовольственного обеспечения и представляем её на рис. 3.

Инструментом обеспечения продовольственной безопасности региона, на наш взгляд, являются как экономические, так и административные методы. В целом их можно объединить в систему государственного регулирования.

Важнейшими элементами системы государственного регулирования должны быть: стимулирование платежеспособного спроса населения; антимонопольное регулирование и повышение конкурентоспособного потенциала отрасли; развитие рыночной инфраструктуры; поддержка стабильной конъюнктуры на рынке продовольствия путем проведения госинтервенций; обеспечение села кредитами; проведение политики разумного протекционизма; обеспечение отечественным товаропроизводителям условий для нормальной конкуренции с иностранными товаропроизводителями.

Основными недостатками действующей системы поддержки АПК являются её нелегитимность, непрогнозируемость, несвоевременность и неритмичность финансовых потоков. Многие её элементы законодательно не оформлены и не служат товаропроизводителям четким ориентиром на будущее.

Систему государственного регулирования рассматривают как варианты по защите внутреннего рынка: квотирование производства; гарантийность цен на отдельные продукты; интервенционные закупки; эффективное таможенное регулирование; рациональные бюджетные поддержки товаропроизводителей; доступные кредиты и оптимальные налоги; технико-технологическое обновление отрасли.

Наряду с государственной поддержкой необходимо каждому предприятию максимально использовать собственные возможности, внедрять экономические хозрасчетные методы управления, формировать на основе научного поиска модели эффективного хозяйствования. По нашим расчетам около 50% хозяйств пока ещё имеют эти возможности.

В процессе осуществления регулирующих воздействий на продовольственную безопасность необходимо, прежде всего, представить механизм укрепления её основных составляющих, формирующих производство, распределение и потребление.

Нами были выделены основные этапы повышения продовольственного обеспечения (табл. 2) и элементы механизма решения основных проблем в процессе производства, распределения и потребления продовольствия (табл. 3).

В процессе реализации этапов следует учесть, что основная масса населения ориентирована на первоочередное удовлетворение насущных потребностей первого и второго этапов. А социальная ориентация развития АПК региона должна предусматривать развитие III и IV этапов. Приобретение дорогостоящих продуктов питания позволит укрепить экономику АПК, изымать часть «теневых» доходов, полученных путем неэквивалентного обмена.

В связи с развитием и совершенствованием рыночных отношений надо ввести в действие и постоянно совершенствовать систему федеральных и региональных заказов на основные товары продовольственного назначения. При этом важно перестроить способ формирования заказа, который должен учитывать материальную заинтересованность продавца и покупателя без диктата ценовой политики, что будет способствовать укреплению финансового состояния не только сельхозпредприятий, но организаций других сфер АПК.

Этапы решения проблемы продовольственного обеспечения*

Этапы	Содержание этапов	Пути решения продовольственной обеспеченности на данном этапе
I этап	Защита наименее обеспеченных слоёв населения	Наращивание наиболее дешёвых, легко воспроизводимых продуктов (хлеб, картофель, овощи, крупа, сахар, молочные продукты)
II этап	Коренное улучшение общей структуры питания за счёт существенного роста удельного веса более дорогих и богатых белками и витаминами продуктов	Увеличение потребления мяса, рыбопродуктов, овощей, фруктов за счёт изыскания внутренних резервов
III этап	Постепенное возрастание в рационе питания деликатесной продукции	В условиях увеличения потребительских способностей, укрепления МТБ и более глубокой переработки сельскохозяйственного сырья в полноценные продукты питания
IV этап	Потребление экологически безопасной продукции в широком ассортименте	Материальное стимулирование производства экологически чистой дорогой продукции: телятины, молодой баранины. Использование технологий, исключающих применение биостимуляторов, пестицидов

*Источник: таблица составлена и рассчитана по результатам собственных исследований автора.

Выводы. За последние годы финансовое состояние большинства сельхозпредприятий фактически не улучшается, что прослеживается по данным годовых отчётов, а также документов, представляемых в соответствующие агроуправленческие организации. Кроме того, формирование и развитие отраслей продовольственного обеспечения региона существенно сдерживается отсутствием эффективных маркетинговых служб в управленческих структурах, единой системы информационного обеспечения, которые позволяли бы местным товаропроизводителям и потребителям продовольствия своевременно реагировать на изменение конъюнктуры регионального и внешних продовольственных рынков, определить наиболее прибыльные каналы реализации продукции.

В качестве альтернативы применения обычной процедуры банкротства, представленной предприятию-должнику для сохранения прежнего юридического статуса, предлагается (на примере Пермского края) следующая система мер (табл. 3):

1. Все долги предприятия должны заноситься на особый специальный счет, таким образом, расчётный счёт будет разблокирован.

2. Предприятие берёт на себя обязательство производить все расчёты в безналичной форме (кроме выдачи заработной платы), не принимать и не выдавать в качестве средства платежа векселей и других ценных бумаг.

3. Для контроля за деятельностью предприятий, переведённых на особый режим хозяйствования, из числа уполномоченных лиц организаций-кредиторов и районных администраций, на территории которых находятся предприятия-должники, создаётся специальная районная комиссия. При положительных тенденциях по исполнению текущих обязательств и погашению задолженности степень контроля комиссии за деятельностью предприятия-должника может уменьшаться.

4. На территории предприятия-должника создают одно или несколько параллельных сельхозпредприятий.

5. Новое предприятие арендует у владельцев земельных паев их доли, а также арендует или покупает необходимые ему основные фонды и оборотные средства.

6. Присоединение низкорентабельных хозяйств к экономически развитым хозяйствам, способным поднять производственно-финансовую деятельность за счёт увеличения дополнительных материально-денежных средств, улучшения дисциплины труда до своего уровня.

7. Ликвидация неплатежеспособных сельхозпредприятий и создание личных подсобных хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Их создание требует соответствующего внимания и поддержки.

Таблица 3
Элементы механизма решения основных проблем в процессе производства, распределения и потребления продовольствия*

Подсистемы			
1. Производство продовольствия (продукции с/х)		2. Формирование и распределение продовольственных ресурсов	
Проблемы	Пути решения	Проблемы	Пути решения
<p>Диспаритет цен. Спад производства. Низкий уровень урожайности и продуктивности животных. Низкий уровень МТБ, интеграции и кооперации. Разрушение экономических отношений. Низкая эффективность с/х производства</p>	<p>Создание механизма регулирования ценových соотношений. Создание рыночной инфраструктуры. Создание системы гос. регулирования рынка. Стимулирование товаропроизводителей по производству биологически ценных продуктов. Проведение мониторинга и прогноз обеспечения продовольственной безопасности. Внедрение новых технологий. Организация хранения и переработки с/х продуктов. Создание гос. запасов продовольствия. Нарращивание объёмов производства собственного производства. Построение адаптивно-ландшафтной системы земледелия. Обеспечение производственных ресурсов, создание МТБ. Обеспеченность удобрениями и пестицидами сов. Структуры посевных площадей, внедрение севооборота с рацией. Системной обработки почвы. Расширение ЛПХ. Материальное стимулирование работников, повышение занятости.</p>	<p>Рост цен. Увеличение посредников, криминализация торговли. Снижение стратегических резервов продовольствия. Недоступность приобретения необходимого кол-ва товаров средним покупателем. Стихийность продо-вольственного рынка. Высокий процент импорта продов. товаров. Продовольственная зависимость. Снижение доли закупочной цены на с/х продукцию. Рост цен на вторичном рынке.</p>	<p>Госуд. обеспечение условий для производства необходимого объема продуктов питания. Обеспечение продовольственной независимости. Поддержание госуд. прод. резервов. Рациональное использование бюджетных средств. Создание прод. магазинов по уровню достатка населения (магазины для ветеранов и малоимущих по более низким ценам, дотируемым государством). Школьные завтраки по льготным ценам. Талоны для детского питания. Закупка продукции в др. регионах России. Ограничение ввоза импортной продукции. Создание оптовых прод. рынков, ярмарок. Создание сети закупочных кооперативов. Усиление роли маркетинга, изучение спроса. Создание региональных прод. резервов по твердым ценам. Формирование и совершенствование системы цен.</p>
3. Потребление продовольствия		Проблемы	Пути решения
		<p>Ухудшение структуры потребления товаров и их качества. Снижение покупательной способности физической и экономической доступности продуктов.</p>	<p>Гос. гарантии гражданам России физической и экономической доступности продуктов питания. Создание системы контроля за качеством потребляемых продуктов. Создание регион. программ по прод. обеспечению. Рост доходов насел. региона. Мотивация потребителей к здоровому питанию.</p>

* Составлена и рассчитана по результатам собственных исследований автора.

К числу регионов «с наиболее сложными для ведения аграрного производства условиями относятся субъекты Северо-Кавказского федерального округа. Здесь наиболее остро ощущается необходимость в научно-практических разработках, способствующих как модернизации, так и совершенствованию системы производственно-экономических отношений, от которых зависит экономический рост сельского хозяйства» [9].

При этом важное значение имеет разработка механизмов перехода земли и других ресурсов от неэффективных предприятий к эффективным, а также к товарным семейным хозяйствам.

Использование особого режима в отношении предприятий-должников будет способствовать укоренению на селе форм хозяйствования, основанных на сочетании совместного коллективного труда и частного интереса, развитию и разнообразию отношений собственности.

Несмотря на то что в течение последних нескольких лет Федеральным центром России предпринимаются действия, направленные на оздоровление социально-экономической ситуации в республиках Северного Кавказа, а в частности, поступают стабильно дотации в бюджеты республик, выделяются средства для реализации федеральных целевых программ, вводился также режим свободной экономической зоны (Республика Ингушетия), республики явно отстают по объёмам и темпам роста промышленного и сельскохозяйственного производства.

Тем не менее в современных условиях приходится отмечать, что «произошедшее во время реформ изменение форм собственности в сельскохозяйственном производстве, а также серьёзные структурные трансформации в организационно-экономических условиях хозяйствования сельскохозяйственных производителей, незавершенность правовой и институциональной базы привели не только к устранению монополий государственной собственности, но и к появлению различных форм собственности, а также создали неудовлетворительную ситуацию с обеспечением населения продовольствием собственного производства при сложившейся неудовлетворительной общественно-политической обстановке в большинстве республик» [14].

Отмечается, что «многократное сокращение инвестиций в сельское хозяйство привело к существенному сокращению технического парка, снижению качественных характеристик производства, достижений науки и передовой практики, что снижает конкурентоспособность сельхозпродукции на продовольственном и сырьевом рынках. Возможности кардинального улучшения ситуации обусловлены необходимостью модернизации отрасли, ускоренного развития технико-технологических условий ведения производства» [9].

Для решения проблемы финансового оздоровления необходимо, прежде всего, осуществить комплексную реструктуризацию задолженности сельскохозяйственных товаропроизводителей по платежам в бюджеты всех уровней, государственные внебюджетные фонды.

На последующих этапах реализации проблемных задач, связанных с техническим оснащением агрохозяйств, возможно, как один из вариантов, подключение сельских хозяйств к крупным частным агрокорпорациям, нуждающимся в сырье. Это потребует, в свою очередь, соответствующей информации об инвестиционной привлекательности территорий региона. Она необходима также и для корректировки приоритетных направлений их развития при решении проблемы продовольственного самообеспечения и укрепления внутрирегионального продовольственного рынка.

Литература

1. Алтухов, А. И. *Методология и методика определения уровня продовольственной безопасности страны* // АПК : экономика, управление. 2006. № 8. С. 2–6.
2. Беспяхотный, Г. В. *Методология и критерии продовольственной безопасности : тез. докл. на 1-й междунар. конф. «Продовольственная безопасность России», 12–14 марта 2002 г.* // Пищевая промышленность. 2002. № 2.
3. Вартанова, М. Л. *Продовольственная безопасность страны и пути выхода из мирового продовольственного кризиса : монография / Вартанова М.Л. — М. : Библио-Глобус, 2016.*
4. Вартанова, М. Л. *Продовольственная безопасность как составная часть экономической и национальной безопасности государства* // *Продовольственная политика и безопасность. 2016. Том 3. № 3.*
5. Вартанова, М. Л. *Необходимость обеспечения прогнозирования безопасности емкости регионально-продовольственного рынка в новых экономических условиях* // *Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 7.*
6. Гранберг, А. Г., Данилов-Данильян, В. И., Циконов, М. М. и др. *Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI в.* — М. : Экономика, 2004.
7. Гришианов, А., Маруев, А. *Современные проблемы продовольственной безопасности России* // *Вестник экономики. 2003. № 16. С. 70–71.*

8. Дохолян, С. В. Конкуренентоспособность региона : вопросы теории и методологии. — М. : Перо, 2013.
9. Дохолян, С. В., Вартанова, М. Л. Обеспечение эффективности функционирования продовольственного рынка региона в условиях конкурентной среды // *Российское предпринимательство*. 2016. Том 17. № 17.
10. Дохолян, С. В. Повышение конкурентоспособности экономики региона на основе новых подходов к формированию отраслевой структуры промышленности / Дохолян С.В. // *Российское предпринимательство*. 2008. № 8–2. С. 130–134.
11. Езерский, Е. Н., Павлова, С. Н., Дрокин, В. В., Пустуев, А. Л. Формирование региональной системы продовольственной безопасности. Екатеринбург : УрГСХА, 2004.
12. Калинин, А. Я. Продовольственная безопасность России — проблема XXI в. // *Пищевая промышленность*. 2001. № 7.
13. Костяев, А. И., Тимофеев, М. У. Национальная и региональная продовольственная безопасность : сб. научных трудов Международной юбилейной конференции. — М. : РАСХН, ВНИЭТУСХ, 2000. С. 500–517.
14. Липина, С. А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа : монография / Липина С.А. — М. : URSS, 2010.
15. Петросьянц, В. З., Дохолян, С. В. Региональное развитие и факторы экономического роста // *Региональная экономика : теория и практика*. 2007. № 18. С. 10–17.
16. Регионы России. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа : стат. сборник. — М., 2016.

References:

1. Altukhov, A. I. Methodology and methods of determining the level of food security // *APK : economy, management*. 2006. No. 8. P. 2–6.
2. Altukhov, A. I., Russia's Accession to the WTO and problems of development of agriculture // *Agri-food policy and Russia's accession to the WTO : collection of articles : Nikon reading*. — М. : Russian Academy of Agricultural Sciences, 2003. P. 30–31.
3. Notill, G. V. Methodology and criteria for food security : proc. Dokl. on the 1st Intern. Conf. Food security of Russia, March 12–14, 2002 // *Food industry*. 2002. No. 2.
4. Vartanova, M. L. The country's food security and ways out of the global food crisis: Monograph / Vartanova M. L. — М. : Biblio-Globus, 2016.
5. Vartanova, M. L. The Need to ensure forecasting the security capacity of regional food market in the new economic environment // *Regional problems of transforming the economy*. 2016. No. 7.
6. Granberg, A. G., Danilov-Danilyan, V. I., Tikhonov, M. M. and others. Strategy and problems of sustainable development of Russia in XXI century. — М. : Economics, 2004.
7. Grishanov, A., Marui, A. Modern problems of food security in Russia // *Bulletin of the economy*. 2003. No. 16. P. 70–71.
8. Dokholyan, S. V. Competitiveness of the region : issues of theory and methodology. — М. : Pen, 2013.
9. Dokholyan, S. V., Vartanova, M. L. The maintenance of efficiency of functioning of the food market of region in the conditions of competitive environment // *Journal of Russian entrepreneurship*. 2016. Vol. 17. No. 17. P. 2153–2178. — doi: 10.18334/rp.17.17.36538
10. Dokholyan, S. V. Increase of competitiveness of economy of region on the basis of new approaches to the formation of the sectoral structure of industry / Dokholyan S. V. // *Journal of Russian entrepreneurship*. 2008. No. 8–2. P. 130–134.
11. Ezersky, E. N., Pavlova, S. N., Drokin, V. V., Pustuev, A. L. The Formation of a regional food security system. — Ekaterinburg : Ural State, 2004.
12. Kalinin, A. Y. Food security of Russia — a problem of XXI century // *Food industry*. 2001. No. 7.
13. Kostyaev, A. I., Timofeyev, M. U. National and regional food security : sat. scientific papers International jubilee conference. — М. : RAAS, UNITECH, 2000. P. 500–517.
14. Lipina, S. A. Strategic priorities of socio-economic development of the North Caucasus republics : monograph / Lipina S. A. — М. : URSS, 2010.
15. Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V. Regional development and factors of economic growth // *Regional economy : theory and practice*. 2007. No. 18. P. 10–17.
16. The Regions of Russia. Socio-economic situation of the North Caucasus Federal district : statistical collection. — М., 2016.

КАМИЛОВ МАГОМАГАЗИ КАМИЛОВИЧ

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru

КАМИЛОВА ПАТИМАТ ДАДАЕВНА

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru

КАМИЛОВА ЗАИРА МАГОМЕДГАЗИЕВНА

д.э.н., профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru

**АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ И КИТАЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. Цель работы. В статье рассматривается ситуация в агропромышленном комплексе России и Китая. **Метод или методология проведения работы.** Статья посвящена сравнительному анализу изменений, происходящих в агропромышленном комплексе России и Китая. **Результаты исследования.** Выявлены основные тенденции, определяющие дальнейшее развитие агропромышленного комплекса России в непростой период экономических санкций Евросоюза и ответных санкций России. Для сравнения взят агропромышленный комплекс Китайской Народной Республики, который в настоящее время демонстрирует высокие показатели производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции, проводит активную социальную политику в сельской местности и оказывает существенное влияние на конъюнктуру мировой торговли продовольствием. Это стало возможным благодаря гибкому сочетанию административных и экономических мер в системе государственного регулирования сельского хозяйства в направлении повышения эффективности отрасли и устойчивого обеспечения населения продовольствием. Важным аспектом сотрудничества России и Китая в аграрной сфере является инвестиционная деятельность, а именно: создание совместных инвестиционных проектов на территории нашей страны. **Область применения результатов.** Результаты проведённого исследования могут быть использованы при прогнозировании развития агропромышленного комплекса страны. Опыт модернизации сельского хозяйства Китая может быть использован в России по той причине, что в обеих странах были распространены похожие производственные и политические процессы в предшествующий экономическим преобразованиям период. **Выводы.** Различия в законодательствах России и Китая мешают привлечению китайских инвестиций для расширения российского сельскохозяйственного производства. Активно развивая двустороннее взаимовыгодное сотрудничество с КНР, России необходимо активнее отстаивать свои национальные интересы и перенимать тот положительный опыт, который приемлем для нашей страны. **Ключевые слова:** агропромышленный комплекс, экономические санкции, импортозамещение, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырьё, продовольственная безопасность.

KAMILOV MAGOMAGAZI KAMILOVICH

doctor of Economics, Professor, Professor of chair "Economy and management in AIC" "Dagestan state agrarian University, M. M. Dzhambulatova", e-mail: edem1958@mail.ru

KAMILOVA PATIMAT DADAIEVA

doctor of Economics, Professor, Professor of chair "Economy and management in AIC" "Dagestan state agrarian University, M. M. Dzhambulatova", e-mail: edem1958@mail.ru

KAMILOVA ZAIRA MAGOMEDGAZIEVNA

doctor of Economics, Professor of chair "Economy and management in AIC" "Dagestan state agrarian University, M. M. Dzhambulatova", e-mail: edem1958@mail.ru

THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract Summary: The goal of the paper. The manuscript discusses a situation in the agro-industrial complex of Russia and China. **The method or methodology of performing work.** The manuscript is devoted to a comparative analysis of changes happening in the agro-industrial complex of Russia and China. **The results of the study.** The main tendencies have been found that determine the further development of the agro-industrial complex of Russia during a complex period of economic sanctions of the European Union, and the retaliatory sanctions of Russia. We have taken the agro-industrial complex of the People's Republic of China that, at the present moment, demonstrates high indicators of production of agricultural and food products, conducts an active social policy in the rural area, and significantly impacts the market environment of the world food trade. This became possible due to a flexible combination of administrative and economic measures in the system of state regulation of agriculture towards improving the effectiveness of the industry, and sustainable provision of food to the population. An important aspect of cooperation of Russia and China in the agrarian sphere is the investment activity, specifically creating joint investment projects on the territory of our country. **The area of application of the results.** The results of the study performed may be used when forecasting the development of the agro-industrial complex of the country. The experience of modernization of agriculture of China may be used in Russia due to the fact that similar production and political processes were common in both countries in the period preceding economic transformations. **The conclusions.** The differences in the legislation of Russia and China hinder attracting Chinese investments to expand Russian agricultural production. Through an active development of the bilateral mutually beneficial cooperation with the People's Republic of China, Russia needs to be more active when advocating for its national interests, and should copy the positive experience that is adoptable in our country.

Keywords: the agro-industrial complex, economic sanctions, import substitution, food products, agricultural raw materials, food security.

Введение. Агропромышленный комплекс России является одним из самых крупных межотраслевых комплексов страны, объединяющим более десяти отраслей экономики, которому принадлежит основная роль источника продуктов питания для населения, сырья для отраслей промышленности и участника формирования ВВП страны. И, как любая другая отрасль, АПК имеет свои особенности и проблемы развития, обусловленные политической, исторической, культурной, демографической, технологической и другими причинами, позволяющими разделять страны на экономически развитые и развивающиеся. Его динамичное развитие обеспечивается при достижении устойчивого воспроизводства как в АПК в целом, так и в каждом его структурном подразделении и, особенно, в его ключевой отрасли — сельском хозяйстве.

АПК России не является обособленным организмом в современном мире, характеризующемся глобальными интеграционными процессами. Отдельные страны не производят самостоятельно весь ассортимент продуктов, необходимый для обеспечения потребностей собственного населения. Это означает, что в мировом масштабе постоянно сохраняется продовольственная, сырьевая, технологическая и другие формы зависимости. События, происходящие в современном мире в связи с экономическими санкциями к России, привели к тому, что государство принимает активные меры по проведению политики импортозамещения, направленные на возрождение собственной продовольственной базы и защиту отечественного производителя сельхозпродукции.

Агропромышленный комплекс включает 4 сферы деятельности:

— сельское хозяйство — ядро АПК, которое включает растениеводство, животноводство, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства и т. д.;

— отрасли и службы, обеспечивающие сельское хозяйство средствами производства и материальными ресурсами: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, производство минеральных удобрений, химикатов и др.;

— отрасли, которые занимаются переработкой сельскохозяйственного сырья — пищевая

промышленность, отрасли по первичной переработке сырья для лёгкой промышленности;

— инфраструктурный блок — производства, занимающиеся заготовкой сельскохозяйственного сырья, транспортировкой, хранением; торговля потребительскими товарами, подготовка кадров для сельского хозяйства, строительство в отраслях АПК.

Методы исследования. Располагая существенным человеческим, научным и образовательным потенциалом, обладая значительными природными ресурсами, Россия давно могла бы занять лидирующее положение на мировом рынке по производству продовольственных товаров первой необходимости. Однако нестабильное развитие отечественного АПК при условии многолетнего периода застоя и деградации всех отраслей хозяйствования привело к многочисленным проблемам в этой сфере. Современное состояние АПК находится в зависимости от многих факторов — государственной стратегии развития, уровня финансирования, технических возможностей производства, исторических условий развития. «Ситуацию усугубляет и санкционная политика, проводимая странами Евросоюза в отношении России с 2014 г., которая является наглядным примером влияния политических разногласий глав государств на экономику страны» [1].

Агропромышленный комплекс развитых стран — это, как правило, крупные товарные хозяйства (плантации, фермы, фазенды и т. д.), в максимальной степени использующие современные средства производства на всех стадиях хозяйственной деятельности — от поля до хранения, переработки и расфасовки готовой к потреблению продукции. Производительность хозяйств АПК в развитых странах определяется значительными капиталовложениями в расчете на единицу площади, например, в Японии, Бельгии, Нидерландах — доходящая до 10000 долл./га, а также широким использованием достижений научно-технического прогресса.

Базовым сектором отечественного агропромышленного комплекса является сельское хозяйство, которое относится к одной из основных жизненно важных отраслей народного хозяйства, имеющее максимальный производственный и трудовой потенциал комплекса. Оно создает необходимые условия для воспроизводства рабочей силы, являющиеся единственным фактором производства, способным создавать прибавочную стоимость. Сельскохозяйственная продукция является главным источником жизненных благ населения; отличительная особенность данной продукции заключается в том, что её нельзя заменить другими видами продукции, воспроизвести в других сферах АПК, имеет ограниченный срок годности.

Сельское хозяйство является потребителем продукции тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов, электроэнергии, комбикормов, химических и биологических стимуляторов роста, средств защиты растений и животных и т. д. В то же время сельское хозяйство служит сырьевой базой для перерабатывающей, текстильной, кожевенно-обувной и других отраслей промышленности. В мировом сельском хозяйстве занято около 1,1 млрд человек экономически активного населения, из них в развитых странах — всего 22 млн человек. Функцией собственно аграрного сектора является создание первичного продукта, при этом лишь 1/4 поступает конечному потребителю в свежем виде, а 3/4 подвергается технологической переработке.

Экономическая ситуация в агропромышленном комплексе неоднородна. Одной из самых динамично развивающихся отраслей является пищевая промышленность, к которой относится совокупность отраслей, производящих пищевкусовые, а также табачные изделия, парфюмерно-косметическую продукцию. Пищевая промышленность отличается повсеместностью размещения, хотя набор её отраслей в каждом районе определяется структурой сельского хозяйства, а объём производства — численностью населения данной территории и условиями транспортировки готовой продукции. Пищевая промышленность тесно связана с сельским хозяйством и объединяет более 20 отраслей, использующих разное сырьё. Одни отрасли, например, сахарная, чайная, масложировая, используют необработанное сырьё, другие — хлебопекарная, кондитерская, макаронная — сырьё, прошедшее переработку, третьи представляют собой сочетание мясной и молочной отраслей.

Эта отрасль характеризуется устойчивым финансовым положением, она активно модернизируется и в связи с политикой импортозамещения, проводимой правительством в ответ на экономическое эмбарго. «В России за последние четыре года в пищевую и перерабатывающую промышленность привлечено более 600 млрд руб. инвестиций. По долгосрочной про-

грамме социального развития на 2020–2030 гг. в пищевую отрасль планируется инвестировать от 900 млрд руб. до 1150 млрд руб., из них 55% будет направлено на технологическую модернизацию отрасли. Ресурсосберегающий путь развития АПК на основе форсированного развития инфраструктуры и перерабатывающей промышленности видится наиболее эффективным для решения как продовольственной, так и экологической проблем» [2].

«В настоящее время в России особое внимание уделяется формированию и развитию инфраструктурного комплекса АПК, который включает в себя отрасли производственно-технической, социальной, научной и информационной структуры, без которой немислимо не только функционирование сельскохозяйственного производства, но и всего агропромышленного комплекса страны. Ситуация осложняется недостаточным взаимодействием между различными отраслями, незначительным притоком инвестиций, устаревшей системой регулирования и высокой степенью износа основных фондов. При этом отмечается, что инфраструктура является одним из ключевых конкурентных преимуществ российских регионов, особенно учитывая протяженность России. Инфраструктурная сфера рассматривается как область, в которой развитие инноваций способно изменить состояние всего аграрного сектора. На сегодняшний день отмечается слабая изученность экономических механизмов инфраструктурного обеспечения АПК» [3].

Все сферы агропромышленного комплекса находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости между собой, и сбалансированное развитие всех звеньев АПК — необходимое условие решения проблемы обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. АПК как важнейший жизнеобеспечивающий сектор экономики России, нуждается в государственной поддержке и регулировании. Государственное регулирование устойчивого развития АПК представляет собой систему экономического, организационного, социального, правового и политического обеспечения государством благоприятной среды для формирования и развития устойчивого воспроизводства предпринимательского типа. Цель такого регулирования состоит в постоянном и полном объеме удовлетворении потребностей населения в продуктах питания.

Государственное регулирование аграрного комплекса является одной из главных составляющих системы государственного регулирования экономики. Состояние всего комплекса, особенно сельскохозяйственного производства, во многом зависит от целенаправленного и успешного выполнения наиболее важных направлений, форм, методов и инструментов аграрной политики государства. Адаптируясь к новым условиям рыночной экономики и проводимой правительством политике импортозамещения, регионы России вырабатывают собственные модели экономического развития. Основными формами участия государства в регулировании федерального, регионального и муниципального развития должны стать государственные федеральные и региональные программы, финансируемые как из государственного бюджета, так и за счёт внебюджетных средств. «Программой, осуществляющей реализацию государственной политики в сфере АПК, является реализация аграрной политики в рамках федеральной Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» [4].

С 2014 г. Россия живёт в условиях экономических санкций Запада и существенного обострения международной обстановки, в связи с чем значение АПК в сфере обеспечения продовольственной безопасности и импортозамещения продуктов питания существенно возрастает. В этой области в последнее время наметились серьёзные успехи и достижения, в то же время остаётся и немало проблем, корни которых уходят в ошибки и просчёты недавнего прошлого, когда отсутствие системного подхода и соответствующего контроля, поспешное и непродуманное «реформирование» всех отраслей АПК привели к ухудшению ситуации, вплоть до упадка целых отраслей и разорения крупных хозяйств.

«На современном этапе Россия уделяет приоритетное внимание вопросу замещения импортной сельхозпродукции, и курс на импортозамещение стал естественной составляющей продовольственной политики. В стране сформирован перечень из 460 инвестиционных проектов, направленных на расширение внутреннего производства товаров этой группы, а на их поддержку из бюджета выделено 265 млрд рублей. Президент страны поставил задачу перед правительством: до 2020 г. по основным видам продукции (молоко, мясо говядины, овощи,

фрукты, плоды, ягоды) закрыть от 80 до 90% внутреннего потребления в России» [4].

В России уже есть немало регионов, где агробизнес достаточно успешно реализует политику импортозамещения в сфере АПК и сельхозпереработке. Это даёт надежду на то, что сельское хозяйство в стране, наконец, встало на путь превращения в успешную и конкурентоспособную отрасль. Тем более что сегодня и власть, и представители агробизнеса отчётливо понимают, что импортозамещение в сельском хозяйстве — это не просто политика поддержки отечественного производителя, это ещё и стратегия обеспечения продовольственной и национальной безопасности России, залог социально-экономической стабильности и поступательного развития страны.

Для отечественных производителей продукции АПК введённое экономическое эмбарго странами Евросоюза можно рассматривать, как шанс увеличить объёмы производства продовольствия, освободившись от конкуренции с не всегда качественной и экологически чистой, но в неизменно яркой красочной упаковке с всевозможными добавками, импортной продукцией. В результате политики импортозамещения и государственной поддержки агропромышленного комплекса можно ожидать рост объёмов производства российской экологически чистой сельскохозяйственной продукции.

«В этом контексте сохранение продовольственного суверенитета страны напрямую коррелирует с текущим состоянием АПК Российской Федерации. В большинстве случаев понятие продовольственной безопасности предполагает обеспеченность населения основными продуктами питания, такими, как зерно, картофель, овощи, мясо, молоко и яйца. Само обеспечение населения страны продовольствием в достаточном количестве и ассортименте представляет сложную проблему, включающую комплекс вопросов производства продовольственной продукции, импортной зависимости и экспортной ориентированности продовольственного рынка, платежеспособности и структуры питания населения» [5].

В 2011 г. при вступлении во Всемирную торговую организацию российская экономика отличалась более высоким уровнем защиты своей экономики, чем у развитых стран, но уступающим большинству развивающихся стран, поскольку чем выше тариф внешнеторговой защиты, тем комфортнее условия для национальных производителей. Значительный выигрыш от членства в ВТО, но в совершенно другой экономической ситуации, по сравнению с Россией приобрёл Китай.

Китайская Народная Республика — пример страны, хорошо подготовившейся к вступлению в ВТО и получившей максимальный выигрыш от членства в этой организации. Процедура переговоров, как и в случае с Россией, заняла значительное время. Китай потратил 15 лет на переговоры об открытии китайских рынков сельского хозяйства, финансовых услуг и телекоммуникаций для зарубежных производителей. Руководство КНР последовательно добивалось от партнёров по переговорам значительных уступок, продолжая, в то же время, активно развивать собственную промышленность. Недорогие факторы производства и дешёвая национальная валюта позволили Китаю выиграть от снятия торговых барьеров, однако после вступления в ВТО пострадали отдельные отрасли экономики Китая. Первоначальный эффект для сельского хозяйства страны был негативным: масса разорившихся крестьянских хозяйств, низкая конкурентоспособность по сравнению с зарубежными производителями сельхозпродукции. Однако постепенно крестьяне, лишившиеся источников дохода, адаптировались в новых экономических условиях и нашли работу в быстро развивающихся промышленных производствах. Рост безработицы в аграрном секторе в целом соответствовал общему курсу страны на урбанизацию и индустриализацию. Вступление в ВТО и интеграция Китая в мировую экономику логично стали стимулом к развитию социальной сферы села за счёт расширения использования таких инструментов финансово-бюджетной политики, как различные субсидии и программы по регулированию рождаемости, здравоохранению, образованию, медицинскому обслуживанию и социальному развитию.

При всех благоприятных внешних и внутренних факторах, способствовавших успешному использованию Китаем выгод взаимодействия с ВТО, нельзя недооценивать роль китайского правительства в этих условиях: быстрый рост внешнеторговых операций Китая является результатом взвешенного управления притоком иностранных инвестиций и поддержание стабильно низкого курса национальной валюты, обеспечивавшего несомненную конкурентоспо-

способность китайских товаров.

Сельское хозяйство в Китае является самой важной отраслью экономики страны, одним из крупнейших в мире по количеству производимой продукции, оно является основным поставщиком сырья (70%) для легкой промышленности. «Количество жителей страны, занятых в сельском хозяйстве, составляет около 313 млн человек. Китай традиционно относится к крупнейшим производителям сельскохозяйственной продукции в мире. Около 7% мировых пахотных земель приходится на КНР, что составляет порядка 110 млн гектаров. Из всего земельного фонда только 21% угодий является высокопроизводительным, так как не все районы имеют благоприятный климат для активного земледелия» [18]. Районы, являющиеся высокопроизводительными, характеризуются благоприятными условиями для растениеводства: продолжительный вегетативный период, высокие суммы активных температур, обилие осадков, что позволяет выращивать два, а на крайнем юге Китая и три урожая в год.

В Китае всего 110 млн га пашни, однако страна стала одним из крупнейших мировых производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции. Из-за недостатка высокопроизводительных пахотных земель одно лишь полеводство не способно привести 300 млн человек, занятых в сельском хозяйстве, к зажиточной жизни. Власти страны пришли к выводу, что только местное предпринимательство может превратить главное богатство Китая — трудовые ресурсы — в реальные товары и услуги.

Основой АПК Китая на сегодня является сельское хозяйство, которому традиционно присуще зерновая направленность, зерно составляет 3% пищевого рациона страны, а главными продовольственными культурами являются рис, пшеница, кукуруза, гаолян, просо, корнеплоды и соя. Это дает возможность занимать стране первые позиции по выращиванию риса, хлопка и пшеницы среди сельхозпроизводителей всего мира. «Около 20% посевных площадей занято под рисом, по сбору риса страна занимает первое место в мире, на его долю приходится примерно половина всего сбора зерна в стране. Основные рисоводческие районы находятся южнее реки Хуанхэ» [20]. Пшеница является второй по значению зерновой культурой Китая, и на сегодняшний день ни одна страна мира не собирает таких высоких урожаев пшеницы, как Китай. Страна входит в мировую тройку лидеров по выращиванию хлопка.

Важное значение для сельского хозяйства Китая имеет выращивание технических культур, производство которых приносит значительную прибыль по сравнению с производством зерна, хлопка, овощей и фруктов. Китай занимает ведущие места в мире по объемам экспорта овощей и выращивания фруктов, в связи с чем в стране увеличивается количество посевных площадей под овощные культуры. Значительная часть овощной продукции и фруктов идет на экспорт, включая Россию. В связи с санкциями, объявленными странами ЕС и США в отношении России, Китай высказал готовность полностью покрыть её потребности в овощах, фруктах и другой продукции растениеводства.

Животноводство в Китае не столь развито, как земледелие, что вызвано интенсивным использованием земельных ресурсов и большой плотностью населения. Слабый уровень развития животноводства молочного направления и преобладающее выращивание скота для тягловой работы — характерные особенности животноводства страны. На значительной части территорий Китая агропромышленный комплекс в полной мере зависит от наличия оросительных сооружений. Учитывая разные природные условия и особенности вегетации выращиваемых культур, сборы урожая, искусственное орошение является одним из главных условий повышения уровня урожайности сельскохозяйственных культур.

«Основной задачей АПК Китая в 2015 г., согласно ежегодно издаваемому ЦК КПК программному «Документу № 11», стало обеспечение продовольственной безопасности и развитие сельскохозяйственной инфраструктуры. Китаю по-прежнему приходится думать о том, как накормить своё быстро растущее население. По официальным данным статистического агентства КНР, за последний год естественный прирост составил 7,3 млн чел.» [7] (табл.).

Прирост населения Китая (countrymeters.info/ru/China)

Год	Население	Прирост населения, %
2013	1 354 040 000	0,50
2014	1 360 720 000	0,49
2015	1 367 820 000	0,52
2016	1 375 137 837	0,53

В первую очередь, китайское правительство обеспокоено необходимостью повышения объёмов сельскохозяйственного производства, поскольку стране необходимо поддерживать самокупаемость продовольственной отрасли на уровне 95%, хотя, согласно официальной статистике, сельскохозяйственная отрасль в последние десять лет показывает устойчивые темпы роста.

«Борьба с загрязнением окружающей среды в сельской местности является частью усилий китайского правительства по обеспечению продовольственной безопасности страны, и правительство страны намерено приложить усилия по обеспечению страны зерном собственного производства. При этом особое внимание обращено на поддержание достаточного количества пахотных земель и повышение производительности сельского хозяйства» [19].

Проведённая в Китае модернизация аграрного сектора экономики позволила резко увеличить производство и экспорт сельскохозяйственной продукции и занять лидирующие позиции на мировом аграрном рынке. Опыт Китая свидетельствует о том, что государство является не противником рынка, а способствует его развитию вместе с государственным сектором экономики, обеспечивая, тем самым, занятость сельского населения страны.

Правительство Китая считает усиление роли государства в аграрной сфере наиболее перспективным направлением аграрной политики, для того чтобы за счёт действенных административных рычагов обеспечивать внутреннюю продовольственную безопасность и поддерживать высокий экспортный потенциал продукции агропромышленного комплекса. В настоящее время Китай демонстрирует высокие показатели производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции, проводит активную социальную политику в сельской местности и оказывает существенное влияние на конъюнктуру мировой торговли продовольствием. Это стало возможным благодаря гибкому сочетанию административных и экономических мер в системе государственного регулирования сельского хозяйства в направлении повышения эффективности отрасли и устойчивого обеспечения населения продовольствием.

«Опыт государственного регулирования сельского хозяйства Китая может быть использован в России по той причине, что обе страны располагают значительными территориями, многообразием природно-климатических условий, а также в предшествующий экономическим преобразованиям период в обеих странах были распространены похожие производственные и политические процессы» [8].

«В настоящее время правительству КНР приходится полагаться на так называемую стратегию “умеренного импорта” сельскохозяйственных культур, что означает “импорт” сельскохозяйственных культур путём покупки или долговременной аренды сельскохозяйственных угодий и строительства логистических центров на территориях других стран, то есть тех стран, которые остро нуждаются в притоке иностранных инвестиций» [17].

«В июне 2014 г. Россия и Китай создали Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ), который является фондом прямых инвестиций, вкладывающим средства в уникальные возможности, возникшие в результате быстрого развития экономического сотрудничества, динамично развивающейся торговли и повышения покупательной способности среднего класса в России, Китае и странах СНГ. Создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation. РКИФ уделяет особое внимание трансграничным сделкам, а также инвестициям в различные секторы экономики региона с целью содействия структурным реформам и повышения эффективности экономик России и Китая. Однако, несмотря на положительную оценку работы фонда, китайские инвесторы, судя по высказываниям зам. председате-

ля КНР, хотели бы активнее участвовать в инвестиционных проектах на территории России и, в первую очередь, в агросфере и инфраструктурных проектах» [9].

В рамках политики «умеренного импорта», проводимой правительством страны, заместитель председателя КНР Ли Юаньчао предложил создать единую экономическую зону, которая включала бы российский Дальний Восток и север Китая. «У России не хватает рабочих рук, тогда как у соседа на Востоке их много, Россия обладает гигантскими земельными ресурсами, однако ей не хватает людей, для того чтобы их осваивать самостоятельно. Российская молодёжь выбирает для себя работу «белых воротничков», в то время как в Китае есть много рабочих. Надо поторопиться и извлечь из этого пользу... Экономическое сотрудничество России и Китая отличается от экономического сотрудничества других стран. Во-первых, оно естественное, для него не нужны какие-то агенты. Во-вторых, оно взаимодополняемое. Можно постепенно создать новый блок в Восточной Азии — Дальний Восток России и север Китая. Они могут создать экономическую зону» [10].

Как для России, так и для Китая характерен дисбаланс в уровнях доходов городского и сельского населения. Обнародованный в Китае «План по национальной урбанизации на 2014–2020 гг.» ставит своей целью достичь 60% уровня урбанизации к 2020 г. К настоящему времени показатель городского населения в Китае составляет менее 54% [11].

В аграрной сфере производства сложилось крайнее неравенство между территориями и отдельными сёлами, которые вовлечены в индустриальный бум в процессе модернизации в восточных, приморских и центральных провинциях АПК КНР, и теми, кто занят земледелием и сельскохозяйственным трудом в глубинке. Прямым следствием «дисбаланса» доходов стало растущее отчуждение сельскохозяйственных угодий.

Руководство КНР хорошо понимает сложившуюся ситуацию и предпринимает конкретные меры для стабилизации отрасли и её дальнейшего устойчивого развития. Однако остаются нерешёнными проблемы системного характера, связанные, в первую очередь, с правом собственности на землю, её использованием, свободной куплей-продажей земли. Отсутствие гарантированных прав землевладения у крестьян и реального рынка земли в стране тормозит рост внутреннего спроса и препятствует капитализации деревни. Решение этих вопросов связано с общей проблемой модернизации социального, экономического и, главным образом, политического устройства китайского государства и общества в целом, но это уже проблема будущего китайского руководства.

В современных условиях Россия и Китай всё больше сотрудничают как в политической, так и в экономической сферах. Эффективное взаимодействие и сотрудничество между странами невозможно без юридической составляющей. В связи с этим ведущие эксперты — юристы и представители бизнеса двух стран встретились для обсуждения актуальных вопросов взаимоотношений российского и китайского бизнеса на конференции «Россия и Китай: партнёры по праву», проходившей в Москве 27 октября 2016 г.

«Различия в законодательствах России и Китая мешают привлечению китайских инвестиций для расширения российского сельскохозяйственного производства, — заявил замглавы Минсельхоза РФ Сергей Левин. — Несмотря на взаимную заинтересованность и большие объёмы торговли между Россией и Китаем, у нас есть большой задел, нереализованный сегодня, для развития сотрудничества. Но при этом не меньший задел находится в области инвестиционного сотрудничества, в области расширения сельхозпроизводства на территории РФ, поставок, как на рынки Китая, так и третьих стран. Товарооборот сельхозпродукцией между странами стабильно растёт: за восемь месяцев 2016 г. он вырос на 7% и составил почти 3 млрд долл.», — сказал С. Левин во время выступления на конференции. Россия и Китай также планируют создание совместного агрокластера и сети агрологистических центров на Дальнем Востоке» [12].

Круглый стол под эгидой российско-китайской межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству состоялся в апреле 2016 г. в Пекине. С китайской стороны участие приняли более 20 компаний, финансовых учреждений и инвестиционных агентств, в том числе Банк развития Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Банк Китая, Фонд Шелкового пути и др. С российской стороны китайским инвесторам был представлен ряд перспективных проектов.

В частности, компания «Русагро» представила проект по строительству свиноводческого комплекса в Приморье оценочной стоимостью один миллиард долларов. Второй проект — Агромир, предполагающий создание сети оптово-распределительных центров сельхозпродукции в Московской и Ростовской областях, а также в Республике Татарстан, был представлен Национальной продуктовой компанией. Комплекс из этих трех центров оценивается в 950 млн долл.

«В текущем году китайские бизнесмены инвестируют в сельское хозяйство республики от 700 до 800 млн руб., сообщил глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров. Он рассказал, что первые сельхозпроизводители из Китая уже начали засаживать выделенные им участки. В начале мая группа бизнесменов Китая, в составе которой находились руководители крупнейших корпораций, посетила Ингушетию. Они побывали на ряде производственных и социальных объектов, изучили потенциал региона и перспективы вложения инвестиций в экономику республики. По итогам визита китайские инвесторы решили вложиться в агропромышленный комплекс Ингушетии, они намерены запустить производство по выращиванию грибов, построить парниковое хозяйство» [12].

«В мае 2016 года министр сельского хозяйства Российской Федерации Александр Ткачев во время визита в Пекин провёл рабочую встречу с министром сельского хозяйства Китайской Народной Республики Хань Чанфу. Александр Ткачев отметил, что за первый квартал 2016 г. товарооборот между странами увеличился на 10% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. — до 800 млн долл. США. В 2 раза увеличились объёмы поставок из Китая цитрусовых и яблок, а также мороженой рыбы и ракообразных. Россия, в свою очередь, увеличила в 2 раза объёмы поставок кукурузы, соевых бобов, соевого и подсолнечного масел. В ходе встречи стороны обсудили основные направления российско-китайского взаимодействия в области сельского хозяйства, в частности, вопросы обеспечения доступа сельхозпродукции на рынки двух стран» [12].

Важным аспектом сотрудничества России и Китая в аграрной сфере является инвестиционная деятельность, а именно: создание совместных инвестиционных проектов в рамках деятельности подкомиссии по сельскому хозяйству Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. «После встречи в присутствии глав аграрных ведомств двух стран состоялось подписание договора по строительству кролиководческого комплекса. Документ предполагает создание совместного предприятия полного цикла по производству мяса кролика мощностью 5 тыс. тонн в год на территории Воронежской области» [9].

В рамках второго Восточного экономического форума, проходившего 2–3 сентября 2016 г. во Владивостоке, секретарь горкома Компартии Китая Мэн Сянвэй объявил о том, что китайские компании города Циньхуандао провинции Хэбэй, Северный Китай, собираются инвестировать около пяти миллиардов юаней (750 млн долл.) в выращивание сои и других сельскохозяйственных культур на территории российского Дальнего Востока. «Принимая участие в Восточном экономическом форуме, мы надеемся лучше понять механизмы торгово-экономического сотрудничества и найти новые формы партнёрства. Проект по производству сои и других зерновых на Дальнем Востоке пока прорабатывается, но мы очень заинтересованы в его реализации», — сказал он» [10].

«Дальнейшему развитию инвестиционного сотрудничества двух стран послужит Российско-Китайский фонд агропромышленного развития (РКФАР), официально зарегистрированный в августе 2016 г. Это стратегически важный проект, который позволит привлечь огромный азиатский капитал и реализовать неординарные возможности в развитии сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Капитал РКФАР составит до 10 млрд долл., на первом этапе — 13 млрд руб. На всех этапах 90% капитала фонда формируют китайские инвесторы, 10% — российские» [9].

Примечательно и то, что правительство Китая проводит по отношению к налогоплательщикам гибкую стимулирующую налоговую политику. «Предприятия, работающие в низкорентабельных отраслях, находящиеся в отстающих, отдалённых провинциях, получают налоговые льготы в виде 15–30% снижения на 10 лет. Иностранцам, реинвестирующим в стране прибыль на срок не менее 5 лет, возвращается 40% уплаченного налога. Фирмы, занимающиеся экспортом, получают 20% дотаций. Таким способом обеспечивается рост производства и расширяет-

ся налогооблагаемая база. Сельскохозяйственные предприятия страны освобождают от налогов на 15 лет. В КНР нет частной собственности на землю, возможна только аренда земли сроком до 50 лет» [13].

Переход от уравниловки народных коммун к семейному подряду вызвал всплеск трудовой активности крестьян. Хотя количество жителей в стране увеличилось, удвоились и сборы сельскохозяйственной продукции. «Стоит отметить, что значительным сдвигом в экономической политике Китая стал переход от налогового давления на аграрный сектор экономики к активной поддержке сельхозпроизводителей и увеличению производительности сельскохозяйственных предприятий» [14].

«По отношению к другим странам Китай проводит мирную внешнюю политику, которая строится на основе принципов мирного сосуществования, но при строгом учёте национальных интересов. Страна не вступает в блоки, выступает против силовой политики и гегемонии в любой форме, за многополярный мир. Правительство целенаправленно работает над развитием страны и увеличением внешнеторгового оборота. В этих условиях экспорт технологий и товаров с добавленной стоимостью в Китай позволит оживить экономику России» [15].

Результатом проведения взвешенных экономических и внешнеполитических мер руководством КНР является и то обстоятельство, что в ноябре 2015 г. директор-распорядитель международного валютного фонда Кристин Лагард объявила китайскую национальную валюту — юань — международной резервной валютой. По уровню экономического развития Китай приблизился к США, однако по политическому «весу» несколько отстаёт, ибо политический рейтинг страны имеет много составляющих.

Результаты. Выявлены основные тенденции, определяющие дальнейшее развитие агропромышленного комплекса России в непростой период экономических санкций Евросоюза и ответных санкций России. Экономическая ситуация в агропромышленном комплексе России неоднородна. Одной из самых динамично развивающихся отраслей является пищевая промышленность, которая характеризуется устойчивым финансовым положением, она активно модернизируется и в связи с политикой импортозамещения, проводимой правительством в ответ на экономическое эмбарго, объявленное России странами Евросоюза. По долгосрочной программе социального развития на 2020–2030 гг. в пищевую отрасль планируется инвестировать от 900 млрд руб. до 1150 млрд руб., из них 55% будет направлено на технологическую модернизацию отрасли. В стране сформирован перечень из 460 инвестиционных проектов, направленных на расширение внутреннего производства товаров этой группы, а на их поддержку из бюджета выделено 265 млрд рублей.

Для сравнения взят агропромышленный комплекс Китайской Народной Республики, который в настоящее время демонстрирует высокие показатели производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции, проводит активную социальную политику в сельской местности и оказывает существенное влияние на конъюнктуру мировой торговли продовольствием. Это стало возможным благодаря гибкому сочетанию административных и экономических мер в системе государственного регулирования сельского хозяйства в направлении повышения эффективности отрасли и устойчивого обеспечения населения продовольствием. Важным аспектом сотрудничества России и Китая в аграрной сфере является инвестиционная деятельность, а именно: создание совместных инвестиционных проектов на территории нашей страны. Товарооборот сельхозпродукцией между странами стабильно растёт, за восемь месяцев 2016 г. он вырос на 7% и составил почти 3 млрд долл. Различия в законодательствах России и Китая мешают привлечению китайских инвестиций для расширения российского сельскохозяйственного производства. Дальнейшему развитию инвестиционного сотрудничества двух стран послужит Российско-Китайский фонд агропромышленного развития (РКФАР), официально зарегистрированный в августе 2016 г.

Выводы. Активно развивая двустороннее взаимовыгодное сотрудничество с КНР, России необходимо активнее отстаивать свои национальные интересы и перенимать тот положительный опыт, который приемлем для нашей страны. Естественно, учёт зарубежного опыта аграрного развития в АПК России не означает его копирования, нужно сочетать всё лучшее и эффективное в мировом аграрном производстве с уже имеющимися достижениями отечественного агропромышленного комплекса, учитывая все изменения, происходящие в совре-

менном динамично развивающемся мире.

В заключении можно согласиться с высказыванием профессора С. Наделя о том, что «ни одно государство не станет полностью копировать чужой, даже самый позитивный, опыт. Из практики других стран извлекаются те моменты, которые считаются наиболее приемлемыми и полезными» [16].

Литература

1. Санкционная война. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.tvc.ru/news/theme/id/138> (Дата обращения: 03.06.16).
2. Официальный сайт Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации. — URL : www.economy.gov.ru. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (разработан Минэкономразвития России).
3. Современное состояние и проблемы развития АПК России. — URL : <http://agro-archive.ru/>. (Дата обращения: 20.07.2016).
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.
5. О текущей ситуации в агропромышленном комплексе Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL : http://mcx.ru/documents/document/v7_show/31743..htm. (Дата обращения: 30.07.16).
6. Морозова, О. В., Тимашикова, Т. Е. Продовольственное импортозамещение в РФ : реалии и перспективы развития сельского хозяйства на 2015 г. [Статья] // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 5 (часть 3). С. 658–662.
7. Статистические данные социально-экономического развития КНР. [Электронный ресурс]. — URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html. [Дата обращения: 03.06.2016].
8. Сравнительный анализ государственного регулирования АПК развитых зарубежных стран / Камилова П.Д. // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. №10. С. 90.
9. Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ). — URL : www.rcif.com.
10. КНР намерена создать с РФ единый экономический блок на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. — URL : <http://ria.ru/economy/20140524/1009143669.html>. [Дата обращения: 21.06.2016].
11. Доклад о работе правительства, зачитанный премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей / ВСНП/ 12-го созыва 17 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL : <http://russian.people.com.cn/n/2015/0317/c31521-8863978.html>. [Дата обращения: 06.07.2016].
12. Официальный интернет-портал Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. — URL : www.mcx.ru. [Дата обращения: 03.07.2016].
13. Доклад о работе правительства КНР [Электронный ресурс]. — URL : <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-3/17/>. [Дата обращения: 06.07.2016].
14. Логинова, О. А. Опыт государственного регулирования аграрного производства за рубежом // *Вестник Алтайского гос. аграрного ун-та*. 2012. Т. 93. № 7. С. 105.
15. Экономика и сельское хозяйство Китая / В.А. Зальцман // *Нивы России*. №7 (140). 29.08.2016.
16. Надель, С. Рыночная экономика и экономическая демократия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 1. С. 45.
17. Китай планирует ускорить модернизацию сельского хозяйства путем реформ // *Синьхуа*. (Дата обращения: 01.06.2016).
18. Правительство КНР обнародовало план развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. — URL : <http://china24news.com/economics/933-china-s-government-announced-a-plan-to-develop-agriculture>. [Дата обращения: 21.06.2016].
19. Статистические данные социально-экономического развития КНР в 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html. [Дата обращения: 03.07.2016].
20. Сунь Хаожан. Повышение эффективности интенсификации производства риса в Китае : автореферат. — М., 2005.

References:

1. Sanctions War. [Electronic resource]. — URL : <http://www.tvc.ru/news/theme/id/138>. (Reference date: 06.03.16).
2. The official website of the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation. — URL: www.economy.gov.ru. Prediction of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2030 y."(developed by Ministry of Economic Development of Russia).
3. Current state and problems of development of Russian agro-industrial complex. — URL : <http://agro-archive.ru/>. (Reference date: 20.07.2016).
4. State program of agricultural development and regulation of agricultural products, raw materials and food for 2013–2020 years.
5. On the current situation in the agro-industrial complex of the Russian Federation [Electronic resource]. — URL : http://mcx.ru/documents/document/v7_show/31743..htm. (Reference date: 30.07.16).
6. Morozova, O. V., Timashkova, T. E. Food import substitution in Russia : Realities and prospects for the development of agriculture for 2015 [Article] // *Basic research*. 2015.. No. 5. (Part 3). P. 658–662.
7. Statistics of China socio-economic development. [Electronic resource]. — URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html. [Reference date: 03.06.2016].

8. *Comparative analysis of state regulation of agrarian and industrial complex developed foreign countries* / Kamilova P.D. // *Regional problems of economic transformation*. 2014. No.10. P. 90.
9. *The Russian-Chinese investment fund (RKIF)*. — URL : www.rcif.com.
10. *China intends to create a single economic unit of the Russian Federation in the Far East* [electronic resource]. — URL : <http://ria.ru/economy/20140524/1009143669.html>. [Treatment date: 21.06.2016].
11. *Report on the work of the government, read out by Chinese Premier Li Keqiang at the 3rd session of all-China meeting of national representatives /VSNP/ 12th convocation March 17, 2015* [electronic resource]. — URL : <http://russian.people.com.cn/n/2015/0317/c31521-8863978.html> [Reference date: 06.07.2016].
12. *The official internet-portal of the Russian Federation Ministry of Agriculture*. [Treatment date: 07.03.2016.]
13. *Report of the Chinese government* [electronic resource]. — URL : <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-3/17/>. [Reference date: 07.06.2016].
14. Loginova, O. A. *The experience of state regulation of agricultural production abroad* // *Bulletin Altai State. Agricultural Univ.* 2012. V. 93. No. 7. P. 105.
15. *Economy and Agriculture of China* / V.A. Salzman // *Russian Niva*. No.7 (140). 29.08.2016.
16. Nadel, S. *Market economy and economic democracy* // *World Economy and International Relations*, 2000. № 1. P. 45.
17. *China plans to accelerate the modernization of agriculture through reform* // *Xinhua*. (Reference date: 01.06.2016).
18. *The Chinese Government promulgated the plan for the development of agriculture* [electronic resource]. — URL : <http://china24news.com/economics/933-china-s-government-announced-a-plan-to-develop-agriculture>. [Treatment date: 21.06.2016].
19. *Statistics of China socio-economic development in 2015* [Electronic resource]. — URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201502/t20150226_685799.html. [Treatment date: 03.07.2016].
20. Sun Haozhan. *Increasing the efficiency of an intensification of rice production in China : the dissertation*. — M., 2005.

АРСЛАНОВ ШАМИЛЬ ДЖАВАДОВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований
ДНЦ РАН», e-mail: ars_dgu@mail.ru

ГАДЖИЕВА АЙШАТ ГАМЗАТОВНА

к.э.н., младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований
ДНЦ РАН», e-mail: aishat86.86@mail.ru

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: МОТИВАЦИЯ ТРУДА

Аннотация. *Цель исследования* заключается в определении влияния повышения мотивации труда в сельском хозяйстве на развитие агропромышленного комплекса. **Метод или методология проведения работы.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные методы научного познания, включая принципы диалектического единства качественной и количественной оценки. Для достижения цели исследования были использованы методы системного, ситуационного, функционально-статистического анализа, экспертных оценок, а также формализованные и неформализованные аналитические процедуры: научная абстракция, метод аналогий и сравнение. **Результаты исследования.** Проанализированы основные проблемы мотивации труда работников сельскохозяйственных производств. Предложены пути повышения мотивации труда жителей сельских поселений и территорий, позволяющие решить указанные проблемы в сельском хозяйстве. **Область применения результатов.** Полученные результаты позволят повысить и качественно улучшить занятость жителей сельских поселений и территорий, что приведет к восстановлению сельскохозяйственной отрасли нашей страны. **Выводы.** Проблемы и негативные тенденции развития социально-экономической сферы сельских поселений и территорий снижают мотивацию сельских жителей к труду. Соответственно, необходима социальная система компенсаций для жителей сельских поселений и территорий, которая позволит повысить мотивацию труда, посредством выделения жилья и созданием возможностей обеспечения своих семей. Для создания и дальнейшего развития мотивационных механизмов в сельском хозяйстве на уровне государства необходимо принять следующий комплекс мер: усилить государственное регулирование уровня заработной платы жителей сельских поселений и территорий; снизить объем потока миграции жителей сельских поселений и территорий в города; создать социально-бытовые условия для молодежи, особенно для молодых специалистов; усилить надзор за соблюдением Трудового кодекса РФ и иных нормативно-правовых актов в сельских поселениях; организовать профессиональную подготовку и переподготовку кадров для АПК. **Ключевые слова:** сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, заработная плата, мотивация труда, мотивы, социальная сфера, стимулы.

ARSLANOV SHAMILI DZHAVADOVICH

PhD, senior researcher FGBUN "Institute for social and economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences", e-mail: ars_dgu@mail.ru

GADZHIEVA AYSHAT GAMZATOVNA

Ph. D., Junior researcher, FGBUN "Institute for social and economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences", e-mail: aishat86.86@mail.ru

DEVELOPMENT OF AGRICULTURE: MOTIVATION FOR WORK

Abstract Summary. *The goal of the study* is in determining the impact of increasing motivation for work in agriculture for the development of the agro-industrial complex. **Method or methodology of performing work.** The methodological foundation of the study was laid out by the fundamental methods of scientific cognition including the principles of a dialectic unity of the qualitative and quantitative evaluation. In order to achieve the goal of the study, the methods of systemic, situational, functional-statistical analysis, expert evaluation, as well as formalized and non-formalized analytical procedures have been used, i.e. scientific abstraction, a method of anal-

ogies, and comparison. **The results of the study.** The main problems of motivation for work of employees of the agricultural industry have been analyzed. Ways to improve the motivation for work of dwellers of rural settlements and territories have been suggested. These ways towards improvements allow to find solutions to the specified problems in agriculture. **The area of application of the results.** The results obtained will allow to improve and qualitatively increase the employment rate of dwellers of rural settlements and territories which will lead towards the restoration of the agricultural industry of our country. **The conclusions.** The problems and negative tendencies of development of the social-economic sphere of agricultural settlements and territories reduce the motivation of rural dwellers to work. Therefore, it is necessary to have a social system of compensations for the dwellers of rural settlements and territories which will allow to improve the motivation for work through providing housing, and creating opportunities to provide for their families. In order to create and further develop the motivational mechanisms in agriculture at the state level, it is necessary to take up the following complex of measures: strengthen the state regulation of the level of earnings of dwellers of rural settlements and territories; reduce the volume of the stream of migration of dwellers of agricultural settlements and territories to cities; create social conditions for young people, especially for young specialists; strengthen surveillance over following the Labor Code of the Russian Federation and other standard legislative acts in agricultural settlements; organize professional training and re-training of human resources for the AIC.

Keywords: agriculture, the agro-industrial complex, wages, motivation for work, incentives, the social sphere, stimuli

Введение. Опираясь на достаточно долгий и разнообразный опыт развития общества и общественных отношений, можно с определенной долей уверенности полагать, что при любом типе производства основным фактором является заинтересованность/мотивация человека. Стимуляция такой заинтересованности работников производства к осуществлению своей трудовой деятельности осуществляется посредством мотивации. Соответственно, мотивация выступает в роли одной из основополагающих компонент при формировании как любого производства, так и общества в целом [1,3,11].

Современный мир невозможен без разрешения достаточно сложных и наболевших проблем мотивации труда в сельском хозяйстве, которые и составляют задачи нашего исследования и в то же время определяют его актуальность.

Методы исследования. Термин «мотивация» в нашей стране может считаться относительно новым и неизученным, хотя существует достаточно много неоднозначных, а иногда даже и противоречивых трактовок данного термина.

Анализ существующих трактовок термина «мотивация» предлагаем провести в форме их сравнения, которое позволит нам дать более точное определение, позволяющее достичь цели исследования, при этом делая акцент на то, что мотивация одна из функций системы управления (табл.).

Мотивация в полной мере может быть представлена как функция управления предприятием, задача которой состоит в том, чтобы обеспечивать своевременно, в полном объеме и качественно выполнение поставленных перед работниками комплекса производственных целей и задач [2,12,18,19,20].

Соответственно, мы можем определить мотивацию как самостоятельный комплекс определенных мероприятий по формированию и дальнейшему управлению производственной культурой (трудовым поведением) работника. В свою очередь, выработка наиболее эффективных способов и механизмов управления трудовыми ресурсами предприятия является стратегической целью любого предприятия.

Менее всего на сегодняшний день защищён труд в сельском хозяйстве, которое, в то же время, более всего страдает от нехватки высококвалифицированных работников. Сегодня в нашей стране даже в промышленном секторе наблюдается отток наиболее грамотных и высококвалифицированных работников, поэтому не стоит удивляться тому положению, в котором оказалось отечественное сельское хозяйство (низкий уровень развития, незначительный объем инвестиций, полное отсутствие развития социальной инфраструктуры села) [4,7,8,15].

Сравнительный анализ определений термина «мотивация»

Автор	Определение
Нагибина М.Н.	Мотивация — это комплекс мероприятий по управлению трудовым поведением работника [16].
Кабушкин Н.И.	Мотивация — это процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личностных целей и целей организации [9].
Королёв Ю.Б.	Мотивация — функция менеджмента, предполагающая использование мотивов поведения человека в практике управления его деятельностью [10].
Паронян А.С.	Мотивация — побуждение к активности и деятельности личности (социальной группы, общности людей), связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности [17].
Кувшинов А.И.	Мотивация — это процесс побуждения, стимулирования кого-либо (отдельного человека или группы людей) к деятельности, направленной на достижение личных целей и целей организации. Мотивацию труда следует рассматривать как комплекс мер, направленных на активизацию физических, умственных и морально-психологических усилий человека, побуждающих его в результате трудовой деятельности удовлетворять свои всё возрастающие материальные и духовные потребности [11].
Авторское определение	Мотивация — это процесс побуждения работника к выполнению его трудовой деятельности на основе комплекса экономических и неэкономических стимулов и мотивов, ценных с точки зрения работника.

На развитии сельского хозяйства основывается продовольственная безопасность и благополучие общества, более того, развитое сельское хозяйство является гарантом государственной безопасности. Сельское хозяйство нашей страны, несмотря на огромные земельные, водные ресурсы и разнообразие климатических поясов, находится в достаточно неприглядном положении. Не случайно все развитые европейские страны уделяют максимум внимания поддержке и развитию собственного сельского хозяйства, выделяя данную отрасль в приоритетную для государства, развитие которой невозможно без использования новейших достижений и разработок мирового научно-технического прогресса.

Для решения задач нашего исследования более подробно рассмотрим организацию работодателем мотивационной функции в условиях формирования и развития сельскохозяйственного производства. В данном случае сельское хозяйство выступает специфической сферой, в которой производству принадлежит ряд, несомненно, отличительных черт, которые отражают его повышенную сложность и неоднородность. Подобная специфика обусловлена, в первую очередь, производственной и экономической уникальностью сельскохозяйственного производства.

Производственная специфика проявляется в том, что сельскохозяйственное производство возможно лишь там, где есть свободные земельные ресурсы, поскольку оно предполагает использование земли и других природных ресурсов. Сельскохозяйственная продукция также обладает спецификой, которая проявляется в особых условиях её переработки и хранения и транспортировки, сроки которых ограничены в силу развития биологических процессов. Те же биологические законы определяют сезонность сельскохозяйственного производства и определяют его результаты, зависящие от природно-климатических условий.

Рассматривая экономическую специфику, можно отметить тот факт, что земля, которая выступает основным средством производства в сельском хозяйстве, не может быть включена в себестоимость сельскохозяйственной продукции, поскольку не подлежит амортизации [5,13].

Остановимся на более подробном рассмотрении сельскохозяйственной специфики мотивации, которая может проявляться в следующем:

1. Сезонность работ. Сезонность предполагает временной разрыв между результатами производства и самим процессом производства. И чем длиннее временной разрыв, тем сложнее мотивация. Из чего следует, что сезонность сельскохозяйственных работ является фактором усложнения стимулирования и заинтересованности.

2. Прямая зависимость результата от природно-климатических и природно-экономических условий. Такая зависимость делает объективными риски неполучения запланированного уровня дохода. Что опять-таки снижает и усложняет мотивацию, которая базируется на материальном вознаграждении.

3. Спецификой сельскохозяйственного производства выступает тот факт, что не вся сельскохозяйственная продукция включена в состав товарной продукции, чаще всего она вовлечена во внутренний оборот, то есть выступает в качестве сырья для других производителей. Данный факт также рассматривается как снижающий мотивацию.

4. Работники сельского хозяйства участвуют и в налаживании собственного подсобного хозяйства, что опять-таки ограничивает мотивацию труда, так как возникает определенная степень их самообеспеченности.

Вышеизложенное позволяет нам говорить о том, что мотивация работников в сельском хозяйстве существенно различается от мотивации в других, несельскохозяйственных видах деятельности. В сельском хозяйстве работодатель несколько ограничен в механизмах мотивационного воздействия, единственное преимущество, которым он обладает, это возможность использования нематериальной мотивации, которая в силу объективных причин также несколько ограничена и требует довольно грамотного её применения. Еще одной существенной проблемой выступает неподготовленность самих руководителей в сельском хозяйстве, поэтому добиться эффективной мотивации можно только при условии повышения квалификации руководителей сельскохозяйственных предприятий.

Общенациональной проблемой развития сельского хозяйства является низкий уровень заработной платы и высокий уровень безработицы, что вынуждает работников сельского хозяйства, да и всех жителей села, искать дополнительные источники доходов.

Негативным фактором, ухудшающим положение сельских территорий, выступает низкий уровень культурного обеспечения, особенно для молодежи. На сельских территориях наблюдается также снижение численности детских, дошкольных и школьных образовательных учреждений. Что приводит к полной занятости детей дошкольного возраста, которые остаются без соответствующего воспитания и подготовки. Снижение численности сельских школ и их отсталая техническая оснащённость приводят к разрыву в условиях получения качественного бесплатного образования. Фактом является и то, что снижается численность библиотек, сельских клубов, домов культуры и школ искусств [6,14].

Особо необходимо отметить процесс сокращения количества медицинских пунктов, которое напрямую влияет на снижение уровня и качества медицинского обслуживания.

Все перечисленные проблемы социально-экономической сферы сельских поселений и территорий позволяют нам, с определенной долей уверенности, сделать вывод о том, что все негативные тенденции развития села снижают мотивацию сельских жителей к труду. Соответственно, необходима социальная система компенсаций для жителей сельских поселений и территорий, которая позволит повысить мотивацию труда, посредством выделения жилья и созданием возможностей обеспечения своих семей.

Необходимо помнить, что сельскохозяйственный труд — это весьма тяжёлый труд, который основан на наличии знаний, умений, здоровья, опыта, терпения, который на сегодняшний день малопривлекателен, не высокотехнологичен и низкооплачиваем. Это определяет повышение роли механизма мотивации труда, основанной на учете системы психологических факторов.

Необходимо совершенствовать стимулирование трудовой деятельности всех жителей сельских поселений и территорий, чтобы достичь высокой степени мотивации их труда.

Основными рычагами мотивации труда выступают как стимулы, так и мотивы. Стимул — это поощрение, а мотив — это побудительная сила к труду. Выделяются материальные, психологические и социальные мотивы осуществления трудовой деятельности. Для жителей сельских поселений и территорий, по нашему мнению, наиболее важными становятся такие мотивы, как трудовая перспектива, высокий имидж и статус работника сельского хозяйства. Социальным мотивом выступает необходимость в жилье.

Для развития сферы сельских поселений и территорий преодоления всех кризисных явлений необходима существенная государственная поддержка, основанная на применении ком-

плекса программных методов и проектного управления. На сегодняшний день государством определены меры поддержки и развития сельских поселений и территорий в Госпрограмме развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.

Преыдушие годы экономических реформ практически уничтожили мотивационный механизм в сельском хозяйстве как на уровне производителей сельскохозяйственной продукции, так и на государственном уровне в целом. Для формирования и дальнейшего развития мотивационного механизма в сельском хозяйстве на уровне государства необходима реализация следующего комплекса мер:

- 1) усилить государственное регулирование уровня заработной платы жителей сельских поселений и территорий;
- 2) снизить объём потока миграции жителей сельских поселений и территорий в города;
- 3) создать социально-бытовые условия для молодёжи, особенно для молодых специалистов;
- 4) усилить надзор за соблюдением Трудового кодекса РФ и иных нормативно-правовых актов в сельских поселениях;
- 5) организовать профессиональную подготовку и переподготовку кадров для сельского хозяйства и АПК.

При этом необходимо осознавать, что лишь неукоснительное выполнение всех вышеперечисленных мер будет способствовать повышению эффективности и значимости принятых целевых программ как федерального, так и регионального значения.

Результаты.

1. На основе сравнительного анализа существующих определений термина «мотивация» уточнено необходимое для задач исследования определение термина «мотивация» труда.

2. Выявлены основные негативные тенденции социально-экономического развития сельских поселений, снижающие мотивацию труда работников сельскохозяйственных производств.

3. Предложены пути повышения мотивации труда жителей сельских поселений и территорий, позволяющие решить выявленные проблемы в сельском хозяйстве.

Выводы.

Сравнительный анализ существующих определений термина «мотивация» позволил нам прийти к выводу, что развитие трудовой мотивации в сельском хозяйстве — это многогранный процесс, целью которого являются:

- 1) привлечение персонала с высокой квалификацией;
- 2) сохранение в сельских поселениях высококвалифицированного персонала;
- 3) устранение текучести кадров;
- 4) развитие стремления к повышению квалификации и навыков.

Соответственно, сегодня вопросы занятости жителей сельских поселений и территорий могут быть решены лишь при условии реализации четко определенных и последовательных социально-экономических, правовых и политических преобразований, с учётом мотивирующих факторов труда в сельском хозяйстве.

Исследованные проблемы социально-экономической сферы сельских поселений и территорий позволяют нам сделать вывод о том, что все негативные тенденции развития села снижают мотивацию сельских жителей к труду. Соответственно, необходима социальная система компенсаций для жителей сельских поселений и территорий, которая позволит повысить мотивацию труда, посредством выделения жилья и созданием возможностей обеспечения своих семей.

Для создания и дальнейшего развития мотивационных механизмов в сельском хозяйстве на уровне государства необходима реализация следующего комплекса мер:

- 1) усилить государственное регулирование уровня заработной платы жителей сельских поселений и территорий;
- 2) снизить объём потока миграции жителей сельских поселений и территорий в города;
- 3) создать социально-бытовые условия для молодёжи, особенно для молодых специалистов;

- 4) усилить надзор за соблюдением Трудового кодекса РФ и иных нормативно-правовых актов в сельских поселениях;
- 5) организовать профессиональную подготовку и переподготовку кадров для АПК.

Литература

1. Арсланов, Ш. Д. Современные проблемы улучшения инвестиционной привлекательности Республики Дагестан // *Экономика и управление: новые вызовы и перспективы*. 2012. № 3. С. 11–12.
2. Арсланова, Х. Д. Проблемы качества государственного управления в кризисных регионах // *Современные тенденции в образовании и науке : сб/ научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 14 частях*. 2014. С. 10–11.
3. Арсланова, Х. Д. Формирование благоприятной предпринимательской среды в аспекте преодоления административных барьеров // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 5 (43). С. 117–120.
4. Арсланова, Х. Д. Междисциплинарный подход в решении экономических проблем // *Социально-экономическое развитие современного общества в условиях реформ : материалы III международной научно-практической конференции*. 2012. С. 15–17.
5. Арсланова, Х. Д. Сдерживающие факторы инновационного развития региона // *Экономика, социология, философия, политика, право : направления развития, совершенствования, созидания : материалы международной научно-практической конференции : в 3 частях*. — Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. 2013. С. 94–95.
6. Арсланова, Х. Д. Современные проблемы развития рынка труда в регионах СКФО // *Актуальные проблемы социально-трудовых отношений : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 85-летию образования Дагестанского гос. ун-та*. — Даггосуниверситет. 2016. С. 68–70.
7. Дохолян, С. В., Петросянц, В. З., Садыкова, А. М. Оценка эффективности системы инновационного развития АПК региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 5. С. 40–48.
8. Дохолян, С. В., Эминова, Э. М. Формирование системы разработки стратегических решений по повышению конкурентоспособности предприятий АПК // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 2 (55). С. 857–863.
9. Кабушкин, Н. И. Основы менеджмента. — 11-е изд., испр. — М. : Новое знание, 2009.
10. Королёв, Ю. Б., Коротнев, В. Д., Кочеткова, Г. Н. Менеджмент в АПК. — М. : Колосс, 2007.
11. Кувшинов, А. И. Теоретические основы мотивации труда работников сельскохозяйственных предприятий // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2012. № 6 (38). С. 213–216.
12. Курбанов, К. К., Юнусов, М. А. Эффективность землепользования — ключевая проблема аграрной политики в субъектах СКФО // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 94–97.
13. Курбанов, К. К., Юнусов, М. А. Стратегия развития АПК СКФО в условиях модернизации и инновационных преобразований // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2015. № 12 (62). С. 36–42.
14. Курбанов, К. К. Актуализация маркетинга продукции АПК в свете вступления России в ВТО // *Вопросы структуризации экономики*. 2012. № 1. С. 35–37.
15. Курбанов, К. К., Юнусов, М. А. Территориально-отраслевая структура и формирование трудового потенциала села // *Апробация*. 2014. № 7. С. 69–70.
16. Нагибина, М. Н. Мотивация труда как фактор экономического развития сельского хозяйства // *Вестник Российского государственного аграрного заочного университета*. 2012. № 13 (18). С. 147–150.
17. Паронян, А. С., Паронян, А. А. Мотивация труда и регулирование занятости трудовых ресурсов села // *Новые технологии*. 2011. № 2. С. 116–119.
18. Ковин, Дж., Уэлс, В. Измерения предпринимательской ориентации // *Теория и практика предпринимательства*. 2011. Вып. 35. № 5. С. 1–26.
19. Дау Л., Максимов В., Гилберт В. А., Фернхабер С. А. Предпринимательская ориентация и международная сфера : различные роли инновационности, инициативности и риска // *Бизнес Венчур*. 2014. Вып. 29. № 4. С. 511–524.
20. Гранд Дж., Мадсен И., Борх О. Зависимость ресурсов, предпринимательской ориентации и производительности с/х предприятий // *Предпринимательство и региональное развитие*. 2011. Вып. 23. № 3–4. С. 89–111.

References:

1. Arslanov, Sh. D. Modern problems of improvement of investment appeal of the Republic of Dagestan // *Economy and management : new challenges and prospects*. 2012. No. 3. P. 11–12.
2. Arslanova, H. D. Problems of quality of public administration in crisis regions // *Current trends in science and education : the collection of scientific works on materials of the International scientific and practical conference : in 14 parts*. 2014. P. 10–11.
3. Arslanova, H. D. Forming of the favorable entrepreneurial environment in aspect of overcoming administrative barriers // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 5 (43). P. 117–120.
4. Arslanova, H. D. Cross-disciplinary approach in the solution of economic problems // *Social and economic development of modern society in the conditions of reforms : materials III of the international scientific and practical conference*. 2012. P. 15–17.
5. Arslanova, H.D. Restraining factors of innovative development of the region // *Economy, sociology, philoso-*

- phy, policy, right: directions of development, enhancement, creation : materials of the international scientific and practical conference : in 3 parts. Saratov state social and economic university. 2013. P. 94–95.
6. Arslanova, H. D. Modern problems of market development of work in regions of North Caucasus federal district // Urgent problems of the social and labor relations : materials VI of the All-Russian scientific and practical conference with the international participation devoted to the 85 anniversary of formation of Dagestanky state university. — Daggosuniversitet. 2016. P. 68–70.
7. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. Efficiency evaluation of system of innovative development of agrarian and industrial complex of the region // Regional problems of transformation of economy. 2016. No. 5. P. 40–48.
8. Dokholyan, S. V., Eminova, E. M. Forming of system of development of strategic decisions on increase in competitiveness of the entities of agrarian and industrial complex // Economy and entrepreneurship. 2015. No. 2 (55). P. 857–863.
9. Kabushkin, N. I. Management bases. — 11th ed., fixed. — M. : New knowledge, 2009.
10. Korolyov, Y. B., Korotnev, V. D., Kochetkova, G. N. Management in agrarian and industrial complex. — M. : Colossus, 2007.
11. Kuvshinov, A. I. Theoretical bases of motivation of work of employees of agricultural enterprises // News of the Orenburg state agricultural university. 2012. No. 6 (38). P. 213–216.
12. Kurbanov, K. K., Yunusov, M. A. Efficiency of land use — a key problem of agrarian policy in subjects of North Caucasus federal district // Questions of structurization of economy. 2013. No. 4. P. 94–97.
13. Kurbanov, K. K., Yunusov, M. A. The development strategy of agrarian and industrial complex of North Caucasus federal district in the conditions of upgrade and innovative transformations // Regional problems of transformation of economy. 2015. No. 12 (62). P. 36–42.
14. Kurbanov, K. K. Updating of marketing of products of agrarian and industrial complex in the light of Russia's accession to the World Trade Organization // Questions of structurization of economy. 2012. No. 1. P. 35–37.
15. Kurbanov, K. K., Yunusov, M. A. Territorial and industry structure and forming of labor capacity of the village // Approbation. 2014. No. 7. P. 69–70.
16. Nagibina, M. N. Motivation of work as factor of economic development of agricultural industry // Bulletin of the Russian state agricultural correspondence university. 2012. No. 13 (18). P. 147–150.
17. Paronyan, A. S., Paronyan, A. A. Motivation of work and regulation of employment of a manpower of the village // New technologies. 2011. No. 2. P. 116–119.
18. Covin, J., Wales, W. The measurement of entrepreneurial orientation // Entrepreneurship Theory and Practice. 2011. Vol. 35. No. 5. P. 1–26.
19. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. Entrepreneurial orientation and international scope : The differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // Journal of Business Venturing. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
20. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // Entrepreneurship & Regional Development. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.

АЛЛАХВЕРДИЕВ АЛИКБЕР ИБРАГИМОВИЧ*д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Дзжамбулатова», e-mail: ifl1993@mail.ru*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛЕЙ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ И ИХ КООПЕРАТИВОВ

Аннотация. Цель работы. В статье предложены методические подходы для обоснования моделей крестьянских (фермерских) хозяйств. **Метод или методология проведения работы.** Изучены основные тенденции развития производства крестьянских (фермерских) хозяйств на основе системного подхода, предусматривающего взаимосвязь внешних и внутренних факторов производства. **Результаты.** Тенденции развития крестьянских хозяйств показали, что в основном это маломощные неконкурентоспособные хозяйства полунатурального типа, не способные организовать эффективное производство. Изучение факторов производства, влияющих на развитие фермерских хозяйств, показало, что трудовой потенциал их состоит в основном из работников сельскохозяйственных предприятий, частично сельских жителей, не связанных с сельскохозяйственным производством, и небольшого процента городских жителей, ранее проживавших в сельской местности. При обосновании производственных типов крестьянских хозяйств учитывались следующие особенности: взаимозависимость системы ведения сельского хозяйства с экологией и использованием природных ресурсов, особенности точного учёта биологических циклов развития сельскохозяйственных растений и животных, рациональное сочетание отраслей растениеводства и животноводства. Изучение форм специализации позволило выявить несколько видов специализации: многоотраслевые, отраслевые, узкоспециализированные, связанные в основном с улучшением использования трудовых ресурсов, рациональным использованием земли, эффективным использованием капитальных вложений и снижением издержек производства. Исследование факторов, влияющих на выбор специализации, позволило рекомендовать следующие типы крестьянских хозяйств: хозяйства, занимающиеся производством овощей открытого и закрытого грунта, выращиванием зерна и картофеля, откормом молодняка крупного рогатого скота, овцеводческие хозяйства. Проведенные исследования по типизации позволили определить следующие типы крестьянских хозяйств: натуральные крестьянские, индивидуальные семейные формы, семейно-групповые фермерские хозяйства, коллективные крестьянские хозяйства. **Область применения результатов.** Результаты проведенных исследований могут быть использованы при анализе структурных преобразований регионального АПК. **Выводы.** Перспективные типы крестьянских хозяйств дают возможность создать оптимальную структуру производства, выбрать наилучшую систему ведения сельского хозяйства, наиболее эффективно использовать все факторы производства и получить наивысший экономический эффект.

Ключевые слова: кооперация, крестьянские хозяйства, специализация, типы хозяйств.

ALLAHVERDIEV ALIKBER IBRAGIMOVICH*doctor of Economics, Professor of the "Dagestan state agrarian University them. M. M. Dzhambulatova", e-mail: ifl1993@mail.ru*

METHODICAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF MODELS OF HOMESTEADS (FARMSTEADS) AND THEIR COOPERATIVES

Abstract summary. The goal of the paper. The manuscript offers methodical approaches to substantiate models of homesteads (farmsteads). **The method or methodology of performing work.** The main tendencies of development of production of homesteads (farmsteads) have been studied based on a systemic approach that stipulated having an interconnection of internal and external factors of production. **The results.** Tendencies of development of homesteads have been studied and showed that they represent mostly low-powered unable to compete semi-natural homesteads that are not able to organize effective production.

*Studying the factors of production that impact the development of farmsteads showed that their labor potential consists mostly of agricultural workers, and partially of rural population not connected with agricultural production, and a small percentage of urban dwellers who used to live in the rural area in the past. When substantiating the production types of homesteads, the following typical features were taken into account: the interconnection of the system of doing agricultural work with the environmental science and use of natural resources, typical features of exact accounting for the biological cycles of development of agricultural plants and animals, a rational combination of industries of crop farming and animal farming. Studying the forms of specialization permitted to find several types of specialization: the multi-industry ones, industry-specific ones, narrow-industry based, related mostly to the improvement of using labor resources, a rational use of land, an effective use of capital investments and reduction of production expenses. Studying the factors that impact the choice of specialization allowed to recommend the following types of homesteads: the homesteads that are involved in the production of vegetables in the open ground or covered ground, growing grains and potatoes, feeding offspring of cattle, sheep producing farms. **The area of application of the results.** The results of the studies performed may be used in the analysis and structural transformations of the regional AIC. **The conclusions.** The promising types of homesteads provide an opportunity to create an optimal structure of the production, choose the best system of farming, use all factors of production most effectively, and obtain the best economic effect.*

Keywords: cooperation, homesteads, specialization, types of homesteads.

Введение. Развитие сельского хозяйства Республики Дагестан сопровождается процессом становления многоукладной экономики, в т. ч. созданием крестьянских (фермерских) хозяйств, основанных на частной собственности. Их численность растет высокими темпами. Однако процесс формирования хозяйств идёт с большим трудом, эффективность их деятельности остается достаточно низкой.

Эффективность фермерских хозяйств во многом зависит от достижения рациональных для данных специализаций месторасположения и конкретных почвенно-климатических условий, параметров хозяйства. Только при этом происходит наиболее результативное сочетание и полное использование всех видов ресурсов (земли, труда, технических средств).

Методы исследования. Комплексное решение всех вопросов рациональной организации крестьянского хозяйства может быть осуществлено на основе разработок некоторых организационных образцов (моделей) хозяйств по направлениям специализации применительно к трудовому потенциалу семьи, размеру земельного участка. С применением разработанных методических подходов будут сформированы и реализованы модели фермерских хозяйств и их кооперативов различной специализации.

В данной статье приводится только одна из моделей для равнинной зоны республики на основе типичных хозяйств (табл.), имеющих на сегодня высокую эффективность сельскохозяйственного производства.

Тенденции развития крестьянских хозяйств. Анализ состояния и развития крестьянских хозяйств в республике позволяет выявить основные тенденции этого сектора аграрной экономики.

Во-первых, крестьянские (фермерские) хозяйства преимущественно формировались в равнинной зоне, где наиболее благоприятные социально-экономические условия, имеется развитая инфраструктура, там сосредоточены перерабатывающие предприятия.

Во-вторых, из-за неравномерного размещения крестьянских (фермерских) хозяйств возникла проблема малоземелья. Несмотря на незначительное увеличение доли крупных хозяйств, большая часть крестьянских хозяйств имеют малые земельные наделы [1].

В-третьих, доля продукции, производимой фермерами республики в общем её объёме, пока незначительна — всего 4,2%. При этом на долю крестьянских (фермерских) хозяйств приходится 9,2% производства шерсти, 6,1% мяса, 7,7% зерна, 7,5% овощей.

Посевные площади фермерских хозяйств только за год увеличились на 8,8%, поголовье скота на 12,4%, общая площадь закреплённых земель увеличилась по сравнению с 1999 г. на 21,6 тыс. га или 34,1%.

Оптимальные модели организации крестьянского (фермерского) хозяйства молочного направления

Показатели	ВАРИАНТ	
	1	2
Количество работников, чел.	3	7
Годовой ресурс рабочего времени, чел/час.	5040	7560
Количество коров, гол.	40	60
Общая площадь пашни, га	56	82
В т. ч. под озимой пшеницей	24	50
— многолетними травами на сено	12	9,2
— многолетними травами на зеленый корм	13,6	28
Выход приплода, гол.	26	48
Надой на 1 корову, кг	3000	3000
Валовой надой, т	120	180
Уровень товарности, %	75	70
Выручка, тыс. руб.	2950	3200
Материальные затраты, тыс. руб.	2525,0	2662,0
Полученная прибыль, тыс. руб.	425	538
— на 1 га пашни	670	840
— на 1 работника	472	448

В-четвертых, в масштабах республики четко обозначилась тенденция формирования маломощных, неконкурентоспособных крестьянских (фермерских) хозяйств полунатурального типа, ресурсный потенциал которых далек от оптимума и не позволяет организовать эффективное фермерское хозяйство.

Процесс развития данного сектора аграрной экономики сдерживается многими причинами: это и общеэкономические кризисные явления, и непродуманная налоговая, законодательная, кредитная политика, и низкое качество представляемых фермерам угодий, монополизм заготовительных и перерабатывающих предприятий и т. д.

Формирование трудового потенциала крестьянских (фермерских) хозяйств республики идет по следующим основным направлениям:

— первая группа — работники реорганизованных колхозов и совхозов, вышедшие с земельной долей и имущественным паем из их состава для ведения индивидуального крестьянского хозяйства;

— вторая группа — работники реорганизованных сельскохозяйственных предприятий, на базе которых созданы сельскохозяйственные кооперативы;

— третья группа — жители сел и поселков, не работавшие ранее в сельскохозяйственном производстве;

— четвертая группа — городские жители, получившие земельный надел и переехавшие в сельскую местность.

Почти половина крестьянских хозяйств (65%) создана работниками сельскохозяйственных предприятий, 30% — сельскими жителями, не связанными ранее с сельхозпроизводством, 5% — городскими жителями.

Эффективность крестьянского труда зависит от ряда факторов, в т. ч.: от личности фермера, его возраста, семейного положения, уровня профессиональной подготовки, характера; наличия материально-технической базы хозяйства; финансовых возможностей. Важную роль играет и правильный выбор производственной деятельности.

Функционирование фермерских хозяйств на принципах полной хозяйственной самостоятельности и самоокупаемости предъявляет особые требования к обоснованию производственного типа и специализации хозяйств, определению оптимальных параметров их структуры.

Особенности типизации крестьянских хозяйств. Производственным типом крестьянского хозяйства следует считать группу хозяйств, функционирующих в одинаковых природно-климатических условиях, имеющих сходные структуру и технологию производства, организацию труда и структуру управления. Необходимость определения оптимальных параметров крестьянских хозяйств того или иного производственного типа (табл.) продиктована следующими соображениями:

— научно обоснованные типы крестьянских (фермерских) хозяйств могут быть использованы при проектировании землеустроительных и мелиоративных работ;

— типизация крестьянских хозяйств (определение их социально-экономических параметров и потребности в ресурсах) даёт возможность найти типовые решения при проектировании животноводческих помещений, разработке сельхозмашин и оборудования, новых технологий и модулей по переработке продукции;

— типизация фермерских хозяйств будет способствовать правильному решению проблем ценообразования на крестьянскую продукцию, исчисления дифференциальной ренты, арендной платы, земельного налога; позволит дать более четкие характеристики хозяйств, выявить различия между их формами.

Особенности ведения сельскохозяйственного производства. При обосновании того или иного производственного типа крестьянского хозяйства необходимо учесть следующие особенности.

1. Взаимозависимость системы ведения хозяйства с экологией и использованием природных ресурсов. Нарушение естественных циклов (гидрологических, питания и др.) сказывается на продуктивности земли и животных, чистоте воды, здоровье людей и, как следствие, на производительности и результативности труда,

Поскольку экономической основой каждого типа крестьянского хозяйства служит доходность отраслей и окупаемость инвестиций, экологические требования, предусматриваемые сертификацией продукции, будут формировать систему ведения хозяйства, ориентированную на производство экологически чистой продукции.

2. Обязательность точного учета биологических циклов развития сельскохозяйственных растений и животных. Крестьянскому хозяйству нецелесообразно выращивать культуры, периоды возделывания которых и сроки уборки совпадают по времени. Это касается и содержания различных видов животных, у которых массовое воспроизводство (отелы, опоросы) происходит в одно и то же время.

3. В период становления и первоначального функционирования крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой многоотраслевое мелкотоварное образование. По мере накопления капитала и осуществления инвестиций хозяйство сужает свою деятельность, основными регуляторами её становятся рынок и цена, спрос и предложение. Сужение сферы деятельности предопределено взаимосвязью концентрации и интенсификации производства. Чем больше средств и сил концентрируется на меньшем количестве отраслей, тем экономически выгоднее становится каждая из них, тем больше возможностей для дальнейшей интенсификации производства. При этом особенно скрупулезно учитываются почвенные, климатические, экологические факторы, определяющие соотношение главных и дополнительных отраслей.

4. В крестьянских (фермерских) хозяйствах любого производственного типа очень важно сочетать в правильных пропорциях растениеводство и животноводство. Растениеводство является кормовой базой для животноводства, которое, в свою очередь, обеспечивает получение органического удобрения — главного фактора повышения плодородия земли. Животноводство даёт возможность крестьянскому хозяйству иметь ежемесячно относительно стабильные доходы, способствует равномерному процессу инвестирования. Пастбищный период содержания животных позволяет сконцентрировать внимание на заготовке кормов, рассредоточив напряженность труда в летнее время.

Типы крестьянских хозяйств. Результатом исследований было определено несколько производственных типов крестьянских (фермерских) хозяйств [2].

Натуральные крестьянские — I тип — составляют самую большую группу. Они отличаются небольшими размерами: в среднем на хозяйство приходится 3–5 га сельскохозяйственных угодий, не более 2–3 постоянных работников, 2 голов крупного рогатого скота, 10–15 овец. Сельскохозяйственная техника привлекается со стороны для выполнения трудоемких процессов и проведения сельскохозяйственных работ в агротехнические сроки.

Индивидуальные семенные фермы — II тип — нацелены на организацию товарного сельхозпроизводства, характеризуются более высоким производственным потенциалом и размерами: площадь сельхозугодий достигает 10–15 га; постоянных работников — более двух человек; 6 голов крупного рогатого скота, 30–40 овец; обеспеченность тракторами — на уровне хозяйств I типа.

Семейно-групповые фермерские хозяйства — III тип — представляют собой неформальные объединения фермеров-родственников или друзей-единомышленников. Чаще всего это бывшие работники сельхозпредприятий, вышедшие из них с паями и объединившиеся для совместной обработки земли, рационального использования техники и других материально-технических ресурсов. Средние размеры хозяйств данного типа составляют: площадь сельхозугодий 60–70 га, количество постоянно работающих фермеров — более 6 человек, содержится 15–20 голов крупного рогатого скота, 160–170 овец. На хозяйство в среднем приходится 1–2 трактора.

Коллективные крестьянские хозяйства — IV тип — формирования фермеров, созданные в результате реорганизации нерентабельных сельхозпредприятий, кооперативов. В их распоряжении находятся более 600 га сельхозугодий, 12 постоянных работников, численность крупного рогатого скота составляют до 100 голов, овец от 400 до 600 голов. Как правило, в их собственности находятся животноводческие помещения, хранилища сельхозпродукции, ремонтная база бывших сельхозпредприятий.

Фактически сложившиеся производственные типы крестьянских хозяйств в республике далеки от совершенства.

Поэтому, учитывая ограниченность материальных и финансовых средств, очень важно определить оптимальные производственно-экономические параметры для каждого направления деятельности. Рациональный тип крестьянских хозяйств базируется на экономической выгоде, максимально полученной продукции и прибыли, оптимальный — на тех же принципах, но с учетом конкретных местных условий.

Перспективные типы крестьянских хозяйств дают возможность уточнить структуру производства, в процессе хозяйственной деятельности выбирать наиболее выгодные варианты систем ведения хозяйства, то есть с учетом конъюнктуры рынка заменять одну технологию на другую.

Экономическое значение рациональной специализации крестьянского (фермерского) хозяйства состоит в следующем. Во-первых, создаются условия для более эффективного использования главного фактора производства — земли, увеличения на этой основе количества и качества продукции растениеводства и животноводства. Во-вторых, открываются возможности для улучшения использования трудовых ресурсов хозяйства, повышения квалификации работников, что, в конечном счете, способствует росту производительности труда. В-третьих, благодаря специализации может быть обеспечено повышение эффективности использования капитальных вложений и основных средств, освоение достижений научно-технического прогресса. В-четвертых, специализация позволяет снизить издержки производства и повысить его прибыльность.

Варианты производственной специализации крестьянских (фермерских) хозяйств можно объединить в 3 основные группы: многоотраслевые, отраслевые, узкоспециализированные.

Многоотраслевая модель хозяйства предполагает производство нескольких видов продукции. Сочетание основных и дополнительных отраслей может быть различным, но товарными остаются две-три, остальные (ориентированы на внутреннее потребление).

Положительный момент многоотраслевой специализации — относительно высокая устойчивость хозяйства в условиях резких колебаний рыночной конъюнктуры. Развитие взаимно дополняющих отраслей служит своеобразной страховкой предпринимательского риска. Вместе с тем многоотраслевое хозяйство имеет и серьезные недостатки: для него недоступна пере-

довая современная технология, предусматривающая комплексную механизацию, так как при разнообразии отраслей это практически невозможно осуществить. В таких хозяйствах преобладает ручной труд, из-за чего продукция получается очень дорогой, а потому неконкурентоспособной. Со временем фермеры будут вынуждены переходить к более узкой специализации, когда силы и ресурсы концентрируются на одной из отраслей. Это позволяет закупать необходимую технику, удобрения, гербициды, расширять площади под основной товарной культурой [5].

При этом возможен вариант, когда фермеры, постоянно наращивая производство, смогут наладить полную переработку продукции в своем хозяйстве. Однако переходить к моделям с замкнутым циклом производства и переработки следует очень осторожно. Включение перерабатывающих цехов в малое производство нередко приводит к резкому повышению себестоимости конечной продукции. Переработка на месте оправдана лишь при большой удаленности хозяйств от перерабатывающих предприятий и когда из-за плохого состояния дорог возникают трудности с вывозом скоропортящейся продукции. В этом случае лучший выход — организация переработки совместно несколькими фермерскими хозяйствами и создание для этого кооперативов, ассоциаций, товариществ.

Значительная часть крестьянских (фермерских) хозяйств республики специализируется на производстве продукции растениеводства: товарного и фуражного зерна, столового картофеля, овощей, плодов и саженцев. Большинство хозяйств фермеров занимается производством товарного молока; откормом КРС, овцеводством. Немногие фермеры специализируются на таких нетрадиционных для региона отраслях, как производство рыбы, содержание коз молочного направления.

Наиболее типичны для крестьянских (фермерских) хозяйств республики следующие варианты специализации [2].

В растениеводстве — выращивание: зерновых культур; картофеля и овощей; зерна и картофеля. В животноводстве — откорм молодняка крупного рогатого скота на кормах собственного производства; содержание коров с полным циклом воспроизводства стада; содержание и выращивание овец романовской породы.

Разработанные варианты специализации. Анализ факторов, влияющих на выбор специализации, позволил рекомендовать для каждого типа крестьянских хозяйств соответствующие её варианты.

Хозяйствам 1 типа целесообразно развивать некапиталоемкие отрасли, требующие минимальных затрат труда и средств, такие, как овцеводство и пчеловодство. Наиболее благоприятные природно-климатические условия для развития этих производств сложились в северной подзоне равнинной зоны.

В южной подзоне высок процент распаханности земель, следовательно, ограничены возможности выпаса овец. Здесь, при достаточной обеспеченности техникой и финансами, крестьянские хозяйства могут заняться производством овощей открытого и закрытого грунта с привлечением наемных работников и техники в период уборки урожая.

Крестьянские хозяйства 2 типа отличаются более высоким производственно-экономическим потенциалом, но лимитирующим фактором здесь являются трудовые ресурсы, так как они ограничиваются в основном членами одной семьи с временным привлечением сезонных работников. В них имеет смысл развивать такие отрасли, которые обеспечат равномерное распределение затрат труда в течение года. В зависимости от местоположения и обеспеченности земель крестьянские хозяйства данного типа могут специализироваться на выращивании зерна и картофеля, откорме молодняка крупного рогатого скота с использованием кормов собственного производства, овцеводстве.

Семейно-групповые фермы (3 тип) и кооперативы, крестьянские хозяйства (4 тип) в большей степени ориентированы на товарное производство. Выбор специализации для таких хозяйств определяется наличием рынков сбыта продукции и ресурсов производства.

Крестьянские хозяйства, расположенные вблизи города, как правило, занимаются выращиванием картофеля и овощей или содержанием коров с полным циклом воспроизводства стада на кормах собственного производства. Те же хозяйства, которые удалены от рынков сбыта скоропортящейся сельхозпродукции, могут специализироваться на выращивании зерновых,

откорме молодняка крупного рогатого скота на кормах собственного производства, выбрать зерново-скотоводческое направление [4].

В молочных хозяйствах воспроизводство стада может строиться на основе как полного, так и неполного технологического цикла с реализацией сверхремонтного молодняка специализированным крестьянским (фермерским) хозяйствам в 30-дневном или 6-месячном возрасте.

В каждом конкретном случае вариант внутриотраслевой специализации должен определяться с учетом состояния и возможности развития кормовой базы, наличия трудовых ресурсов, площади сельскохозяйственных угодий, обеспеченности производственными помещениями.

Крестьянские хозяйства, располагающие достаточным количеством пахотных угодий, могут специализироваться на производстве скотоводческой продукции. В зависимости от внутриотраслевой специализации они могут развиваться как откормочно-репродуктивные или на основе законченного цикла воспроизводства. Выбор того или иного варианта будет определяться спросом населения на продукцию скотоводства, наличием трудовых ресурсов, кормов, производственных площадей.

Результаты. Организационно-экономическое обоснование производственных типов крестьянских (фермерских) хозяйств требует не разрозненного выбора каких-то отдельных параметров (например, специализации или размера), а системного подхода, предусматривающего взаимосвязь внешних и внутренних факторов производства. Этот принцип может быть реализован путем создания базовых моделей хозяйств, в которых найдены оптимальные пропорции между трудовыми, земельными, техническими и иными ресурсами.

Выводы. Дальнейшее развитие крестьянских хозяйств с учетом разработанных и предложенных моделей позволит нарастить объем производства сельскохозяйственной продукции, пополнить рынок продовольствием и снизить его стоимость.

Литература

1. Ткач, А. В. Развитие кооперации в мясном скотоводстве // АПК : экономика, управление. 2015. №10. С. 49–56.
2. Ткач, А. В. Роль кооперации в решении проблем молочно-продуктового подкомплекса АПК // АПК : экономика, управление. 2015. № 6. С. 32–38.
3. Буздалов, И. Н. Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений // АПК : экономика, управление. 2014. № 2. С. 3–14.
4. Ткач, А. В. Кооперация в АПК России // АПК : экономика, управление. 2014. № 3. С. 30–36.
5. Куликов, И. М. Роль и место коллективных хозяйств и кооперативов в структуре аграрного сектора // АПК : экономика, управление. 2014. № 7. С. 12–20.
6. Зяблинцева, Я. И. Влияние ресурсного потенциала на инвестиционную привлекательность сельхозорганизации // АПК : экономика, управление. 2015. № 9. С. 89–93.
7. Бабкин, К. А. Альтернативные направления развития сельского хозяйства // АПК : экономика, управление. 2015. № 8. С.17–23.
8. Алтухов, А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве // АПК : экономика, управление. 2015. № 7. С. 8–21.
9. Азимова, Н. В. Роль системы сбыта в развитии регионального рынка сельскохозяйственной продукции // АПК : экономика, управление. 2015. № 7. С. 89–93.
10. Трубилин, А. И. Развитие производственно-технологической инфраструктуры регионального агропродовольственного рынка // АПК : экономика, управление. 2015. № 5. С. 63–71.
11. Исраилов, М. Х. Проблемы институциональных преобразований в сельском хозяйстве // АПК : экономика, управление. 2014. № 2. С. 46–50.
12. Жидков, В. В. Комплексное внедрение инноваций — ускоренный путь смены технологического уклада в сельском хозяйстве // АПК : экономика, управление. 2014. № 3. С. 72–76.
13. Трошин, А. С. Инвестирование аграрного сектора России в условиях членства в ВТО // АПК : экономика, управление. 2014. № 5. С. 65–70.
14. Ремеев, В. И. Формирование системы государственного управления сельским хозяйством // АПК : экономика, управление. 2014. № 5. С. 94–95.
15. Крутиков, В. К., Зайцев, Ю. В., Федорова, О. В. Реализация потенциала кооперативного движения на селе // АПК : экономика, управление. 2014. № 7. С. 43–48.
16. Уиачев, В. Г. Система управления — основа реализации модели инновационного развития АПК России // АПК : экономика, управление. 2013. № 1. С. 13–21.
17. Шанина, Е. Н. Конкурентоспособность регионального агропродовольственного комплекса // АПК : экономика, управление. 2013. № 2. С. 54–57.
18. Кальченко, О. А. Оценка эффективности инновационно-инвестиционных проектов предприятий АПК // АПК : экономика, управление. 2013. № 2. С. 88–93.
19. Anderson, A. Anderson, G. (eds) Gateway to the global economics. —Moscow : Phases, 2001.

20. Dowries, J., Goodman, J. E. *Dictionary of Finance and Investment times*. — New-York : Barrons, 1991. P. 396.
21. *Cluster specialization patterns and innovation styles*. — Den Haag, 1998. P. 5.
22. Storper, M. *The Reginal Word. : Territorial Development in a Global Economy*. — New York : Guilford, 1997. P. 45.

References:

1. Tkach, A. V. *Development of cooperation in beef cattle // AIC : Economics, management*. 2015. No. 10. P. 49–56.
2. Tkach, A. V. *the Role of cooperation in resolving the dairy-grocery subcomplex of the problems of agriculture // AIC : Economics, management*. 2015. No. 6. P. 32–38.
3. Buzdalov, I. N. *The theoretical basis of formation of effective system of agrarian relations // AIC : Economics, management*. 2014. No. 2. P. 3–14.
4. Tkach, A.V. *Cooperation in agrarian and industrial complex of Russia // AIC : Economics, management*. 2014. No. 3. P. 30–36.
5. Kulikov, I. M. *The role and place of collective farms and cooperatives in the agricultural sector // AIC : Economics, management*. 2014. No. 7. P. 12–20.
6. Zyablintsev, Y. I. *the Influence of resource potential on the investment attractiveness of agrarian enterprises // AIC : Economics, management*. 2015. No. 9. P. 89–93.
7. Babkin, K. A. *Alternative directions of development of agriculture // AIC : Economics, management*. 2015. No. 8. P. 17–23.
8. Altukhov, A. I. *Territorially-branch division of labor in agricultural production // AIC : Economy, management*. 2015. No. 7. P. 8–21.
9. Asimov, N. V. *The role of marketing in the development of the regional market of agricultural production // AIC : Economy, management*. 2015. No. 7. P. 89–93.
10. Trubilin, A. I. *Development of production and technological infrastructure of the regional food market // AIC : Economics, management*. 2015. No. 5. P. 63–71.
11. Israilov, M. H. *Problems of institutional change in agriculture // AIC : Economics, management*. 2014. No. 2. P. 46–50.
12. Zhidkov, V. V. *Integrated innovation is a quicker way of changing technological structure in agriculture // AIC : Economics, management*. 2014. No. 3. P. 72–76.
13. Troshin, A. S. *Investing in the agrarian sector of Russia in conditions of WTO membership // AIC : Economics, management*. 2014. No. 5. P. 65–70.
14. Remeev, V. I. *The formation of the system of state management in agriculture // AIC : Economics, management*. 2014. No. 5. P. 94–95.
15. Krutikov, V. K., Zaitsev, Yu., Fedorova, O. V. *The realization of the potential of the cooperative movement in the countryside // AIC : Economics, management*. 2014. No. 7. P. 43–48.
16. Ushachev, V. G. *Control system — the basis for the implementation model of innovative development of agrarian and industrial complex of Russia // AIC : Economics, management*. 2013. No. 1. P. 13–21.
17. Shanina, E. N. *The competitiveness of regional agro-industrial complex // AIC : Economics, management*. 2013. No. 2. P. 54–57.
18. Kalchenko, O. *Assessment of efficiency of innovative-investment projects of agricultural enterprises // AIC : Economics, management*. 2013. No. 2. P. 88–93.
19. Anderson, A., Anderson, G. (eds) *Gateway to the global economy*. — Moscow : Stages, 2001.
20. Dowry, J., Goodman, George. E. *Dictionary of Finance and time investment*. — New York : Barrons, 1991. P. 396.
21. *The model of specialization of the cluster and innovative styles*. — Den Haag, 1998. With. 5.
22. Storper, M. *On Reginal Word. : Territorial development in a global economy*. — New York : Guildford, 1997. P. 45.

АНТАМОШКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»,
e-mail: antamoshkina@mail.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ¹

Аннотация. Цель работы. Статья посвящена разработке и обоснованию методического инструментария анализа эффективности агропродовольственной политики. Цель автора заключалась в определении видов эффективности агропродовольственной политики, что позволило выделить, охарактеризовать и развить существующие методологические подходы к оценке её эффективности. **Методология проведения работы.** В статье предложена методика, позволяющая определить интегральный показатель: индекс эффективности, рассчитанный на основе экономических, финансовых и социальных индикаторов. Для каждого индикатора эффективности установлены критерии оценки и пороговые значения показателей. Приводится характеристика отраслевого и ресурсно-потенциального подхода, позволяющего определить абсолютную и относительную эффективность аграрной политики с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности. **Результаты.** В результате апробации методики на статистических данных регионов ЮФО установлено, что индекс эффективности агропродовольственной политики региона (I_{ear}) в 2014 г. равен 0,8, что соответствует допустимому уровню. Отклонение рассчитанного показателя от 1 связано с невысокой эффективностью агропродовольственной политики по социальным индикаторам. **Область применения результатов.** Теоретическая значимость заключается в содержательном дополнении методических подходов и моделей оценки эффективности агропродовольственной политики с точки зрения обоснования интегрального показателя — индекса эффективности. Практическая значимость заключается в разработке и апробации методики оценки эффективности агропродовольственной политики, которая универсальна и может применяться в различных регионах и макрорегионах России с целью анализа агропродовольственной политики на основе системы показателей: экономической, социальной и финансовой эффективности. **Выводы.** Данные, полученные в результате проведённых расчетов могут быть использованы для разработки инструментов экономической политики региона, использование которых позволит повысить уровень экономической, социальной, финансовой эффективности мер агропродовольственной политики.

Ключевые слова: агропродовольственная политика, эффективность, индекс эффективности агропродовольственной политики региона, методика, показатели и критерии оценки.

ANTAMOSHKINA ELENA NIKOLAEVNA

Ph. D. in Economics, associate Professor FGBOU VO "Volgograd state agrarian University",
e-mail: antamoshkina@mail.ru

ANALYSIS OF EFFECTIVENESS OF THE AGRO-INDUSTRIAL POLICY BASED ON ECONOMIC-MATHEMATICAL MODELLING

Abstract Summary. The goal of the paper. The paper is devoted to the development and substantiation of the methodical tools of analysis of effectiveness of the agro-industrial policy. The goal of the author was in determining the types of effectiveness of the agro-industrial policy which permitted to distinguish, characterize and develop the existing methodological approaches to the evaluation of its effectiveness. **The methodology of completing work.** The manuscript offers a method that allows to determine the integral indicator: the index of effectiveness that has been calculated based on economic, financial and social indicators. For each indicator of effectiveness there are established criteria of evaluation and threshold values of indicators specified.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект № 16-46-340854 «Механизм оптимизации аграрной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности региона в условиях импортозамещения».

*There is a characteristic given of the industry-based and the resource-potential approach that allows to determine the absolute and relative effectiveness of the agrarian policy from the point of view of providing for the food security. **The results.** As a result of testing the method on statistical data of the regions of the Southern Federal District it has been established that the index of effectiveness of the agro-industrial policy of the region (I_{ea}) in 2014 is equal to 0.8 which corresponds to the permissible level. The deviation of the calculated indicator from 1 is related to the low effectiveness of the agro-industrial policy on social indicators. **The area of application of the results.** The theoretical importance is in the descriptive complementation of methodical approaches and models of evaluating the effectiveness of the agro-industrial policy from the point of view of substantiating the integral indicator - the index of effectiveness. The practical importance is in developing and testing the method of evaluation of effectiveness of the agro-industrial policy that is universal and may be used in different regions and macro-regions of Russia in order to analyze the agro-industrial policy based on the system of indicators: the economic, social and financial effectiveness. **The conclusions.** The data that have been acquired as a result of the calculations performed may be used to develop the instruments of the economic policy of the region the use of which will permit to improve the level of economic, social, financial effectiveness of measures of agro-industrial policy.*

Keywords: agro-industrial policy, effectiveness, the index of effectiveness of the agro-industrial policy of the region, the method, indicators and criteria of evaluation.

Введение. В современном обществе обеспечение населения продовольствием рассматривается в большинстве стран мира как приоритетный фактор и критерий, определяющий уровень и качество жизни населения, а вопросы продовольственной безопасности и доступа к продовольствию являются важными направлениями геополитики государства. Приоритетной целью аграрной политики является создание условий для обеспечения продовольственной безопасности и планомерного замещения импортируемого продовольствия продукцией российских производителей на основе реализуемой политики импортозамещения.

Под воздействием глобальных политических процессов Россия в 2014 г. запретила импорт европейских и американских продуктов питания на российский рынок. В условиях реализации политики импортозамещения продовольствия формируются условия и возможности для развития внутреннего сельскохозяйственного производства.

В рамках единого продовольственного рынка страны целесообразно выделять и анализировать отдельные региональные продовольственные рынки, поскольку существует значительная дифференциация регионов по уровню экономического развития, неоднородности природно-климатических условий, наличию ресурсного потенциала, необходимого для производства продовольственной продукции. Система регионального продовольственного обеспечения должна быть основана на рациональном территориально-отраслевом разделении труда по регионам России, оптимальном сочетании в потреблении населением местного и привозного продовольствия, отсутствии каких-либо административных барьеров при межрегиональном обмене.

В этой связи представляется теоретически и практически значимой проблема разработки методического инструментария анализа эффективности агропродовольственной политики с целью выявления приоритетных мер и направлений ее совершенствования по регионам России.

Методы исследования. Теоретико-методологические основы анализа аграрной политики изложены в трудах советских и российских экономистов-аграрников: Н.И. Буздалова, Н.К. Фигуровской, И.Г. Ушачева и ряда других исследователей [2, 17, 18]. Меры и инструменты агропродовольственной политики, её специфика, в т. ч. в сфере обеспечения продовольственной безопасности охарактеризованы А.И. Алтуховым, В.Г. Ларионовым, Н.А. Кулагиной, В.В. Милосердовым, В.И. Назаренко, [1, 5–8]. Самостоятельным направлением анализа аграрной политики являются исследования по оценке её эффективности, результаты которых представлены в трудах П.В. Михайлушкина, П.М. Таранова, В.Я. Узуна [15, 16, 19].

Следует отметить, что современная агропродовольственная политика России дифференцируется по территориальным субъектам в зависимости от их специализации. К регионам, тра-

диционно специализирующимся на сельскохозяйственном производстве, относятся — Ставропольский, Алтайский край, Республика Адыгея, Дагестан, Мордовия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская Республики. Как правило, эти регионы имеют более низкий уровень развития в сравнении с другими субъектами страны.

В связи с этим приоритетными задачами аграрной политики становится повышение уровня социально-экономического развития тех регионов России, в которых особо высок удельный вес аграрного сектора экономики. Приоритетным фактором успешного социально-экономического развития таких регионов является развитие транспортной, торговой, информационной инфраструктуры.

На сегодняшний день в регионах России применяются различные подходы к оценке потребности в объемах бюджетного финансирования отраслей АПК, в большинстве своём они не способствуют эффективному развитию аграрной сферы экономики, что затрудняет оценку эффективности агропродовольственной политики в целом. Можно выделить ряд подходов к оценке эффективности агропродовольственной политики:

1) отраслевой, согласно которому для каждой подсистемы АПК выделяются соответствующие показатели, позволяющие оценить эффективность агропродовольственной политики. С точки зрения отраслевого подхода показатели (индикаторы) эффективности агропродовольственной политики целесообразно выделять в сфере производства (объемы выпуска сельскохозяйственной продукции, уровень рентабельности производства различных видов сельскохозяйственной продукции) и потребления продовольствия по отдельным регионам России.

2) ресурсно-потенциальный подход, позволяющий определить абсолютную и относительную эффективность регулирования АПК посредством агропродовольственной политики. Первая определяется соотношением потенциальных возможностей производства (имеющихся ресурсов) с фактическим объёмом их использования. Относительная эффективность показывает отношение конечного эффекта к затратам (рентабельность сельскохозяйственного производства).

Несмотря на наличие различных подходов к оценке эффективности агропродовольственной политики, все они сводятся к общей идее, согласно которой аграрная сфера экономики будет эффективна в том случае, если она в полном объеме выполняет свою основную функцию по обеспечению продовольственной безопасности.

При оценке эффективности мер агропродовольственной политики региона следует анализировать различные направления:

— экономическую эффективность, учитывающую степень рациональности использования ресурсного потенциала АПК, увеличение объёмов производства сельскохозяйственной продукции и обеспечение потребления населением продовольствия в соответствии с рациональными нормами;

— финансовую, характеризующую результативность инвестиций в развитие сельскохозяйственного производства и, как следствие достигнутый уровень самообеспечения продовольственной продукцией в регионе;

— социальную, характеризующую доступность продовольствия для населения.

Особое внимание необходимо уделять анализу социальной эффективности агропродовольственной политики. С этой целью могут быть использованы два подхода: 1) с точки зрения результативности, характеризующей степень выполнения поставленных целей и задач, соответствия фактических результатов плановым; 2) с позиции эффективности достигнутых результатов в сравнении с затратами, которые потребовались для решения поставленных задач. Применение данных подходов целесообразно при имеющейся для сравнения эмпирической базе достигнутых в данном регионе показателей с показателями регионов, сходных по природно-климатическим, географическим условиям; с нормативными показателями, рекомендуемыми экспертами в данной области.

В современных условиях реализации стратегии импортозамещения важное значение для оценки эффективности агропродовольственной политики приобретают критерии обеспечения экономической безопасности и показатели продовольственной независимости (самообеспеченности). Особое внимание уделяется анализу экономической доступности продовольственной продукции для населения. Так, в международной практике для оценки эконо-

мической доступности продовольствия применяются такие показатели, как: динамика индексов цен на продукты питания, величина обменного курса, размер таможенных пошлин и тарифов на продовольственную продукцию [20–22].

В качестве комплексного показателя оценки эффективности агропродовольственной политики на региональном уровне целесообразно использовать интегральный показатель — индекс эффективности аграрной политики (I_{eap} — Effectiveness Index of Agrarian and Food Policy), рассчитанный на основе экономических, финансовых и социальных индикаторов эффективности.

$$I_{eap} = \sum (i_e + i_s + i_f), \quad (1)$$

где i_e — индикатор (показатель) экономической эффективности агропродовольственной политики; i_s индикатор социальной эффективности агропродовольственной политики; i_f — индикатор финансовой эффективности агропродовольственной политики.

Рассмотрим методику расчета перечисленных выше показателей.

1) i_e — индикатор (показатель) экономической эффективности агропродовольственной политики — определяется на основе коэффициента фактического потребления продовольствия в регионе (K_{fn}):

$$i_e = f(K_{fn}). \quad (2)$$

K_{fn} показывает фактический уровень потребления продовольствия ($q_{факт}$) в сравнении с рациональными нормами потребления ($q_{норм}$) и рассчитывается по формуле [3]:

$$K_{fn} = \frac{q_{факт}}{q_{норм}}. \quad (3)$$

2) i_s — индикатор социальной эффективности агропродовольственной политики определяется на основе анализа ряда показателей: доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (K_b); доли расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление (K_n); степени неравномерности распределения населения по уровню доходов ($K_{дж}$):

$$i_s = f(K_b; K_n; K_{дж}). \quad (4)$$

3) i_f — индикатор финансовой эффективности агропродовольственной политики рассчитывается на основе анализа достигнутого уровня самообеспечения продовольствием (K_c):

$$i_f = f(K_c). \quad (5)$$

Показатель учитывает объёмы и динамику производства сельскохозяйственной продукции в регионе, что как раз характеризует результативность финансовых вложений в развитие сельского хозяйства и АПК в целом.

Уровень самообеспечения продовольственной продукцией (K_c) — характеризует насколько в полном объеме регион обеспечивает потребности населения в продовольственной продукции за счет местного производства [3]:

$$K_c = \frac{q}{n * q_p}, \quad (6)$$

где q — фактические объёмы производства продовольствия в регионе; n — численность населения региона; q_p — рациональные нормы потребления. Предлагаемые значения индикаторов эффективности агропродовольственной политики по анализируемым параметрам показаны в таблице (табл. 1).

Определим соответствие между диапазоном значений индекса эффективности агропродовольственной политики региона и фактическим, достигнутым уровнем эффективности агропродовольственной политики на региональном уровне экономики (табл. 2).

Таблица 1

Показатели и критерии оценки эффективности агропродовольственной политики на региональном уровне экономики*

Наименование индикаторов	Анализируемые параметры	Установленные соотношения значений индикаторов эффективности	
i_e — индикатор (показатель) экономической эффективности агропродовольственной политики	Фактические объемы потребления продовольствия в регионе в сравнении с рациональными нормами ($K_{фп}$)	$K_{фп} \leq 0,5$ — низкое;	$i_e = 0$
		$0,5 < K_{фп} \leq 0,95$ — допустимое;	$i_e = 0,1$
		$0,95 < K_{фп}$ — оптимальное;	$i_e = 0,2$
i_s — индикатор (показатель) социальной эффективности агропродовольственной политики	— доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума ($K_б$); — доля расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление (K_n); — степень неравномерности распределения населения по уровню доходов ($K_{дж}$)	$K_б > 0,4$ — высокое; $K_n > 0,5$ — высокое; $K_{дж} > 0,5$ — высокое;	$i_s = 0$
		$0,2 < K_б \leq 0,4$ — допустимое $0,25 < K_n \leq 0,5$ — допустимое; $0,3 \leq K_{дж} < 0,5$ — допустимое;	$i_s = 0,1$
		$K_б \leq 0,2$ — оптимальное $K_n < 0,25$ — оптимальное $K_{дж} < 0,3$ — оптимальное	$i_s = 0,2$
i_f — индикатор (показатель) финансовой эффективности агропродовольственной политики	Достигнутый уровень самообеспечения продовольствием (K_c)	$K_c \leq 0,5$ — низкое	$i_f = 0$
		$0,5 < K_c \leq 0,9$ — допустимое	$i_f = 0,1$
		$0,9 < K_c$ — оптимальное	$i_f = 0,2$

*Источник: составлено автором.

Таблица 2

Пороговые значения индекса эффективности агропродовольственной политики региона*

Диапазон значений индекса эффективности агропродовольственной политики региона	Достигнутый уровень эффективности агропродовольственной политики на региональном уровне
$0 < I_{eap} \leq 0,2$	Агропродовольственная политика неэффективна
$0,3 \leq I_{eap} \leq 0,5$	Низкий уровень эффективности
$0,6 \leq I_{eap} \leq 0,8$	Средний (допустимый) уровень эффективности
$0,9 \leq I_{eap} \leq 1$	Оптимальный уровень эффективности

*Источник: составлено автором.

Результаты. На примере ЮФО проведем расчет индекса эффективности агропродовольственной политики региона. Доступность продовольствия для населения во многом связана с состоянием продовольственной обеспеченности регионов по параметрам физической и экономической доступности продовольствия на региональных продовольственных рынках. Кроме того, дифференциация регионов России по уровню ресурсного потенциала для ведения сель-

скохозяйственной деятельности определяет различный уровень зависимости от международных поставок продовольственной продукции или поставок продовольствия из других регионов.

Экономическая эффективность агропродовольственной политики связана с наличием у населения региона возможностей для приобретения и потребления продовольствия в объемах, не ниже установленных рациональных норм. Она зависит от уровня цен и реального размера доходов населения. В 2013–2014 гг. индекс потребительских цен на продовольственные товары в ЮФО незначительно превышал среднероссийский показатель [12, с. 867].

Наиболее значительный рост уровня цен по ЮФО наблюдался в 2013 г. в Краснодарском крае и Ростовской области, в среднем по итогам года на уровне 8,9% и 8% соответственно. Наименьший пророст уровня цен был зафиксирован в Астраханской области — 6,2%. В 2014 г. на фоне существенного увеличения индекса потребительских цен на продовольственные товары по ЮФО среднее значение показателя составило 16,5%. Среди субъектов региона по росту индекса потребительских цен лидировали Волгоградская (18,8%) и Ростовская области (16%), Республика Адыгея (17%), Краснодарский край (16%). Минимальный процент роста уровня цен зафиксирован в республике Калмыкия — 13,8%.

Объемы потребления продовольственной продукции: овощей, фруктов, хлеба и хлебной продукции по ЮФО в 2014 г. превышали средние показатели по России (табл. 3).

Таблица 3

Потребление продуктов питания в ЮФО, 2014 г., (кг)*

Параметры	Хлебные продукты	Картофель	Овощи	Фрукты	Мясо	Молоко	Яйца, шт.	Сахар
	122	100	146	81	69	234	300	43
Рациональные нормы потребления [10]	95–105	95–100	120–140	90–100	70–75	320–340	260	24–28
$K_{\phi n}$	1,16	1	1,04	0,81	0,92	0,68	1,15	1,53

*Источник: составлено по [9].

На основе рассчитанных коэффициентов фактического потребления продовольствия в регионе ($K_{\phi n}$) можно установить, что индикатор экономической эффективности агропродовольственной политики (i_e) за анализируемый период равен 0,2. Индикатор социальной эффективности агропродовольственной политики (i_s) в зависимости от параметра численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в регионе, для ЮФО составит 0,1, поскольку численность населения региона, имеющая уровень доходов ниже установленного прожиточного минимума, по субъектам ЮФО в 2014 г. составила 11% [14, с. 164].

Информативным показателем при оценке эффективности реализации агропродовольственной политики на региональном уровне является удельный вес расходов на питание в общей структуре расходов потребителей. Для ЮФО в 2013 г. значение данного показателя составило — 36,5% [14, с. 68]. В Волгоградской области в 2014 г. удельный вес расходов на питание незначительно увеличился по сравнению с 2013 г. и составил 31,5% от общего уровня расходов домашних хозяйств на конечное потребление. По регионам ЮФО наиболее высокий уровень расходов на питание в структуре конечного потребления домашних хозяйств в 2014 г. наблюдался в Адыгее и Калмыкии — 36,9% и 34,9%, соответственно.

Соответственно индикатор социальной эффективности по данному параметру будет соответствовать 0,1. Значение индикатора социальной эффективности агропродовольственной политики (i_s) в зависимости от величины коэффициента Джини для ЮФО составило 0,1 [12].

Исходя из численности населения ЮФО на 1 января 2014 г. (13 млн 964 тыс. чел.) и рациональных норм потребления, определим уровень продовольственной самообеспеченности региона по основным видам продовольствия (табл. 4).

Продовольственная самообеспеченность ЮФО, 2014 г.*

Виды продуктов питания	Фактический объем производства, тыс. т (q)	Необходимые объемы производства продовольствия в соответствии с рациональными нормами ($n^* q_p$)	K_c
Картофель	1772,4	1675	1,058
Овощи	3204,3	1396	2,295
Молоко	3274,3	4468	0,732
Мясо и мясопродукты	1260,7	907	1,389
Яйца, млн шт.	4403,9	3630	1,213

*Источник: составлено по [11, с. 231].

Среднее значение коэффициента самообеспеченности (K_c) по ЮФО равно 1,337, соответственно индикатор финансовой эффективности агропродовольственной политики (i_f) = 0,2. Определим индекс эффективности агропродовольственной политики региона:

$$I_{eap} = \sum (i_e + i_s + i_f) = 0,7.$$

Заключение. Исходя из проведенных расчетов и пороговых значений показателя ($0,6 \leq I_{eap} \leq 0,8$), можно сделать вывод, что эффективность агропродовольственной политики региона находится на допустимом уровне. Отклонение рассчитанного показателя от 1 связано с невысокой эффективностью агропродовольственной политики по социальным индикаторам.

Разработанный методологический подход к комплексной оценке эффективности агропродовольственной политики, основанный на расчете интегрального показателя — индекса эффективности агропродовольственной политики, позволит оперативно проводить анализ эффективности агропродовольственной политики региона.

Преимущества предлагаемого подхода и методики анализа эффективности агропродовольственной политики региона состоят:

- 1) в универсальности, возможности применения в разных по уровню социально-экономического развития регионах;
- 2) методика основана на объективных показателях и факторах, отсутствуют элементы субъективности, что является важным при оценке эффективности агропродовольственной политики.

Результаты проведенного анализа эффективности агропродовольственной политики региона позволяет обосновать перспективные направления совершенствования агропродовольственной политики ЮФО: повышение уровня самообеспеченности по производству молока и молочной продукции на основе поддержки и стимулирования развития отрасли молочного животноводства; сохранение физической и социально-экономической доступности продовольствия, что предполагает, помимо государственной поддержки и стимулирования развития агропродовольственного сектора, принятие на государственном уровне комплекса мер по повышению уровня жизни населения и сокращению масштабов бедности.

Литература

1. Алтухов, А. И. Парадигма продовольственной безопасности страны в современных условиях // Экономика сельского хозяйства России. 2014. №11. С. 4–12.
2. Буздалов, И. Н. Аграрные отношения: теория, историческая практика и перспективы развития. — М.: Наука, 1993.
3. Антамошкина, Е. Н. Оценка продовольственной безопасности региона: вопросы методологии // Продовольственная политика и безопасность. 2015. Том 2. № 2. С. 97–112.
4. Антамошкина, Е. Н. Специфика и приоритеты современной аграрной политики России // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 1 (21). С. 11.
5. Кулагина, Н. А. Совершенствование государственной агропродовольственной политики как инструмент обеспечения экономической безопасности АПК // Агропродовольственная политика России. 2014.

№ 7. С. 4–7.

6. Ларионов, В. Г. Продовольственная безопасность России // *Продовольственная политика и безопасность*. 2015. Том 2. № 1. С. 47–58.

7. Милосердов, В. В. *Аграрная политика России — XX век* / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов. — М. : ФГУП ВО Минсельхоз России, 2002.

8. Назаренко, В. И. *Россия и зарубежные страны : модели аграрной политики* / Институт Европы РАН. — М. : Памятники исторической мысли, 2008.

9. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828.

10. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. N 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс]. — URL : <http://base.garant.ru/12179471>.

11. *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации*. 2014 : стат. сборник. — М. : Росстат, 2014.

12. *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2015 : стат. сборник. — М. : Росстат, 2015.

13. Семьяшкин, Г. *Аграрная политика государства — основа решения проблем села и развития внутреннего рынка* // АПК : экономика, управление. 2009. № 6. С. 10–15.

14. *Социальное положение и уровень жизни населения России* : прил. к сборнику. 2014 : стат. сб. : Росстат, 2014.

15. Таранов, П. М. *Российская агропродовольственная система в контексте конкурентоспособности и продовольственной безопасности* // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2011. № 10. С. 20–23.

16. Трубилин, А., Сидоренко, В., Михайлушкин, П. В. *Приоритеты аграрной политики России* // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2012. № 5. С. 10–16.

17. Ушаев, И. Г. *Перспективы развития АПК России в условиях глобальной и региональной интеграции* // АПК : экономика, управление. 2014. № 1. С. 3–15.

18. Физуровская, Н. К. *Экономическая стратегия аграрного развития России* // *Экономист*. 2010. № 8. С. 82–86.

19. Шагайда, Н., Узун, В. *Продовольственная безопасность : проблемы оценки* // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 63–78.

20. Capone, Roberto. *Food Economic Accessibility and Affordability in the Mediterranean Region : an Exploratory Assessment at Micro and Macro Levels* // *Journal of Food Security*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 1–12.

21. Olayo, O. A. *Potentials of the Agro Industry towards Achieving Food Security in Nigeria and Other Sub-Saharan African Countries* // *Journal of Food Security*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 33–41.

22. Sohi, I. *Differences in Food Environment Perceptions and Spatial Attributes of Food Shopping Between Residents of Low and High Food Access Areas* // *Journal of Nutrition Education and Behavior*. 2014. No. 246 (4). P. 241–249.

References:

1. Altukhov, A. I. *The paradigm of food security in modern conditions* // *Economics of Agriculture of Russia*. 2014. No. 11. P. 4–12.

2. Buzdalov, I. N. *Agrarian relations : theory, historical practice and prospects*. — М. : Nauka, 1993.

3. Antamoshkina, E. N. *Evaluation of food safety of region : questions of methodology* // *Food and Security Policy*. 2015. Vol. 2. No. 2. P. 97–112.

4. Antamoshkina, E. N. *The specifics and priorities of modern agrarian policy of Russia* // *Modern scientific research and innovation*. 2013. No. 1 (21). P. 11.

5. Kulagina, N.A. *Improving the state agricultural and food policy as a tool for agricultural and food policy AIC* // *Russian economic security*. 2014. No. 7. P. 4–7.

6. Larionov, V. G. *Food safety of Russia* // *Food and Security Policy*. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 47–58.

7. Miloserdov, V. V. *Agrarian Policy of Russia — Twentieth Century*. — М.: FSUE VO Russian Ministry of Agriculture, 2002.

8. Nazarenko, V. I. *Russia and foreign countries : Models agricultural policy* / Institute of Europe. — М. : Monuments of Historical Thought, 2008.

9. *Consumption of basic food products of the Russian Federation population* [electronic resource]. — URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828.

10. *Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated August 2, 2010 N 593n On Approval of the recommendations on the norms of rational consumption of foods that meet the modern requirements of a healthy diet* [Electronic resource]. — URL : <http://base.garant.ru/12179471>.

11. *Regions of Russia. The main characteristics of the Russian Federation*. 2014 : stat. collection. — М. : Federal State Statistics Service. 2014.

12. *Regions of Russia. Socio-economic indicators*. 2014 : stat. collection. — М. : Federal State Statistics Service. 2014.

13. Semyashkin, G. *Agrarian policy of the state — the basis of the solution of problems of the village and the development of the internal market* // *AIC : economy, management*. 2009. No. 6. P. 10–15.

14. *The social position and living standards of the population of Russia: adj. to the collection*. 2014 : Stat.sb.

— М. : Rosstat, 2014.

15. Taranov, P. M. *Russian agro-food system in the context of competitiveness and food security // Economics of agricultural and processing enterprises*. 2011. No. 10. P. 20–23.
16. Trubilin, A. Sidorenko, V., Mikhailushkin, P. *Priorities of Agrarian Policy of Russia // International Journal of Agricultural*. 2012. No. 5. P.10–16.
17. Ushachev, I. G. *Prospects of development of Russian agro-industrial complex in the conditions of global and regional integration // AIC : economy, management*. 2014. No. 1. P. 3–15.
18. Figurovskaya, N. K. *Economic strategy of agrarian development in Russia // The Economist*. 2010. No. 8. P. 82–86.
19. Shagaida, H., Uzun, V. *Food security : assessment of the problem // Problems of Economics*. 2015. No. 5. P. 63–78.
20. Capone, Roberto. *Food Economic Accessibility and Affordability in the Mediterranean Region : an Exploratory Assessment at Micro and Macro Levels // Journal of Food Security*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 1–12.
21. Olaoy, O. A. *Potentials of the Agro Industry towards Achieving Food Security in Nigeria and Other Sub-Saharan African Countries // Journal of Food Security*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 33–41.
22. Sohi, I. *Differences in Food Environment Perceptions and Spatial Attributes of Food Shopping Between Residents of Low and High Food Access Areas // Journal of Nutrition Education and Behavior*. 2014. No. 246 (4). P. 241–249.

АСРИЯНЦ КАРИНЕ ГЕННАДЬЕВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления»
ФГОБУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: divikas@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АПК

Аннотация. Цель работы. Целью настоящей работы является исследование особенностей формирования стратегического управления на предприятиях АПК. **Метод или методология проведения работы.** Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных учёных, раскрывающие механизм стратегического управления на уровне хозяйствующего субъекта. **Результаты.** Сельским хозяйством уже пройден рубеж, за которым общество уже не готово потреблять всё то, что оно выращивает. В современных условиях, когда существует конкуренция с зарубежными товаропроизводителями, востребован только тот товар российских товаропроизводителей, который необходим обществу и соответствует его покупательной способности. Данное обстоятельство ведёт к изменению сочетаний отраслей хозяйств и структуры каждой из них, которые способствуют значительному повышению эффективности производства, обеспечению высокой прибыли предприятия в целом, подстраховке одной отрасли другой и одного товара другим в тех случаях, когда возникают неучтенные природно-климатические, технологические или рыночные факторы. Ещё одним внутренним фактором комплексного решения проблемы, которое следует выделить, является внутрихозяйственная реорганизация сельскохозяйственного производства и широкое внедрение в него технологий и технологических приемов, которые обеспечивают ресурсо- и энергосбережение. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе разработки конкретных предложений, связанных с научным обоснованием формирования и реализации системы стратегического управления на предприятиях АПК. **Выводы.** Делается вывод, что к особенностям предприятий АПК, влияющих на содержание стратегического управления, следует отнести: размеры, структуру и потенциальные возможности земельных угодий; зависимость от природно-климатических условий и сезонность производства; наличие и возможности основных производственных фондов; численность, возрастную структуру и квалификационный состав трудовых ресурсов; состояние рынка агропромышленной продукции и др. **Ключевые слова:** стратегическое управление, предприятие агропромышленного комплекса, стратегическое планирование, рыночные факторы, сельское хозяйство.

ASRIYANC KARINE GENNADIEVNA

Ph. D., associate Professor of the Department "State and municipal management"
DEPARTMENT of the "Dagestan state University", e-mail: divikas@mail.ru

TYPICAL FEATURES OF FORMATION OF STRATEGIC MANAGEMENT AT THE ENTERPRISES OF THE AIC

Abstract. The goal of the paper. The goal of the present paper is studying the typical features of the formation of strategic management at the enterprises of the AIC. **The method or methodology of performing work.** The foundation of the study is fundamental research of domestic and foreign scientists finding the mechanism of strategic management at the level of an economic subject. **The results of the study.** Agriculture has already crossed the threshold when the society is no longer ready to consume everything that is being grown. In modern conditions when there is competition with foreign producers, only those goods of Russian producers that the population needs and that correspond to the spending capacity of the population are in demand. This circumstance leads to changing the combinations of industries of the economy and the structure of each of them that encourages a significant increase in the effectiveness of production, providing high profits for an enterprise on the whole, creating a safety net for one industry by another one, and for one product by another one in cases when there are unaccounted for natural-climatic, techno-

logical or market factors. Another internal factor for a complex solution of the problem that should be distinguished is the inter-economic reorganization of agricultural production and a wide implementation of technologies and technological approaches in it that are provided for by resource and energy conservation. **The area of application of the results.** The results of the study performed may be used in the process of development of specific offers related to a scientific substantiation of formation and implementation of the system of strategic management at the enterprises of the AIC. **The conclusions.** A conclusion is made that the typical features of enterprises of the AIC that impact the content of strategic management should also include the following: the sizes, structure and potential capabilities of agriculturally used lands; dependence from natural-climatic conditions and the seasonality of production; the presence and capabilities of the fixed production assets; the abundance, age structure and qualification range of workforce; the state of the market of agro-industrial products, etc.

Keywords: strategic management, an enterprise of the agro-industrial complex, strategic planning, market factors, agriculture.

Введение. Особенности функционирования предприятий агропромышленного комплекса в современных условиях трансформирующейся экономики проявляются в различных формах собственности и развитии рыночных отношений в российской экономике, сопровождающихся усилением конкуренции, сложными условиями хозяйственной деятельности, уменьшением предсказуемости результатов, увеличением тяжести экономических последствий, вызванных управленческими ошибками. Следует отметить, что управление — это та сфера, в которой происходят трансформация и реализация экономических законов развития общества, определяются формы организационно-экономических отношений, пропорции развития отраслей народного хозяйства, региональные аспекты деятельности предприятий и организаций. Если будут нарушены принципы управления, экономические законы и закономерности функционирования рынка, то на государственном уровне возникнет серьезная деформация экономики, социальные потрясения [1, 5, 11, 18, 22]. Недостаточные управленческие знания на уровне управления конкретным предприятием, слабое понимание сущности рынка и конкуренции могут привести к потере значительной части прибыли, а то и к полной гибели предприятия. Одно из направлений, которое способствует предприятиям АПК успешно функционировать в рыночных условиях, — это использование инструментов стратегического управления [6, 7, 8, 10, 16, 19, 20].

Методы исследования. Поведение аграрного предприятия в конкурентных условиях России определяются рядом основных факторов:

- общая кризисная ситуация сельского хозяйства, характеризующаяся продолжительным и глубоким спадом производства продукции, инфляцией, разрывом хозяйственных связей;
- дезинтеграция агропромышленного комплекса;
- усиление экономической зависимости сельскохозяйственных предприятий от монополизированной перерабатывающей промышленности, торговли, агросервисного обслуживания, коммерческих банков;
- недооценка роли науки и практическое отсутствие исследований в области поведения сельскохозяйственных предприятий в изменяющихся экономических условиях и, как результат, отсутствие практических рекомендаций;
- деформированность внешнеэкономических отношений и практическое отсутствие протекционистской политики государства по отношению к сельскому хозяйству.

Можно сделать вывод, что в настоящее время сельское хозяйство не является предпринимательством в классическом смысле, поскольку мотивацией его деятельности является некая комбинация целей, в которой доминирует мотив «выжить, сохранить кадры, найти нишу на рынке» и лишь затем обеспечить максимизацию прибыли, объемов производства, нормы прибыли и т. д. Т. Бринкман указывал, что «... сельскохозяйственное предприятие именно по самой его внутренней природе не является чистым “предпринимательским” хозяйством, подобно промышленному или торговому предприятию, и вряд ли когда-либо таковым станет» [2, с. 9].

Особенности сельскохозяйственного производства, отличающие его предприятия от всех остальных отраслей экономики, заключаются в следующем.

1. На результаты хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий оказывают влияние природно-климатические условия. Под влиянием дождей, засух, морозов и других природных явлений могут значительно уменьшиться сборы урожая, снизиться производительность труда и многие другие результативные показатели.

2. Сельское хозяйство характеризуется сезонностью производства, следствием чего является неритмичное использование трудовых ресурсов, техники, неравномерная реализация продукции и поступление выручки.

3. Сельское хозяйство имеет длительный процесс производства, не совпадающий с рабочим периодом. Значения многих показателей можно определить только в конце года.

4. Уровень развития сельскохозяйственного производства зависит не только от экономических, но и биологических, химических и физических законов. А это усложняет возможность измерить влияние факторов на результаты хозяйственной деятельности.

5. Главное средство производства в сельском хозяйстве — это земля, природные особенности которой неразрывно связаны с климатическими условиями. И, если в других отраслях народного хозяйства можно точно учесть экономическую эффективность и производственную мощность всех фондов, учет продуктивности земли не может быть точным, и природный и экономический характер её меняется под влиянием разных факторов.

6. Отличием сельского хозяйства от других отраслей производства является то, что продукция частично используется на собственные цели в качестве средства производства: семена, фураж, животные. В связи с этим товарная продукция меньше валовой в натуральном измерении и в сопоставимых ценах.

7. Учитывая специфику сельского хозяйства, для того чтобы оценить деятельность сельскохозяйственных предприятий, применяют различные специфические показатели (урожайность, продуктивность скота и др.). Общие показатели, применяемые во всех отраслях народного хозяйства, не в полной мере отражают специфику сельскохозяйственного производства.

Следовательно, на основании учета специфических особенностей сельскохозяйственного производства деятельность предприятия отрасли можно рассматривать как комплекс взаимосвязанных хозяйственных процессов, на который оказывают влияние многочисленные и разнообразные факторы, в т. ч. не управляемые человеком. Если какие-либо факторы выпадают из рассмотрения, то оценка влияния других факторов, а также общие выводы могут оказаться неверными.

Ускоренный рост агропромышленного производства в предстоящей перспективе должен быть обеспечен, главным образом, за счет сельскохозяйственных предприятий. Это потребует существенного повышения уровня материально-технической оснащенности этих организаций сельскохозяйственной техникой, горюче-смазочными материалами, минеральными удобрениями, промышленными кормами.

В настоящее время предприятия агропромышленного комплекса, работающие в условиях рыночной экономики, должны удовлетворять соответствующим требованиям. Технология производства усложнилась настолько, что сегодня требуются совершенно новые формы организации и управления производством. Переход к рынку привел к иным, новым отношениям, при которых субъекты хозяйствования становились самостоятельными, принимали на себя обязательства и несли по ним ответственность, вступали в конкурентные отношения и подвергались риску разорения, банкротства.

Экономическая депрессия, которой подверглась страна, привела к тому, что коллективные хозяйства оказались в тяжёлом положении. Не имея прежней государственной поддержки, они были не в состоянии поддерживать материально-технический уровень своего производства. Имеющаяся техника в виде транспортных средств, сельскохозяйственных машин и оборудования за десятилетия исчерпала свой ресурс, её физический износ составляет около 90%. В этих условиях сложно осуществлять техническое и технологическое обновление. А она необходима, поскольку влияет на совершенствование производства. Чтобы предотвратить разрушение материально-технической базы, необходимо улучшить ситуацию в сельскохозяйственном машиностроении. Техническое обновление базы АПК должно обеспечить перевод

отраслей аграрной сферы на эффективные ресурсосберегающие технологии. Остро стоит вопрос обеспечения сельскохозяйственных предприятий и индивидуальных хозяйства техникой, особенно нового поколения, учитывая усиливающийся диспаритет цен на промышленные средства производства и сельскохозяйственную продукцию. В рыночных условиях хозяйствования большинство субъектов нуждается в надежных средствах инвестирования в аграрную сферу. Поэтому требуется кардинальное совершенствование кредитно-финансовой системы страны с учётом проблем сельского хозяйства [3, 9, 12, 13, 14, 21].

Рынок сталкивает интересы сельскохозяйственных товаропроизводителей, вынуждая их принимать рискованные решения и делать обзор даже самых удачных прошлых решений. В этих условиях предприятия должны быть способны спрогнозировать и своевременно внести изменения в структуру своего капитала, для того чтобы выжить в условиях жесткой конкуренции. Следует подчеркнуть многообразие и взаимозависимость условий и факторов развития сельскохозяйственного производства [17]. Оптимальный прогноз должен учитывать:

- размеры и структуру земельных угодий, типы и физические свойства почв и их потенциальное плодородие;
- наличие, состояние и возможность увеличения основных производственных фондов (зданий и сооружений, машин и оборудования);
- численность, возрастную структуру, профессиональный и квалификационный состав трудовых ресурсов;
- оптимальное сочетание земельных и других производственных факторов при максимально прибыльной комбинации ресурсов для каждой сельскохозяйственной культуры, вида животных, производимой продукции;
- состояние рынка агропромышленной продукции (спрос, предложение, цены), наличие договоров с потребителями, возможности рыночной инфраструктуры [4].

В настоящее время требования к качеству агропромышленной продукции не просто возросли, а совершенно изменили характер. Проблема, как снизить издержки производства и цены на свою продукцию, чтобы предложить покупателю более дешёвый товар с тем же качеством, что и прежде, а также проблема обеспечения потребителя товаром более высокого качества, соответствующего их возрастающим потребностям. При этом возникает необходимость предварительного изучения покупательского спроса, позволяющего определить, какие в первоочередном порядке виды и какого качества продукция интересует потребителя. Постоянно улучшая даже уже давно известные изделия по качественным показателям, можно добиваться неуклонного роста доли рынка, объёма продаж и доходов.

В структуре издержек производства также произошли резкие изменения, связанные с увеличением доли издержек по реализации продукции. Отдельной проблемой стала эффективность деятельности предприятия по сбыту продукции.

Для всего этого необходимы принципиально новые подходы к управлению предприятием агропромышленного комплекса, разработки определённой стратегии, предполагающей: расщепление риска, адаптацию к имеющимся условиям, целевые отчисления из прибыли (рис.).

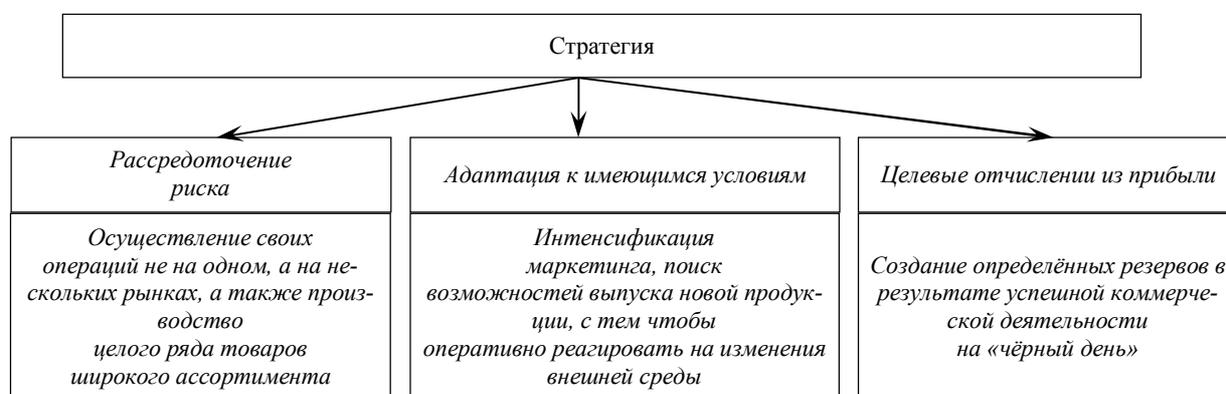

Рис. Новые подходы к стратегическому управлению предприятием агропромышленного комплекса

Тем самым можно добиться снижения риска, сопряжённого с сельскохозяйственным производством.

В условиях рыночной экономики, в основе которой конкуренция, свобода производителей, а не на иерархическое подчинение хозяйственных процессов воле центра, необходимо знание и уважение её законов, применение достижений управленческой науки на практике. Благодаря многочисленным публикациям, связанным с управлением, распространением программ по менеджменту, доступных для миллионов людей, обобщению управленческого опыта разных стран, широким международным контактам ученых-практиков, управленческая мудрость всё более становится доступной для всех, кто в ней нуждается, помогает правильно организовать и грамотно управлять сельскохозяйственным предприятием.

Развитие предпринимательства в аграрной сфере зависит от экономической обстановки в стране, политической ситуации, правовой среды, социально-культурной среды, технологической среды, географической среды, организационно-технической среды [15, с. 8].

В зависимости от экономической обстановки покупатели могут истратить на приобретение сельхозпродукции больше или меньше денежных средств. В результате инфляции сокращается покупательная способность потребителей и, соответственно, потребительский спрос. К изменению распределения доходов и, следовательно, к перемене потребительского спроса могут привести и новые налоги.

Экономическая обстановка подвержена и влиянию политической ситуации, так как с ростом политической нестабильности растёт и риск долгосрочного инвестирования. К тому же, деятельность сельскохозяйственных предприятий осуществляется в рамках существующей правовой среды.

Социально-культурной средой определяются товары, пользующиеся спросом населения и соответствующие определённым вкусам и моде.

В технологической среде отражается уровень научно-технического развития. В результате внедрения новых технологий конкурентоспособность может повышаться или снижаться.

Географическая среда характеризуется природными условиями, в которых существует сельхозпредприятие. Уровень урожайности тесно связан с изменением уровня цен.

И последнее, институциональная организационно-техническая среда, для которой характерно наличие и разнообразие институтов, посредством которых устанавливаются деловые взаимоотношения или ведутся коммерческие операции (банки, вузы, страховые компании и пр.).

Результаты. К особенностям предприятий АПК, влияющих на содержание стратегического управления, следует отнести: размеры, структуру и потенциальные возможности земельных угодий; зависимость от природно-климатических условий и сезонность производства; наличие и возможности основных производственных фондов; численность, возрастную структуру и квалификационный состав трудовых ресурсов; состояние рынка агропромышленной продукции и др.

Выводы. Среди внутренних факторов при переходе к рыночным отношениям на первое место следует поставить структурную перестройку отрасли. Вопрос выбора оптимальности структуры производства для сельскохозяйственных предприятий является чрезвычайно индивидуальным. Но всегда в основе его решения должен быть маркетинг. Сельским хозяйством уже пройден рубеж, за которым общество уже не готово потреблять всё то, что оно выращивает. В современных условиях, когда существует конкуренция с зарубежными товаропроизводителями, востребован только тот товар российских товаропроизводителей, который необходим обществу и соответствует его покупательной способности. Данное обстоятельство ведет к изменению сочетаний отраслей хозяйств и структуры каждой из них, которые способствуют значительному повышению эффективности производства, обеспечению высокой прибыли предприятия в целом, подстраховке одной отрасли другой и одного товара другим в тех случаях, когда возникают неучтённые природно-климатические, технологические или рыночные факторы. Ещё одним внутренним фактором комплексного решения проблемы, которое следует выделить, является внутривозвратная реорганизация сельскохозяйственного производства и широкое внедрение в него технологий и технологических приемов, которые обеспечивают ресурсо- и энергосбережение.

Литература

1. Баляниц, К. М. Государственная поддержка АПК в России и членство в ВТО / К.М. Баляниц // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3. С. 52–58.
2. Бринкман, Т. Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий. —М., 1926.
3. Гасанов, М. А. Материально-техническая база как основа устойчивого развития агропроизводства в регионе / Гасанов М.А., Курбанов К.К. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2. С. 187–193.
4. Гасанов, М. А. Производственная инфраструктура и эффективность АПК региона / Гасанов М.А., Курбанов К.К., Омаров А.З. // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 6. С. 57–66.
5. Гасанова, А. Д. Государственное регулирование сельскохозяйственного производства : опыт зарубежных стран / Э.М. Эминова, А.Д. Гасанова // Апробация. 2015. № 2 (29). С. 47–55.
6. Гасанова, А. Д. Особенности стратегического планирования в АПК региона / А.Д. Гасанова, А.А. Баширова // Апробация. 2015. №12. С. 156–162.
7. Гасанова, А. Д. Построение эффективной системы стратегического планирования в аграрном секторе экономики / А.Д. Гасанова, Э.М. Эминова // Апробация. 2014. № 12 (27). С. 27–30.
8. Гасанова, А. Д. Программно-целевой подход к стратегическому планированию АПК региона / А.Д. Гасанова, Э.М. Эминова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. №11. С. 40–48.
9. Дохолян, С. В. Инновационные подходы к повышению эффективности использования ресурсного потенциала агропромышленного комплекса / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Проблемы развития АПК региона. 2011. Т. 8. № 4. С. 73–81.
10. Дохолян, С. В. Методологические аспекты формирования стратегии развития агропромышленного комплекса / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2012. № 6. С. 192–197.
11. Дохолян, С. В. Особенности государственного регулирования и управления АПК на региональном уровне / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов, Э.М. Эминова // Экономика и предпринимательство. 2014. №12. С. 235–242.
12. Дохолян, С. В. Повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного сектора АПК с учетом этно-экономической составляющей региона / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Финансовая экономика. 2012. № 6. С. 105–109.
13. Дохолян, С. В. Развитие ресурсного потенциала агропромышленного комплекса в системе регионального воспроизводства / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 4. С.135–159.
14. Дохолян, С. В. Ресурсный потенциал аграрной сферы региона / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Экономика и предпринимательство. 2012. № 1. С. 37–45.
15. Костяев, А. И. Внешние условия и внутренние факторы сельскохозяйственного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2003. № 3. С. 8–10.
16. Курбанов, К. К. Стратегическое управление производством на сельскохозяйственных предприятиях АПК региона // К.К. Курбанов, Р. К. Казалиев ; Дагестанский науч. центр РАН; Ин-т социально-экономических исслед.; Российская акад. с.-х. наук; Дагестанский науч.-исслед. ин-т сельского хоз-ва. — Махачкала, 2010.
17. Петросьянц, В. З. Системная организация эффективной деятельности регионального АПК / В.З. Петросьянц, К.К. Курбанов, И.М. Абдуллаева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2007. № 1. С. 51–55.
18. Эминова, Э. М. Государственное регулирование устойчивого развития аграрно-промышленного комплекса региона (на примере Республики Дагестан) : дис. ... канд. экон. наук / Дагестанский государственный университет. — Махачкала, 2009.
19. Эминова, Э. М. Программно-целевой подход к стратегическому планированию АПК региона / Э.М. Эминова, А.Д. Гасанова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. №11. С. 40–49.
20. Эминова, Э. М. Формирование системы разработки стратегических решений по повышению конкурентоспособности предприятий АПК / С.В. Дохолян, Э.М. Эминова // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2. С. 857–864.
21. Юнусова, П. С. Инновационное развитие АПК как инструмент мобилизации ресурсного потенциала / П.С. Юнусова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 3 (37). С. 170–173.
22. Юнусова, П. С. О роли государства в рыночной экономике / П.С. Юнусова, Р.М. Магомедов // Вопросы структуризации экономики. 2003. № 3. С. 128–131.

References:

1. Balyants, K. M. the State support of agribusiness in Russia and membership in the WTO / K. M. Balent // Regional problems of transformation of the economy. 2012. No. 3. Pp. 52-58.
2. Brinkman, T. the Economic basis of the organization of agricultural enterprises. —M., 1926.
3. Gasanov, M. A. the Material and technical base as the basis for sustainable development of agricultural production in the region / Gasanov M. A., Kurbanov K. K. // Regional problems of transformation of the economy. 2013. No. 2. P. 187-193.
4. Gasanov, M. A. Production infrastructure and the effectiveness of agribusiness in the region / Gasanov M. A., Kurbanov K. K., Omarov Z. A. // Economics of agriculture of Russia. 2009. No. 6. P. 57-66.
5. Gasanov, A. D. State regulation of agricultural production : the experience of foreign countries / E. M. Emiнова, A. D. Gasanov // Testing. 2015. No. 2 (29). P. 47-55.
6. Gasanov, A. D. Peculiarities of strategic planning in agribusiness in the region / A. D. Gasanov, A. A.

- Bashirova // *Testing*. 2015. No. 12. S. 156-162.
7. Gasanov, A. D. *building an effective system of strategic planning in the agricultural sector* / A. D. Hasanov, E. M. Eminova // *Testing*. 2014. No. 12 (27). S. 27-30.
8. Gasanov, A. D. *program and target approach to strategic planning and agribusiness in the region* / A. D. Gasanov, E. M. Eminova // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 11. P. 40-48.
9. Dokholyan, S. V. *Innovative approaches to increase of efficiency of use of resource potential of agro-industrial complex* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *problems of development of agribusiness in the region*. 2011. Vol. 8. No. 4. P. 73-81.
10. Dokholyan, S. V. *Methodological aspects of formation of strategy of development of agroindustrial complex* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Scientific review. Ser. 1. Law and Economics*. 2012. No. 6. P. 192-197.
11. Dokholyan, S. V. *Peculiarities of state regulation and management of agriculture at the regional level* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov, E. M. Eminova // *Economics and entrepreneurship*. 2014. No. 12. P. 235-242.
12. Dokholyan, S. V. *improving the efficiency of use of resource potential of agrarian sector of agriculture, given the ethno-economic component of the region* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Financial economy*. 2012. No. 6. S. 105-109.
13. Dokholyan, S. V. *development of the resource potential of agro-industrial complex in the system of regional reproduction* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Regional problems of transformation of the economy*. 2011. No. 4. P. 135-159.
14. Dokholyan, S. V. *Resource potential of the agrarian sphere of the region* / S. V. Dokholyan, Y. D. Umavov // *Economics and entrepreneurship*. 2012. No. 1. S. 37-45.
15. Kostyaev A. I. *of External conditions and internal factors of agricultural production* // *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2003. No. 3. P. 8-10.
16. Kurbanov, K. K. *Strategic management of production in agricultural enterprises of the agroindustrial complex of the region* K. Kurbanov, R. K. Cazalieu ; *Dagestan scientific. center of RAS, Institute of socio-economic research. ; Russian Acad. of agricultural Sciences; Dagestan scientific.-issled. Institute of agricultural households Islands. — Makhachkala, 2010.*
17. Petrosyants V. Z. *System performance management of regional agriculture* / V. Z. Petrosyants, K. K. Kurbanov, I. M. Abdullayev // *Regional problems of transformation of the economy*. 2007. No. 1. S. 51-55.
18. Eminova, E. M. *State regulation of sustainable development of agrarian and industrial complex of region (on example of Republic Dagestan) : dis. kand. Ekon. Sciences* / Dagestan state University. — Makhachkala, 2009.
19. Eminova, E. M. *targeted approach to strategic planning and agribusiness in the region* / E. M. Eminova, A. D. Hasanov // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 11. P. 40-49.
20. Eminova, E. M. *the development system, strategic decisions to improve the competitiveness of agricultural enterprises* / S. V. Dokholyan, E. M. Eminova // *Economics and entrepreneurship*. 2015. No. 2. P. 857-864.
21. Yunusova, S. P. *Innovative development of agriculture as a tool of mobilization of resource potential* / P. S. Yunusova // *Regional problems of transformation of the economy*. 2013. No. 3 (37). P. 170-173.
22. Yunusova, P. S. *the role of the state in a market economy* / P. S. Yunusova, R. M. Magomedov // *Issues of economy structuring*. 2003. No. 3. S. 128-131.

НАГДИЕВА МАЯ ГАДЖИРАМАЗАНОВНА

к.э.н., доцент кафедры «Политическая экономия» ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный университет»,
e-mail: nag-mg@mail.ru

НАГДИЕВА МАРИЯТ СЕЙФУЛАХОВНА

соискатель Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС),
e-mail: n-ms89@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Цель работы. В настоящей статье рассматриваются проблемы формирования и реализации инновационно-инвестиционной политики государства в современной России. **Метод проведенного исследования.** В ходе исследования проблем инновационно-технологического развития национальной экономики, инвестиционной привлекательности России использованы методы сравнительного анализа и экспертных оценок. **Результаты работы.** Раскрыта сущность инновационно-инвестиционной политики государства, обозначены ее цели, задачи и факторы роста в условиях растущей конкуренции в современном мире. В непростой финансовой и политической обстановке в мире важнейшим условием, обеспечивающим решение социально-экономических задач, стоящих перед российской экономикой, является развитие ее реального сектора, и прежде всего таких его отраслей, как промышленность, сельское хозяйство, строительство, требующих сегодня существенного обновления основных фондов, внедрения инноваций и новейших технологий в производство. Для реализации этих задач предлагается привлечение в экономику страны частных инвестиций, в том числе иностранных, и в первую очередь привлечение прямых иностранных инвестиций. Приток иностранных инвестиций возможен при условии формирования благоприятного инвестиционного климата в стране и ее регионах. Особая роль при этом отводится развитию государственно-частного партнерства как наиболее эффективного механизма привлечения частных инвестиций. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы при реализации инновационной и инвестиционной политики государства на национальном и региональном уровнях. **Выводы.** Сегодня инновационный потенциал государства становится стратегическим ресурсом, определяющим его место в глобальном мире. Приоритеты государства следует направлять на обеспечение государственной экономической и политической независимости, неуклонный рост благосостояния народа. В современных условиях дальнейший рост российской экономики во многом определяется состоянием ее реального сектора, развитие которого требует значительных инвестиций, внедрения в производство инноваций и новейших технологий.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, инновационно-инвестиционная политика, инвестиционные риски, стратегия, государственно-частное партнерство.

NAGDIEVA MAY GADZHIRAMAZANOVNA

Ph. D., associate Professor of Political economy FGBOU VPO
"Dagestan state University",
e-mail: nag-mg@mail.ru

NAGDIEVA MARIYAT SEIFULAEVA

applicant, Russian presidential Academy of national economy and public administration under
The President of the Russian Federation (Ranepa)
e-mail: n-ms89@mail.ru

CERTAIN ASPECTS OF THE INNOVATIVE-INVESTMENT POLICY OF THE STATE IN MODERN CONDITIONS

Abstract Summary. The goal of the paper. The present manuscript discusses the problems of the formation and implementation of the innovative-investment policy of the state in modern Russia. **The method of the study performed.** In the process of studying problems of the innovative-technological development of the national economy, investment attractiveness of Russia, methods of comparative analysis and expert evaluations have been used. **The results of work.** The substance of the innovative-investment policy of the state has been described, its goals, tasks and factors of growth have been noted in the conditions of a growing competition in the modern world. In a complex financial and political environment in the world, the most important condition that provides for the solution of social-economic tasks that are formed for the Russian economy, is the development of its real sector, and, first and foremost, of such industries as manufacturing, agriculture, construction, that require today a significant renewal of capital assets, implementation of innovations and the most advanced technologies in the manufacturing process. In order to implement these tasks, it is suggested attracting private investments in the economy of the country, including foreign investments, and, first of all, attracting direct foreign investments. An inflow of foreign investments is possible on condition of forming a favorable investment climate in the country and its regions. A special role in this process is given to the development of the state-private partnership as the most effective mechanism of attracting private investments. **The area of application of the results.** The results of the research performed may be used when implementing the innovative and investment policy of the state on the national and regional levels. **The conclusions.** Today the investment potential of the state becomes a strategic resource that defines its place in the global world. The priorities of the state should be directed towards providing for the state economic and political independence, an implacable growth of welfare of the people. In the modern conditions further growth of Russian economy is in many ways determined by the state of its real sector, the development of which requires significant investments, implementation of innovations and the newest technologies in the manufacturing process.

Keywords: investments, innovations, an innovative investment policy, investment risks, a strategy, the state-private partnership

Введение. Возникшие за последние десятилетия значительные провалы в экономике России вследствие финансово-экономических кризисов привели к тому, что страна оказалась на грани выживания и национальной безопасности. Между тем мировая экономика вступила на качественно новый этап развития — постиндустриальный. Учитывая сложившуюся в мире политическую и экономическую обстановку, возникла необходимость разработки новой национальной модели развития страны, которая позволит добиться высоких темпов и качества экономического роста, а также занять России достойное место в мировом сообществе.

Однако развитие науки и инновационной деятельности в последние годы характеризовалось в основном негативными тенденциями — сокращением кадрового потенциала и масштабов научных исследований. Кроме того, в прошедшие 2-3 года наблюдался значительный отток капитала из России, углубивший эти процессы.

В этой связи перед государством сегодня стоит задача проведения взвешенной инвестиционной и инновационной политики, постоянного стимулирования инновационных процессов, направленных на создание инновационной экономики в РФ.

Методы исследования. Сегодня российская экономика находится в состоянии системного кризиса, обострившегося допущенной деиндустриализацией национального хозяйства, ликвидацией его высокотехнологичной составляющей. До сих пор нефть и газ составляют свыше 60 % экспорта и 50 % государственного бюджета. А экономический рост начал снижаться еще при высоких ценах на углеводороды и до введения экономических санкций. Хотя формально РФ и занимает 6-е место в мире по ВВП, однако по объему добавленной стоимости в обрабатывающих отраслях находится всего лишь на 17-м месте, а по производству промышленной продукции на душу населения стоит позади Китая, Бразилии и даже Греции и Таиланда.

Большинство ведущих экономистов теперь приходят к выводу о том, что дальнейшее развитие страны невозможно без неоиндустриализации народного хозяйства России, заключающейся не только в восстановлении, но во многом — создании «новой» промышленности. Реализация такой сложной структурной трансформации требует и соответствующей промышленной политики и стратегического планирования [14, с. 31].

Важнейшим звеном социально-экономической политики, определяющим основные цели, направления, а также формы и методы работы органов государственной власти в области науки, техники и технологии, становится государственная инновационная политика.

Целями государственной инновационной политики являются:

- организация правовых, экономических и организационных условий для формирования инновационной деятельности;
- рост эффективности производства и конкурентоспособности российских товаров на базе формирования и распространения инноваций;
- оказание всяческого содействия инновационной деятельности, развитие рыночных отношений и предпринимательства в инновационной сфере;
- развитие господдержки инновационной деятельности и рост эффективности государственных ресурсов, используемых на эти цели;
- способствование взаимодействию субъектов при реализации инновационной деятельности;
- принятие мер, направленных на поддержку отечественной инновационной продукции на мировом рынке.

Инновационная деятельность подразумевает:

- научно-исследовательские, прикладные и экспериментальные работы, требуемые для формирования инноваций;
- работы, включающие сертификацию и стандартизацию инновационных продуктов;
- работы, направленные на производство опытных и серийных образцов новейшей продукции и технологий;
- работы по организации производства и проведению промышленных испытаний;
- маркетинговые исследования, включая работы, связанные с организацией рынков сбыта инновационных продуктов;
- различная посредническая деятельность, направленная на создание и распространение инноваций.

В качестве субъектов инновационной и инвестиционной деятельности могут выступать:

- организации (предприятия), занимающиеся производством инноваций;
- предприятия и физические лица, интеллектуальная собственность которых находит применение при создании инноваций;
- инвестиционные институты, кредитные учреждения, другие финансовые организации и фонды, в том числе и иностранные, вкладывающие свои средства в финансовое обеспечение инновационной деятельности;
- предприятия, учреждения и организации, предлагающие услуги в области финансового лизинга, инжиниринга, консалтинга, стандартизации и сертификации, маркетинга и сбыта, а также информационного обеспечения;
- технопарки, технополисы, инкубаторы бизнеса и иные организации, участвующие в производстве и распространении инноваций;
- органы государственной власти на всех уровнях — национальном, региональном и местном, выполняющие функции заказчиков, инвесторов и гарантов инновационных программ и проектов, реализующие функции регулирования инновационной деятельности;
- общественные организации и объединения, принимающие участие в инновационной деятельности либо представляющие другие заинтересованные стороны [16, 140].

Процесс инновационной деятельности предполагает реализацию определенной инновационной стратегии. Различают традиционную, зависимую, имитационную, оборонительную и поступательную стратегии. Цель традиционной стратегии заключается в самосохранении за счет использования консервативных технологий. В этом случае затраты на нововведения ми-

нимальные. Суть зависимой стратегии в самосохранении, достигаемой за счет исполнения субконтрактных работ для предприятий-новаторов, при этом затраты на нововведения небольшие. Поступательная стратегия подразумевает занятие ведущих позиций на рынке и отличается очень высокими затратами на нововведения. Оборонительной стратегии характерно заимствование новшеств с внесением отдельных изменений, причем затраты на нововведения значительные, но они намного меньше, чем у лидера. Задача же имитационной стратегии — следовать за лидерами, повторяя их достижения и используя особые преимущества страны или организации. При этом затраты на нововведения весьма низкие [8, с.9].

Инновационные стратегии находят применение либо в чистом, либо в смешанном виде на различных уровнях — общенациональном или местном, а также на уровне отдельно взятой компании, фирмы, предприятия (организации).

Однако реализация стратегических задач затрудняется в результате некоторых негативных процессов, происходящих в настоящее время в мировой экономике, — оттока капитала с развивающихся рынков, ставшего заметной тенденцией за последние несколько лет. В число таких стран включается и Россия. Так, по данным Центрального банка РФ, отток капитала из России за последние пять лет составил 406,8 млрд долларов [таблица 1]. По информации Банка России, отток капитала продолжает снижаться. Только за семь месяцев 2016 года он сократился почти в пять раз, составив 10,9 млрд долларов. И если на снижение оттока капитала в прошлом году повлияло снижение спроса российских компаний на иностранные активы, то с этого года спрос на них стал расти. На снижение оттока капитала, по мнению экспертов, повлияло и сокращение объемов выплат внешнего долга, а также спроса населения на валюту. Ведь доходы граждан не растут, а пока что неуклонно снижаются. Так, например, темпы прироста заработной платы в РФ в первом полугодии 2016 года были отрицательными. Отток капитала произошел и по причине того, что многие крупные частные вкладчики предпочитают хранить свои сбережения в иностранных банках и, как ни парадоксально это звучит, здесь нам санкции даже помогли. Отток капитала прекратился. Инвестиции стали осваиваться внутри страны.

Таблица 1

Вывоз капитала из России за 2011-2015 годы (млрд долларов)

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Вывоз капитала — всего	81,4	53,9	61,6	153,0	56,9
В % к предыдущему году	X	66,2	114,3	248,4	37,2

Составлено: по данным Росстата[18].

Безусловно, отток капитала из российской экономики — плохой сигнал для потенциальных инвесторов. В результате российский рынок теряет свою привлекательность и для иностранных инвесторов. Так, в 2015 году прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в России сократились по сравнению с предыдущим годом на 92 %, в то время как их общий объем по всему миру вырос на 36 %, составив 1,7 трлн долларов. Эксперты связывают это с ценами на ресурсы и политическими процессами в мире.

Международные инвесторы переключились на активы развитых стран. Причем наибольшую активность здесь проявляли те из них, которые инвестировали средства через спекулятивные фонды портфельных инвестиций на рынках ценных бумаг, чем и объясняется значительное снижение за последние несколько лет размера активов под управлением портфельных фондов, инвестирующих экономику РФ. Так, только 3 % привлеченных иностранных инвестиций имеют непортфельный характер и способствуют организации дополнительных рабочих мест [7, с. 123].

Таким образом, в целях дальнейшего развития экономики страны государству следует поощрять использование именно ПИИ, способных вызвать долгосрочную заинтересованность инвесторов в организации предпринимательской деятельности в России и получения прибыли

от этой деятельности, а не на доходность от торговли акциями и облигациями российских компаний. Основными способами привлечения ПИИ в экономику РФ является создание совместных предприятий, организация на территории страны предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу, привлечение иностранного капитала на условиях концессий или соглашений о разделе продукции, формирование свободных экономических зон. Крупнейшими иностранными инвесторами России остаются Кипр, Нидерланды, Люксембург. Прорабатываются совместные крупные инвестиционные проекты с Китаем, Индией, Турцией и др. странами.

При этом особое внимание правительству следует обратить на развитие отраслей реального сектора экономики. Безусловно, прежде всего это касается таких отраслей, как промышленность, строительство и сельское хозяйство, требующих сегодня значительных финансовых вливаний, в том числе и за счет привлечения иностранных инвестиций [3, с. 284].

Заметим, что объем иностранных инвестиций в экономику России начиная с 2010 года имел положительную динамику, причем доля ПИИ в них за 2013 год достигла своего максимального значения — 15,35 %. Ежегодные объемы поступления иностранных инвестиций и их структура по типам приведены в таблице 2. Однако основная доля ПИИ, поступающих в РФ, создается в процессе так называемого «круговорота» капитала, когда инвестиции формируются посредством возврата капитала, ранее выведенного в офшорные юрисдикции. К примеру, большинство ПИИ, поступающих из Кипра и Британских Виргинских островов, имеют именно российское происхождение.

Таблица 2

Ежегодные объемы поступления иностранных инвестиций в РФ и их структура по типам в 2010-2013 годах (млрд долларов)

Показатели	2010	2011	2012	2013
Иностранные инвестиции — общий объем	114746	190643	154570	170180
Доля прямых инвестиций, %	12,04	9,66	12,08	15,35
Доля портфельных инвестиций, %	0,94	0,42	1,17	0,64
Доля прочих инвестиций, %	87,03	89,92	86,75	84,01

Составлено: по [4, с.77]

Не лучше обстоит дело и с качеством инвестиций в экономику Республики Дагестан. Прямые инвестиции здесь поглощаются в основном химической, нефтехимической, легкой промышленностью и связью. В машиностроение и металлообработку эти инвестиции в нашем регионе пока не вкладываются вообще [12, с. 103]. Одним словом, сегодня существует серьезная проблема притока отечественных и иностранных инвестиций в экономику России.

Зарубежный опыт доказывает, что для частных инвесторов главным ориентиром в выборе места приложения капитала является состояние инвестиционного климата. К сожалению, инвестиционный климат в нашей стране в настоящее время, по оценкам экспертов, находится на весьма низком уровне. Так, по данным Национального рейтингового агентства (НРА) Россия занимает 130-е место в рейтинге стран, имеющих наиболее и наименее благоприятные возможности для вложения инвестиций. В этом списке РФ соседствует с такими странами, как Пуэрто-Рико, Киргизия и др. При определении данного рейтинга учитывались критерии уровня жизни, условий и степени рисков ведения предпринимательской деятельности, уровня коррупции, экономической свободы и др. [4, с.75].

В соответствии с методикой, используемой Российским агентством «Эксперт Ра», инвестиционная привлекательность регионов определяется по показателям инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Показатель инвестиционного потенциала отражает рейтинговую оценку доли региона на национальном рынке, а инвестиционный риск — оценку масштабов проблем, ожидающих инвестора в данном регионе. Суммарный инвестиционный потенциал оценивается через потенциал в девяти сферах — трудовой, потребительской, производственной, природно-ресурсной, финансовой, институциональной, инновационной, инфра-

структурной и туристической. Интегральный риск формируется из финансового, экономического, социального, управленческого, экологического и криминального рисков. Доля отдельных составляющих в совокупном рейтинге оценивается путем анкетирования экспертов, представителей банковского сообщества, а также потенциальных инвесторов.

Определение степени влияния интеллектуального потенциала на инвестиционную привлекательность региона также является весьма значимой практической задачей. В целях достижения плановых индикаторов, приведенных в Стратегии инновационного развития России на период до 2020 года, следует рассматривать регион как инновационно-ориентированную социально-экономическую систему, обладающую соответствующим интеллектуальным потенциалом и заинтересованную в его реализации в ходе инновационной деятельности [7, с. 5].

Под интеллектуальным потенциалом нужно понимать две взаимосвязанные составляющие, а именно: ресурсный потенциал (потенциал возможностей) и достигнутый потенциал или результаты этой деятельности, благодаря которым ресурсный потенциал превращается в интеллектуальный капитал, обладающий стоимостным измерением. Производным типом данных видов потенциала служит приращенный потенциал, т. е. трудовые ресурсы, к которым относятся институциональный интеллектуальный потенциал, включающий органы, институты и инфраструктуру инновационной деятельности, а также инновационный интеллектуальный потенциал в виде научно-технических достижений, разработанных и внедряемых инноваций.

Благоприятные условия для привлечения инвестиций в экономику создает внедрение в производство инноваций, способных повысить конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках региональной экономики. Особое значение это имеет для дотационных регионов, к которым относится и Республика Дагестан. Приток дополнительных финансовых ресурсов позволит увеличить и налоговую базу, что даст дополнительные возможности для роста доходной части регионального бюджета [12, с. 105].

При распределении государственных средств на поддержку инноваций и НИОКР, ориентированных на прикладное использование, следует исходить из того, что данные средства должны выделяться исключительно на условиях софинансирования с бизнесом. Такая постановка вопроса направлена на решение важнейшей государственной задачи — роста востребованности результатов научных исследований инновационным бизнесом. Тем более что до сих пор деятельность значительного числа государственных фондов и программ поддержки инноваций и прикладных исследований была весьма неэффективна.

Важными критериями практической значимости прикладных НИОКР являются запросы бизнес-структур, уже успешно функционирующих на рынке. К тому же бизнес может взять на себя и коммерциализацию результатов НИОКР, произведенных государственными или малыми научно-техническими организациями и университетскими центрами. Бизнес должен сформулировать и разместить заказ в НИИ исходя из реальной потребности рынка. В целях снижения технологических рисков правительство обязано софинансировать этот заказ. Финансирование на проведение прикладных НИОКР целесообразно предоставить крупным фирмам — на условиях софинансирования, малым и средним предприятиям — на условиях софинансирования или привлечения внешних инвесторов, НИИ, университетам, научным центрам — при условии привлечения организаций, принявших на себя обязательства по внедрению результатов НИОКР и вложению средств в развитие производства и маркетинг.

Результатом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ должен стать патент, а именно объект интеллектуальной собственности, промышленный образец либо методика решения задач, поставленных заказчиком. Иначе смысла нет во взаимодействии с бизнесом. На сегодняшний день самой эффективной формой реализации партнерской системы развития инновационного бизнеса стали программы Фонда содействия малым предприятиям в научно-технической сфере, благодаря которому были сформированы механизмы управления интеллектуальными активами, ориентированными на рынок. Разработанные этим фондом программы «Старт», «Университеты», «Пуск», «Молодежный бизнес» сейчас являются чуть ли не единственной формой оказания помощи малому бизнесу в России.

Регион способен активно развиваться при условии решения проблем обеспечения его соответствующей инфраструктурой (транспортной, инженерной, социальной и пр.), создающей необходимую базу и стимул для развития предпринимательства, притока инвестиций и повы-

шения качества жизни людей.

Дагестан может развиваться по многовекторному пути, сочетая функции промышленного, инвестиционного, инновационного, делового, культурного и туристического центров. Известно, что наиболее дотационной является общественная инфраструктура. Поэтому, учитывая ограниченные возможности госбюджета по финансированию инфраструктурных проектов, особое значение приобретает именно привлечение частных инвестиций, что даст возможность реализовать большее число проектов, а также развивать инфраструктуру региона ускоренными темпами по сравнению с государственным финансированием [17, с. 42].

Опыт зарубежных стран и отечественная практика показывают, что наиболее эффективным механизмом привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты стал механизм государственно-частного партнерства (ГЧП). Данный механизм успешно используется при реализации социально значимых проектов, например в сфере образования, социального обслуживания населения, здравоохранения, физкультуры и спорта, культуры, инфраструктуры связи и телекоммуникаций, транспортной и инженерной инфраструктур, а также туризма.

Особенностью государственно-частного партнерства является возможность выбора наиболее качественного и эффективного технического решения и проработанного проекта. Безусловно, обеспечение высокого качества инвестиционных проектов потребует и значительного расширения масштабов господдержки, но в условиях снижения ликвидности госсектор имеет возможность более эффективно управлять финансовыми рисками, так как в подобной ситуации цена финансовых активов для инвестора будет выше, нежели для государства. При этом инвестор несет ответственность за управление всеми качественными рисками (техническими, технологическими, эксплуатационными), а государство приобретает высококачественный объект (аэропорт, тоннель, дорогу и т. д.), решая задачу развития социальной инфраструктуры [2].

Еще одна особенность ГЧП заключается в том, что этот механизм является очень гибким, в чем и заключается его преимущество перед госзаказом. Вместе с тем государство, организовав конкурс, призвано четко структурировать представленные проекты с учетом их особенностей, одновременно учитывая стратегические задачи планирования, способность рынка реализовать проект в реальной ситуации.

Одним из первых субъектов РФ, впервые применивших механизм ГЧП при реализации инвестиционных проектов, является Санкт-Петербург. Комитетом по инвестициям Санкт-Петербурга была проведена и продолжается работа над проектами в области транспортной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства и образования. Учитывая опыт Санкт-Петербурга и Всемирного банка в сфере реализации проектов ГЧП, составлена схема, согласно которой в сферу ответственности управления ГЧП входит оценка проектов и разработка предложений относительно того, как готовить, реализовывать и осуществлять управление в процессе реализации проекта. Подобный комплексный подход дает возможность разрабатывать проекты на достаточно высоком международном уровне, весьма удобном органам государственной власти и вполне понятном инвесторам [13, с. 39].

Результаты. Достижение высоких темпов и качества экономического роста российской экономики сегодня возможно путем внедрения высоких технологий в производство и увеличения производства инновационной продукции, обладающей лучшими потребительскими свойствами, способной конкурировать не только на отечественном, но и мировом рынках. Для решения данной задачи государство проводит соответствующую инвестиционную политику, привлекая и частные инвестиции в реальный сектор экономики, в том числе иностранные. При этом наиболее эффективным механизмом реализации инновационно-инвестиционных проектов является государственно-частное партнерство, успешно используемое в ряде российских регионов.

Выводы. Проблемы формирования и функционирования инновационного потенциала сегодня весьма актуальны для нашей страны, так как недооценка инновационного потенциала приводит к проблеме реализации самой стратегии создания национальной инновационной системы и, безусловно, сдерживает процесс формирования конкурентоспособной в новых условиях, социально ориентированной рыночной экономики.

При этом обеспечение устойчивости развития производительных сил, расширение внутрен-

него рынка за счет более эффективного использования собственных материальных, трудовых и инвестиционных ресурсов стали в современных условиях первоочередными задачами государства в области экономической политики. Важнейшим условием успешной реализации этих задач является создание благоприятного инвестиционного климата в России, обеспечивающего привлечение частных инвестиций, в том числе иностранных, в российскую экономику. Эффективным механизмом привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты стал механизм государственно-частного партнерства.

Вместе с тем основой успешных проектов ГЧП является разработка соответствующей законодательной базы, формирование институциональной структуры, соблюдение принципов оптимального распределения рисков, а также основательная проработка этих проектов.

В целях успешной реализации инновационно-инвестиционных проектов, в том числе и проектов ГЧП, а также устранения правовых препятствий для их осуществления, следует внести некоторые изменения в отдельные правовые акты и нормативные документы. Первым делом это касается Бюджетного кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, а также ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», ФЗ «О защите конкуренции» и др. Необходима также соответствующая оптимизация налогообложения деятельности всех участников инновационно-инвестиционных проектов на основе государственно-частного партнерства.

Литература

1. Блажих И. А., Булах Е. В. Применение моделей внутрифирменного ценообразования при повышении инвестиционной активности // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки.* — № 2 (192). — 2014. — С. 123-130.
2. Гагарин П. Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития // *Финансовая газета.* — 2013. — № 14. — С. 11-13.
3. Казиханов А. М. Теоретические аспекты использования инноваций в АПК // *Экономика и предпринимательство.* — 2016. — № 2-2 (67-2). — С. 283-287.
4. Карташева В. К. Проблемы и противоречия формирования инвестиционного климата в российской экономике // *Журнал экономической теории.* — 2015. — № 1. — С. 75-83
5. Клейнер Г. Какая экономика нужна России и для чего? (Опыт системного исследования // *Вопросы экономики.* — 2013. — № 10. — С. 7-27.
6. Куракова Наталия, Зинов Владимир, Комаров Владимир, Павлов Павел. Долгосрочные прогнозы как инструмент формирования научно-технологической политики / *Экономическая политика.* — 2014. — № 4. — С. 7-32
7. Лосева О. В. Анализ влияния интеллектуального потенциала региона на его инвестиционную привлекательность // *Инновационная деятельность.* — 2014. — № 3(30). — С. 5-10.
8. Матвейкин В. Г., Дворецкий С. И., Минько Л. В., Таров В. П., Чайникова Л. Н., Летунова О. И. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития. — М. — 2007. — С. 265.
9. Москальонов С. А. Инновационный потенциал региона как фактор роста совокупного благосостояния // *Журнал экономической теории.* — 2014. — № 1. — С. 90-99.
10. Набережная Е. П. Эконометрическая оценка факторов инновационной активности в российских регионах // *Журнал экономической теории.* — 2015. — № 1. — С. 83-89.
11. Нагдиева М. Г., Нагдиева М. С. Стратегия развития реального сектора экономики региона // *Вестник Дагестанского государственного университета.* — 2009. — № 5. — С. 102-107.
12. Нагдиева Ф. С., Нагдиева М. С. Формирование эффективного механизма государственно-частного партнерства при реализации социально значимых проектов (на примере Санкт-Петербурга) // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки.* — № 2(192). — 2014. — С. 38-47.
13. Наумов И. В. Проблемы инновационно-технологического региона и пути их решения // *Журнал экономической теории.* — 2014. — № 1. — С. 99-107.
14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>. Загл. с экрана.
15. Рассадина А. Промышленная политика как фактор структурной трансформации // *Экономист.* — 2015. — № 7. — С. 30-42.
16. Розанова Н. М., Комарницкая А. Н. Государственное регулирование микроэкономических процессов циклического развития экономики // *Журнал экономической теории.* — 2014. — № 1. — С. 134-152.
17. Соловьева Ю. В. Участники инновационного процесса и формы их институционального взаимодействия // *Журнал экономической теории.* — 2015. — № 1. — С. 140-150.
18. Шаститко Андрей. Зачем конкурентная политика, если есть промышленная? // *Экономическая политика.* — 2014. — № 4. — С. 42-59.
19. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money.* Harcourt. New York, 1936.
20. Moreno R., Paci R., Usai S. *Spatia spillovers and innovation activity in European regions*//Working Paper CRENoS. 2003. No. 10.
21. *The Financial Crisis and the Systemic Failure of the Academic Economics*//Kiel Working Paper. 2010. No. 1489.

References:

1. Blagikh I. A., Bulakh E. V. Application of models of intra firm pricing at increase of investment activity // *St. Petersburg state polytechnical university journal*. 2014. No. 2(192). P. 123-131.
2. Gagarin P. Public-private partnership: problems and prospects of development // *Financial newspaper*. 2013. No. 14. P. 11-13.
3. Kartasheva V. K. Problems and contradictions of the formation of the investment climate in the Russian economy // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2015. No. 1. P. 75-83.
4. Kazikhanov A. M. Modern problems of innovations in agrarian and industrial complex (theoretical aspects) // *Journal of economy and entrepreneurship*. 2016. No. 2-2 (67-2). P. 283-287.
5. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Harcourt. New York, 1936.
6. Kleiner G. What kind of economy does Russia need and for what purpose? (an attempt of system analysis) // *Voprosy Ekonomiki*. 2013. No. 10. P. 4-28.
7. Kurakova N., Zinov V., Komarov V., Pavlov P. Long-term forecasts as a tool of science and technology policymaking // *Economic policy*. 2014. No. 4. P. 7-32.
8. Loseva O. V. Analysis of influence of intellectual potential of the region on its investment attractiveness // *Innovation Activity*. 2014. No. 3 (30). P. 5-9.
9. Matvejkin V. G., Dvoreckij S. I., Minko L. V., Tarov V. P., Chajnikova L. N., Letunova O. I. *Innovation potential: the current state and prospects of development*. M. 2007. P. 265.
10. Moreno R., Paci R., Usai S. *Spatial spillovers and innovation activity in European regions* // *Working Paper CRENoS*. 2003. No. 10.
11. Moskalionov S. A. Region innovative potential as a growth factor of aggregate welfare // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2014. No. 1. P. 90-99.
12. Naberezhnaya E. P. Econometric assessment of factors of innovative activity in the Russian regions // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2015. No. 1. P. 83-89.
13. Nagdieva F. S., Nagdieva M. S. The formation of the effective mechanism of public private partnership in St. Petersburg in realization of socially significant projects // *St. Petersburg state polytechnical university journal*. 2014. No. 2(192). P. 38-47.
14. Nagdieva M. G., Nagdieva M. S. The strategy of the real sector development of the regional economy // *Herald of Dagestan State University*. 2009. No. 5. P. 102-107.
15. Naumov I. V. Problems of innovative and technological development of region and the way of their decision // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2014. No. 1. P. 99-108.
16. Official website of the Russian Federal State Statistics Service [An electronic resource]. Access mode: <http://www.gks.ru>. Heading from the screen.
17. Rassadina A. Industrial policy as a factor of structural transformation // *Economist*. 2015. No. 7. P. 30-42.
18. Rozanova N. M., Komarnitskaya A. N. Government regulation of microeconomic processes during economic cycles: some aspects // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2014. No. 1. P. 134-152.
19. Shastitko A. Why competition policy, if there is industrial? // *Economic policy*. 2014. No. 4. P. 42-59.
20. Solovieva Yu. V. Participants of innovative process and form of their institutional interaction // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. 2015. No. 1. P. 140-151.
21. *The Financial Crisis and the Systemic Failure of the Academic Economics* // *Kiel Working Paper*. 2010. No. 1489.

УДК 332.05

ЧЕРНЫШОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН,
e-mail: mcherny@bk.ru

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО РЕСУРСА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА¹

Аннотация. *Предметом исследования* являются процессы формирования государственной региональной политики в Российской Федерации и их особенности для уровня макрорегиона. **Цель работы** — выделение новых подходов к формированию региональной политики социально-экономического развития. В работе **использованы научные методы** системного анализа и синтеза, актуализации. **Результаты работы:** проанализированы существующие подходы к формированию региональной политики социально-экономического развития в Российской Федерации, даны предложения по её совершенствованию на основе развития межрегиональных интеграционных связей как фактора экономического роста. **Область применения** результатов: в управлении социально-экономическим развитием макрорегионов; при разработке документов стратегического характера. **Выводы:** изменение условий внешней среды, появление нового уровня управления — макрорегионов, обусловило необходимость выработки новых подходов к формированию политики регионального развития, в том числе, учитывающий важный фактор экономического роста — интеграционный.

Ключевые слова: Макрорегион, интеграция, государственная политика регионального развития, экономический рост, Северо-Кавказский федеральный округ.

CHERNYSHOV MIKHAIL MIKHAILOVICH

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, FGBUN "Institute for Market Problems", RAS,
e-mail: mcherny@bk.ru

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE FORMATION OF A NEW REGIONAL POLICIES OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT BASIS INTEGRATION RESOURCES OF ECONOMIC GROWTH

Abstract. *The subject of research* is the process of forming the state regional policy in the Russian Federation and especially for the macro -- level. **The aim** of this work is providing new approaches to regional policy socio-economic development. We used the methods of systemic analysis and synthesis of actualization. **The results:** the authors analyzed existing approaches to the formation of a regional policy of socio-economic development in the Russian Federation, proposals on its improvement based on the development of interregional integration as a factor of economic growth. **The scope of the results:** in the management of socio-economic development of regions; development of strategic documents. **Conclusions:** the change in the environmental conditions, the emergence of a new level of control — macro-regions led to the necessity to develop new approaches to the formation of regional development policy, including taking into account the important factor of economic growth and integration.

Keywords: Macrорегион, integration, economic growth, public policy for regional development, North Caucasian Federal District.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-08771 а).

Введение

В 90-е годы XX века, на фоне распада СССР и «парада суверенитетов» субъектов России, происходили процессы централизации вопросов управления развитием экономики и социальной сферы на уровне регионов. В этих условиях были сформированы приоритеты региональной политики, которые утверждены в Указе Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803.

Они, в основном, были нацелены на сохранение единого экономического пространства, обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты для жителей разных регионов, выравнивание условий социально-экономического развития

В начале XXI века в России происходит процесс построения «вертикали власти» и концентрация ресурсов на уровне федерального центра. Создаются федеральные округа как новый объект управления, в том числе, в вопросах экономического характера. Для них принимаются специальные стратегии и государственные программы. Появляется макрорегиональный уровень управления социально-экономическим развитием. Для некоторых федеральных округов (Северо-Кавказский, Дальневосточный и Крымский) создаются специальные федеральные министерства развития. Изменились условия внешней среды (падение нефтегазовых доходов, курса российской национальной валюты, введены международные экономические санкции). С созданием Евразийского экономического союза и усилением интеграционных процессов на евразийском пространстве при определении политики регионального развития возникает необходимость рассматривать также и интеграционный ресурс экономического роста. Также претерпевают изменения цели развития, приоритетными становятся задачи научно-технической и институциональной модернизации, достижения устойчивого экономического роста.

Таким образом, назрела необходимость переосмысления существующих подходов к формированию государственной региональной политики в Российской Федерации

Основное содержание исследования

Изменившиеся требования к содержанию региональной политики требуют обновления инструментария, выработки новой совокупности способов и методов решения целей и задач регионального развития, более глубокого обобщения и углубления понимания имеющейся совокупности фактов, выработки соответствующей теоретической базы.

Российская Федерация – страна с большой пространственной протяженностью, обладающая особенными природно-климатическими, социально-экономическими и этноконфессиональными условиями для большинства регионов (субъектов федерации).

С усилением процессов концентрации власти на федеральном уровне, происходит ослабление вовлеченности региональной власти, граждан и местных сообществ к процессу принятия решений (в том числе, избранию высших должностных лиц), а также выработке и реализации документов стратегического характера, реализующих основные положения политики регионального развития.

За период своего существования Российской Федерации не удалось преодолеть неравенство регионов страны как по уровню социально-экономического развития, доходам населения, так и по качеству предоставляемых социальных услуг. Схожий по своей природе труд работников бюджетной сферы (в первую очередь, работников здравоохранения и образования) оплачивается в регионах с большой дифференциацией. Призванные изменить положение дел так называемые «майские указы» Президента РФ так и не сумели переломить ситуацию, поскольку собственные возможности регионов в условиях экономического кризиса лишь сокращались и для повышения заработной платы бюджетников до среднерегионального уровня приходилось прибегать к значительным заимствованиям. По данным Министерства финансов РФ, объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований вырос с 1,1 трлн. рублей на начало 2012 года до 2,35 трлн. рублей на конец 2016 года.

Неравенство в доходах и уровне качества жизни приводят к высокой дифференциации среди регионов. Увеличивается миграция из слаборазвитых регионов страны (Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток) в центральные регионы (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край и Ростовская область и т.д.).

При этом снижается качество человеческого фактора экономического развития, потенциал

мигрантов не всегда реализуется в регионах нового проживания, но в исходных регионах уменьшается количество экономически и социально активных граждан. Это особенно критично для малочисленных регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Централизация власти и ресурсов на федеральном уровне также привела к тому, что не удается в полной мере задействовать потенциал особенностей национально-культурного многообразия российских регионов. Из-за недостатка ресурсов развития и слабой экономики разрушается среда обитания малочисленных народов, происходит их массовая миграция в крупные городские поселения, что негативно сказывается на сохранении национальных языков и культуры.

В настоящее время можно констатировать, что поставленные в Указе Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 задачи региональной политики в области национально-этнических отношений (создание правовых, организационных и материальных основ учета и удовлетворения национально-культурных интересов народов; предотвращение и мирное урегулирование межнациональных конфликтов; сохранение самобытной культуры малочисленных народов, их языка, традиций и среды обитания; развитие национальных языков и культур во всех сферах, прежде всего в сфере образования; укрепление национальной общеобразовательной и высшей школы; соблюдение равного статуса вероисповеданий и ряд других) оказались нереализованными именно по причинам экономического и организационно-управленческого характера.

В Указе № 803 под региональной политикой «понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации». На наш взгляд, неверно относить постановку и реализацию целей регионального развития исключительно к компетенции органов государственной власти. В этом процессе на равных должны участвовать представители бизнеса и общества. В этой связи необходимы механизмы совместной выработки, реализации и корректировки политики регионального развития органов власти (федеральной, региональной и местной), бизнеса (в том числе, малого и среднего) и общества (в частности, научно-экспертного сообщества и активных граждан).

В проекте нового Указа Президента РФ, который готовится взамен существующего говорится уже о «государственная политика регионального развития», однако субъектом политики (как системы приоритетов, целей, задач, мер и действий) рассматриваются федеральные органы государственной власти, а объектом – процессы политического и социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. С одной стороны мы видим сужение субъектов управления до минимума, а с другой стороны, охватывается муниципальный уровень, который ранее выпадал из процесса. На наш взгляд, во-первых, сужение круга субъектов региональной политики до федерального уровня государства необоснованно. Реализация политики развития без выработки согласованной стратегии, поддержки бизнеса и общества, а также региональных и местных властей труднореализуема. Во-вторых, выбор объектов региональной политики также неполон. Считаем, что в него необходимо включить также макрорегиональный уровень.

Анализ структуры Указа № 803 (Рисунок 1) показывает его общий, концептуальный характер. В нем не прописаны принципы государственной политики регионального развития, факторы и условия регионального развития, нет механизмов и ожидаемых результатов. В силу этих причин не вызывает удивления и низкая результативность реализации данного документа. Есть и утратившие актуальность блоки, например, касающиеся международной и внешне-экономической деятельности субъектов федерации. В 90-х годах, когда в экономике еще чувствовались последствия государственной монополии на внешнюю торговлю времен СССР, внешнеэкономические связи представлялись важным звеном политики регионального развития. В настоящее время стало очевидным, что этот блок имеет крайне незначительное отношение к региональному и муниципальному звену управления, так как все основные решения принимаются либо на уровне Евразийского экономического союза, либо на федеральном уровне, либо на уровне субъектов экономической деятельности.

Рис. 1. Структура Указа Президента РФ от 03.06.1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в РФ»

При определении целей региональной политики сохраняется дискуссия вокруг выбора приоритетов. С одной стороны считается, что государство должно заниматься выравниваем социально-экономического развития, концентрируясь на поддержке проблемных территорий – депрессивных, слаборазвитых, кризисных и т.д. Однако, чрезмерная поддержка дотационных регионов приводит к сокращению регионов-доноров, снижению стимулов к их социально-экономическому развитию. За период с 2006 по 2015 год, в России число регионов-доноров сократилось с 25 до 14, и негативный тренд преобладает. С другой стороны, считают, что необходимо формирование «точек роста», территорий опережающего развития, которые могут служить локомотивом для экономического роста одного или нескольких регионов. Недостатком данного подхода является опасность ухудшения положения проблемных регионов, массовой миграции из них трудовых ресурсов и тем самым перевод проблемных регионов в разряд кризисных, в том числе с перспективами появления геополитических проблем (например, слабозаселенные территории Дальнего Востока).

На наш взгляд, нужен более избирательный подход к определению приоритетов политики регионального развития, основанный на глубоких научно-практических исследованиях и системном взгляде на развитие территорий в контексте макрорегионов. Например, в некоторых территориях возможен выбор политики консервации и выравнивания, а в других – концентрации ресурсов и быстрого развития. С этих позиций можно рассматривать реализацию перспективных инфраструктурных проектов (например, проект «Единая Евразия» — система транспортно-логистических коридоров, соединяющая Транссиб, БАМ и Северный морской путь).

Еще одним элементом региональной политики является политическое развитие субъектов федерации – формирование институтов гражданского общества, реально работающих институтов демократической смены власти, парламентского контроля, местного самоуправления. Он того, насколько жители российских регионов чувствуют свою включенность в происходящие процессы социально-экономической жизни, зависит не только политическая стабильность, но и горизонт планирования для граждан и предприятий. Политическая неустойчивость, зависимость от настроений и предпочтений региональной и местной политической эли-

ты являются существенным тормозом для реализации долгосрочных коммерческих проектов, а также неустойчивость в поведении населения региона, которое не торопится обустриваться на данной территории, предпочитая сохранять высокий уровень мобильности.

Существуют принципиальные положения, которые, на наш взгляд, должны стать основой формирования государственной политики регионального развития. Во-первых, она должна обеспечивать сохранение территориальной целостности страны и единого экономико-правового пространства в формате евразийского интеграционного партнерства. Во-вторых, не должна ущемлять права и свободы граждан, гарантированные российской Конституцией, гарантировать равные возможности для получения социальных и государственных услуг независимо от места проживания. В-третьих, при реализации региональной политики должно соблюдаться разграничение полномочий между федеральным, региональным и местным уровнем власти. Вышестоящие власти не должны ущемлять права нижестоящего звена, а приходиться к конструктивному консенсусу по вопросам развития (например, существует практика, когда местные власти вынуждены передавать собственные земельные ресурсы по требованию вышестоящей власти под декларируемые цели развития, на наш взгляд, в данном случае). В-четвертых, экономическое развитие не должно идти за счет ухудшения экологической обстановки. В-пятых, к поддержке субъектов федерации и муниципалитетов следует подходить дифференцированно, учитывая их специфику, экономический потенциал и значение для развития макрорегионов страны. В-шестых, на первый план должны выходить задачи повышения производительности труда в экономике, обеспечения устойчивого экономического роста, научно-технологической модернизации предприятий, развитие инновационных направлений, повышение уровня конкурентоспособности экономики регионов на пространстве Евразийского экономического союза. В-седьмых, необходимо повысить уровень управления процессами урбанизации и развития крупных городских агломераций с муниципального и регионального до макрорегионального и федерального.

В качестве одного из приоритетных направлений, по нашему мнению, должно стать использование интеграционного потенциала межрегионального и евразийского сотрудничества. Для этого следует пересмотреть основные документы пространственного развития страны, убрать противоречия в документах стратегического планирования различных уровней. Нередко в соседних регионах планируется реализовать схожие по выпускаемой продукции инвестиционные проекты, которые неверно оценивают ёмкость рынка сбыта. В результате невозможность для предприятия выйти на точку безубыточности приводит к банкротству и ликвидации проекта. В этой связи новая региональная политика должна учитывать особенности международного и межрегионального разделения труда. Данная задача обуславливает необходимость активизации научных исследований в области определения и обоснования конкурентных преимуществ регионов и отдельных муниципальных образований для их последующей экономической специализации.

Межрегиональной интеграции в значительной степени препятствует низкий уровень транспортной, энергетической и иной инфраструктуры, когда товарооборот и пассажиропоток в соседних регионах идет через третьи, более удаленные регионы.

Отдельным направлением интеграционного взаимодействия является финансово-инвестиционная сфера. К сожалению, так и не удалось решить проблему привлечения частных инвестиций в производственные и наукоемкие инновационные сферы. Сохраняются проблемы в сфере межбюджетного перераспределения средств, сложившаяся практика недостаточно стимулирует регионы и муниципальные образования к наращиванию собственного экономического потенциала, несовершенны механизмы контроля за использованием ресурсов развития со стороны общества.

Анализ существующих подходов к формированию региональной политики, ее принципов, целей, приоритетов, задач и методов позволяет определить место интеграционного ресурса в модели политики регионального развития (Рисунок 2).

Рис. 2. Место интеграции в модели политики регионального развития

Модель предусматривает научное обоснование принципов и концептуальных подходов к формированию политики регионального развития, определение её целей, задач и приоритетов, выделение факторов регионального развития, создание институтов и механизмов реализации (стратегии, программы, проекты, мероприятия), механизмов контроля реализации и корректировки. Соответственно интеграционный ресурс выступает в качестве фактора регионального развития и затрагивает направления укрупнения регионов России, формирования макрорегионов, развития крупных городских агломераций, межхозяйственной кооперации, производственных кластеров, формирование однородной финансово-инвестиционной и денежно-кредитной среды, инкорпорирование региональной экономики в систему международного разделения труда. Вместе с этим добавляется важная социально-политическая составляющая - население должно быть довольно местной и региональной властью и включено в процессы развития. В этом состоят принципиальные отличия старых и новых подходов. Задача ученых и экспертов состоит в том, чтобы вооружить процесс формирования государственной региональной политик научным инструментарием, нужными «маркерами» для целеполагания и контроля результатов.

Выводы и результаты:

В настоящей статье изложены разработанные автором научные подходы к формированию политики регионального развития на основе интеграционного ресурса. Автором дан критический анализ существующих подходов и предложены принципиально новые положения, позволяющие включить в модель регионального развития интеграционный ресурс экономического роста.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989
2. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. - М.: «Институт новой экономики», 1999.
3. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2006.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. - М.: ГУ ВШЭ, 2000 г.
5. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991.
6. Де Сото Эрнандо Иной путь: невидимая революция в третьем мире Пер. с англ. Б. Пинскер. - М.: Catallaxy 1995, С. 320
7. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем / ЦЭМИ РАН. - М.: Наука, 2004.
8. Минаков И.А., Неумин С.К. Экономическая география и регионалистика М.:Колос, 2002

9. Николаев М., Махотаева М. Обобщение опыта планирования социально-экономического развития в субъектах РФ. *Вопросы экономики*, № 5, с.126-136, 2002.
10. Норт Д. Институты и институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: «Начала», 1997.
11. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение, теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М.: «Начала-Пресс», 1993.
12. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Указ президента РФ от 3 июня 1996 г., № 803.
13. Путин В.В. О наших экономических задачах. // «Ведомости» от 30.01.2012, №15 (3029)
14. Ратнер Н.М. Развитие региона: методологический подход / Н.М. Ратнер, О.А. Нестеренко. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 1995.
15. Региональная интеграция и развитие /Морис Шифф и Л. Алан Уинтерс; Пер. с англ.; Всемирный банк - М.: Издательство «Весь Мир», 2005.
16. Региональная экономика / Под ред. Н.Г. Кузнецова, С.Г. Тяглова. -Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 320 с.
17. Региональное развитие: опыт России и европейского союза. Под ред. А.Г. Гранберга М.: КНРОУС. 2005г.
18. Региональные проблемы переходной экономики: вопросы теории и практики /Под ред. В.Г. Алиева. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002., С. 32-43
19. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015: статистический сборник - М., Росстат, 2016
20. Солоу Р. Перспективы теории роста // МЭ и МО. 1996. № 8.
21. Сурнина Н.М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2003. - 149 с.
22. Таказова М.Т. Международная экономическая интеграция и проблемы ее развития в России//Современные проблемы науки и образования. - №1. – 2013.
23. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) О стратегическом планировании в Российской Федерации// Правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru
24. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. — М., 2012.
25. Шкваря Л.В. Экономическая интеграция в условиях глобализации мировой экономики: трансформация форм и теорий. — М., 2013.
26. Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982
27. Balassa, B. 1961. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, IL.: Richard D. Irwin.
28. Balassa, B. 1975. *Monetary integration in European Common Market*. In *European Economic Integration*, ed. B. Balassa, Amsterdam: North-Holland, 175-220.
29. Tool, M. *Essays in Social Value Theory: A Neoinstitutionalist Contribution* / M. Tool. – Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1986.

References:

1. Ansoff I. *Strategic management*. М.: Economics, 1989
2. *The big economic dictionary* / Under the editorship of A. N. Apriliana. - Moscow: Institute of the new economy," 1999,
3. Busygina I. M. *Political regionalism: textbook*. М.: MGIMO (U); ROSSPEN, 2006.
4. Granberg A. G. *bases of regional economy*. – М.: GU VSHE, 2000
5. Gritsay, O. V., Ioffe, G. V., Treyvish A. I. *Centre and periphery in regional development*. М., 1991.
6. De Soto, Hernando *the Other path: the invisible revolution in the third world*, TRANS. from English. B. Pinsker. - Moscow: Catallaxy 1995, P. 320
7. Kleiner G. B. *Evolution of institutional systems* / Economics and mathematics Institute Russian Academy of Sciences. – М.: Science, 2004.
8. Minakov I. A., S. K. Neujmin *Economic geography and regional studies*, Moscow:Kolos, 2002
9. Nikolaev M., M.J *Generalization of experience of planning of socio-economic development in the constituent entities of the Russian Federation. Questions of economy*, № 5, pp. 126-136, 2002.
10. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. М.: Nachala," 1997.
11. North D. *Institutions and economic growth: a historical introduction, theory and history of economic and social institutions and systems*. – М.: Start-Press," 1993.
12. *The main provisions of regional policy in the Russian Federation. The decree of the President of the Russian Federation from June, 3rd, 1996, № 803.*
13. Vladimir Putin *On economic goals*. // *Vedomosti*"on 30.01.2012, No. 15 (3029)
14. Ratner N. M. *The development of the region: methodological approach* / N. M. Ratner, O. A. Nesterenko. Екатеринбург: publishing house of the USUE, 1995.
15. *Regional integration and development* /Maurice Schiff and L. Alan winters; TRANS. s angl.; The world Bank - М.: Publishing house Ves Mir," 2005.
16. *Regional economy* / ed.G. Kuznetsov, S. G. Draft. -Rostov-na-Donu: Feniks, 2003. 320 p.
17. *Regional development: experience of Russia and the European Union*. Under the editorship of A. G. Granberg, М.:KNOWS. 2005.
18. *Regional problems of transition economy: theory and practice* /Under the editorship of V. G. Aliyeva. - М.: ZAO Publishing house Economy," 2002., Pp. 32-43
19. *The Regions Of Russia. Socio-economic indicators 2015: statistical book* - М., Rosstat, 2016
20. Solow R. *perspectives of growth theory* // DOE and MO. 1996. No. 8.
21. Surnina N. M. *Spatial Economics: problems of theory, methodology and practice*. Ekaterinburg: publishing house of the USUE, 2003. - 149 s.
22. Takazawa M. T. *international economic integration and the problems of its development in Russia*//Modern problems of science and education. - No. 1. – 2013.
23. *Federal law of 28.06.2014 No. 172-FZ (ed. from 03.07.2016) On strategic planning in the Russian Federation*"// Legal system Consultant plus"www.consultant.ru
24. Shishkov Yu. V. *Integration processes on the threshold of XXI century*. — М., 2012.
25. Shkvarya L. V. *Economic integration in conditions of globalization of the world economy: transformation of forms and theories*. — М., 2013.
26. Schumpeter, J. A. *The theory of economic development*. М.: Progress, 1982
27. Balassa, B. 1961. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, IL.: Richard D. Irwin.
28. Balassa, B. 1975. *Monetary integration in European Common Market*. In *European Economic Integration*, ed. B. Balassa, Amsterdam: North-Holland, 175-220.
29. Tool, M. *Essays in Social Value Theory: A Neoinstitutionalist Contribution* / M. Tool. – Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1986.

УДК 332.146.2

ЭЛЬКАНОВ АЗАМАТ ХЫЙСАЕВИЧ

старший преподаватель кафедры «Информатика и вычислительная математика» ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»,
e-mail: elaz09@mail.ru

ХУБИЕВА ЖАННА КЕМАЛОВНА

к.э.н., заведующий кафедрой «Экономические и финансовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»,
e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Аннотация. Ранее при определении конкурентоспособности территорий за основу сравнения принималась экспертная шкала, включавшая конкретные характеристики стран (законодательные условия для иностранных и национальных инвесторов, возможность вывоза капитала, устойчивость национальной валюты, уровень инфляции, пр. показатели). Данный набор показателей являлся недостаточно детальным для адекватного отражения всего комплекса условий. В этой связи в дальнейшем развитии методик сравнительной оценки конкурентоспособности различных стран и регионов расширилось и усложнилось за счет введения системы оцениваемых экспертами параметров и ряда количественных (статистических) показателей. В статье последовательно рассмотрены факторы, определяющие применение современных конкретных методик сравнительной оценки конкурентоспособности различных стран и регионов; разработана система показателей социально-экономического потенциала региона, позволяющая определить как различия в социально-экономическом развитии, так и качественные изменения в нем.

Ключевые слова: конкурентоспособность территорий, региональное развитие, методики сравнительной оценки конкурентоспособности, факторы комплексного анализа региона, система показателей оценки социально-экономического потенциала, структурные элементы социально-экономического потенциала.

ELKANOV AZAMAT KHYSAEVICH

Senior Lecturer of the Department of Computer Science and Computational Mathematics Karachaevo-Cherkessky State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk, Russia

KHUBIEVA ZHANNA KEMALOVNA

Candidate of Economic Sciences (Ph.D. of Economic Sciences), Head of the Department of economic and financial disciplines Karachaevo-Cherkessky State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk, Russia

DEVELOPING A SYSTEM OF INDICATORS OF EVALUATION OF THE SOCIAL-ECONOMIC POTENTIAL OF THE REGION

Abstract. In the past, when determining the competitiveness of territories, an expert scale used to be taken as the basis for comparison. This expert scale included specific characteristics of countries (legislative conditions for foreign and national investors, an opportunity for capital export, stability of national currency, the level of inflation, and other indicators). This set of indicators was not sufficiently detailed for an adequate reflection of the whole complex of conditions. In relation to this, in the future, the development of methods of a comparative evaluation of competitiveness of different countries and regions expanded and became more complicated due to introduction of a system of parameters evaluated by experts, and a number of quantitative (statistical) indicators. The manuscript discusses in a logical sequence the factors determining the use of modern specific methods of comparative evaluation of competitiveness in different countries and regions. There was developed a system of indicators of the social-economic potential of the region allowing to determine both differences in the social-economic development, and the qualitative changes in it.

Keywords: competitiveness of territories, the regional development, methods of comparative evaluation of competitiveness, factors of a complex analysis of the region, a system of indicators of evaluation of the social-economic potential, structural elements of the social-economic potential.

Изначально сущность подхода при определении конкурентоспособности территорий заключалась в том, что в основу сравнения была положена экспертная шкала, включавшая следующие характеристики каждой страны: законодательные условия для иностранных и национальных инвесторов, возможность вывоза капитала, устойчивость национальной валюты, политическая ситуация, уровень инфляции, возможность использования национального капитала. Однако данный набор показателей был недостаточно детальным для адекватного отражения всего комплекса условий. Поэтому в дальнейшем развитие методик сравнительной оценки конкурентоспособности различных стран и регионов пошло по пути расширения и усложнения системы оцениваемых экспертами параметров и введения количественных (статистических) показателей. Чаще всего использовались такие показатели и параметры, как: тип экономической системы, макроэкономические показатели (объем ВВП, структура экономики и др.), обеспеченность природными ресурсами, состояние инфраструктуры, условия развития внешней торговли, участие государства в экономике [1,7].

Все используемые в методиках факторы можно объединить в две группы. Первую группу факторов составляют основные макроэкономические характеристики в виде суммы объективных предпосылок для инвестиций и зависящие как от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования, так и от экономического развития региона (инвестиционный потенциал).

Вторая группа включает показатели экономической динамики (прежде всего темпы прироста объемов промышленного производства, капитальных вложений и численности занятых), ряд социальных показателей, характеризующих стабильность (численность безработных или ее динамику, забастовочную активность и т. п.), институциональные факторы (наличие в регионе инвестиционного законодательства, налоговых льгот в области инвестиционной и инновационной и т. д.). Эта группа показателей отражает понятие инвестиционных рисков. По своей сути инвестиционный риск характеризует качественное состояние экономики, зависит от политических, социальных, экономических и криминальных факторов и является измеримой величиной, количественной мерой которой может служить вероятность отрицательного исхода. Присутствие инвестиционных рисков определяет наличие вероятности неполного использования инвестиционного потенциала. При анализе инвестиционной привлекательности в качестве основных составляющих принято выделять следующие виды риска:

- экономический;
- социальный;
- законодательный;
- экологический;
- финансовый;
- политический.

Среди сгруппированных факторов, оказывающих наибольшее влияние на развитие и конкурентоспособность при проведении комплексного анализа региона, можно выделить:

– Трудовые факторы региона (наличие трудовых ресурсов, профессионально-образовательный уровень населения, наличие квалифицированной рабочей силы).

– Потребительские факторы региона (потребительский потенциал; совокупная покупательная способность населения региона).

– Инфраструктурные факторы региона, экономико-географическое положение региона.

– Территориальное размещение региона (близость к внешним границам, регионам-поставщикам и регионам-потребителям).

– Инфраструктурная обустроенность, освоенность и обеспеченность региона.

– Развитие инфраструктуры системы коммуникаций на данной территории.

– Производственные факторы региона (совокупный результат хозяйственной деятельности населения в регионе; особенности отраслевой специализации; результаты производственной деятельности; наличие и размещение необходимых для производства компонентов (производительных сил): энергии, сырья, оборудования, инфраструктуры и т. д.).

– Экономические факторы региона (структура экономики региона; тенденции в экономическом развитии региона; сложившийся уровень инвестиционной активности; емкость существующего местного и мирового рынка и возможность их расширения (по производству дан-

ного вида услуги, продукции); условия сбыта (состояние товаропроизводящей сети, удаленность рынков сбыта) и уровень цен на продукцию, услуги на местном, международном рынках, а также объем импорта аналогичных товаров и позиции поставщиков-конкурентов; экономическая политика правительства по развитию инвестируемых отраслей; допустимая доля зарубежного участия в капитале предприятия; возможности переводов дивидендов за рубеж; возможность получения краткосрочных и долгосрочных кредитов на внутренних и мировых рынках банковского ссудного капитала и капитала небанковских структур; возможности мобилизации финансовых средств за счет выпуска ценных бумаг; уровень инфляции; конвертируемость национальной валюты; активность в реализации экономических реформ; наличие высокоэффективных инвестиционных объектов; наличие перспективного партнера).

– Социально-психологические факторы региона (социальные условия проживания населения (плотность населения, прожиточный минимум и др.); социальная стабильность (уровень социальной напряженности); наличие социальных конфликтов; уровень развития социальной сферы; нестабильность вследствие возможных насильственных действий; общественное мнение (отношение различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности).

– Политические факторы региона (распределение политических симпатий населения по результатам последних парламентских выборов; авторитетность местной власти; общая оценка стабильности законодательных и исполнительных структур; распределение власти между различными политическими группами и партиями, влияние оппозиции региональных политических сил; влияние различных этнических и религиозных групп, состояние межнациональных отношений; ограничительные меры политического характера, необходимые для удержания власти).

– Финансовые факторы региона (степень сбалансированности регионального бюджета и финансов предприятий; система налогообложения; состояние платежного баланса; прибыльность предприятий региона).

– Криминальные факторы (уровень криминогенной опасности в регионе с учетом тяжести преступлений; количество заказных убийств; коррумпированность структур власти; рэкет).

– Экологические факторы региона (уровень загрязнения окружающей среды; природно-климатические условия в регионе; уровень радиационного загрязнения в окружающей среде).

– Ресурсно-сырьевые факторы региона (средневзвешенная обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов; ресурсно-сырьевая обеспеченность региона).

– Инновационные факторы региона (инновационный потенциал; уровень развития науки; инновационный уровень разработки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе; интеллектуально-образовательный уровень).

– Институциональные факторы региона (степень развития ведущих институтов рыночной экономики; степень развития инфраструктуры рыночной экономики; наличие инвестиционной структуры). Этот фактор может быть включен в расчеты по оценке конкурентоспособности в дезагрегированной форме в связи с его определяющим влиянием на инвестиционную деятельность в регионах.

– Законодательные факторы региона (степень развития законодательной базы; юридические условия инвестирования в различные сферы или отрасли; наличие механизмов гарантий и защиты инвестиций и уровень их охвата; порядок использования отдельных факторов производства; степень развития нормативно-правовой базы). Эти факторы могут рассматривать в качестве отдельной составляющей инвестиционной привлекательности. Их характеристика может быть получена на основе ранжирования нормативных условий, благоприятствующих или препятствующих хозяйственной деятельности. Все законодательные акты должны быть разделены на государственные и региональные [1,4,5].

Процесс принятия управленческих решений о модернизации экономики должен максимально адекватно отражать состояние социально-экономического потенциала региона. В этой связи имеет смысл предложить систему показателей оценки социально-экономического потенциала региона, включающую совокупность факторов, характеризующих структурные элементы его потенциала (рис. 1).

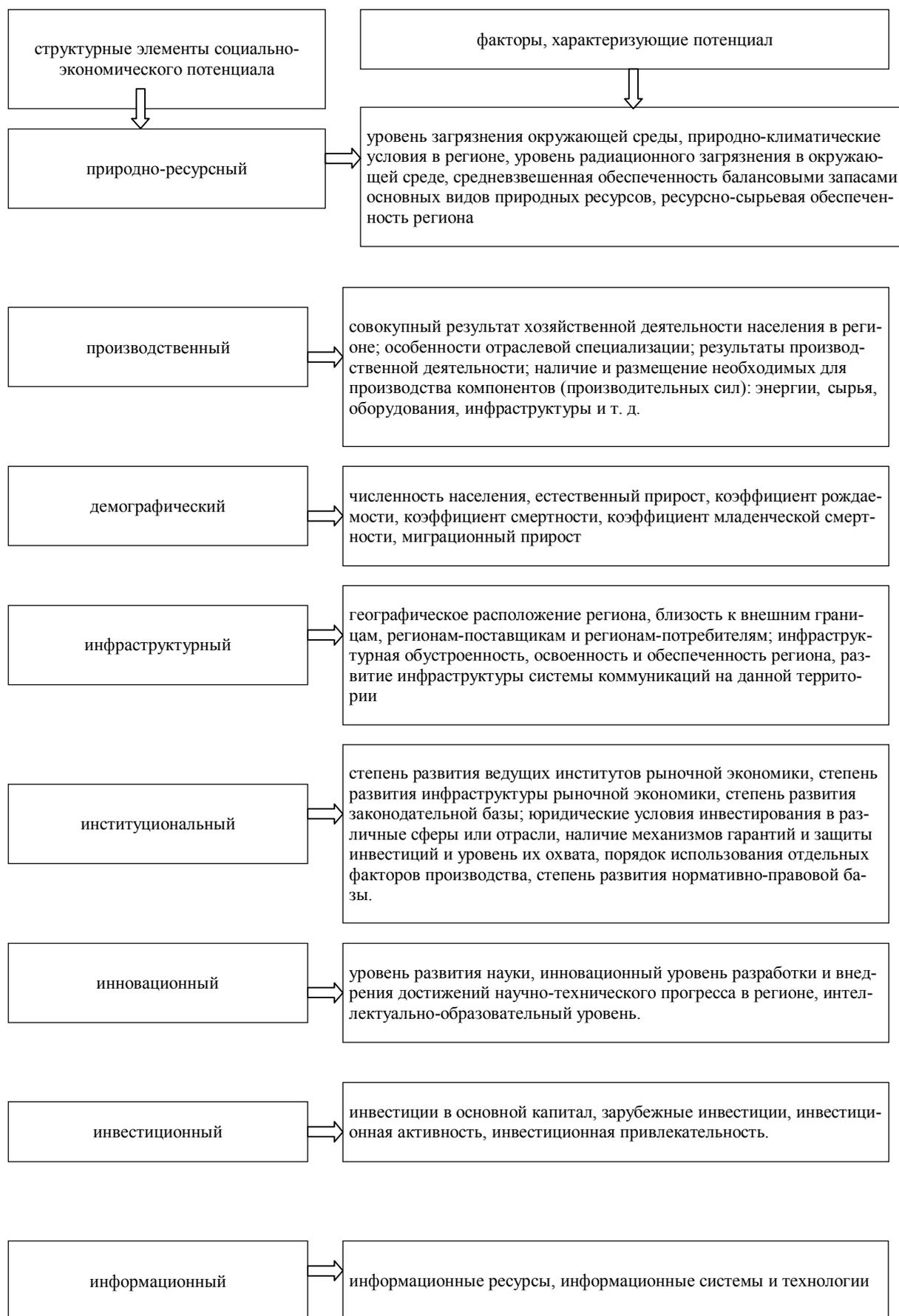

Рис. 1. Система показателей оценки социально-экономического потенциала региона.

Данная совокупность факторов (сгруппированных характеристик региона) позволяет предопределить различия в социально-экономическом развитии по регионам и качественные изменения в региональной системе. Обобщенно последствия влияния этих факторов можно определить как рыночную реакцию регионов на проводимые экономические реформы. С помощью этих факторов можно характеризовать степень адаптации экономики региона к рыночной экономике, в том числе с точки зрения воспроизводства основного капитала.

Предложенная система показателей и факторов (сгруппированных характеристик региона) позволяет дать адекватную оценку социально-экономического потенциала региона и выявить приоритетные направления его модернизации, а также запланировать качественные изменения в экономике региона. Оценивая влияние этих факторов, можно определить реакцию региона на проводимые структурные изменения в экономике.

На основе предложенной системы показателей проводится расчет потенциала территории среди российских регионов, представленный в табл. 1.

Ранг потенциала региона (Ro) агрегируется из суммы рангов частных показателей, характеризующих потенциал (Rn). Частные показатели суммируются с определенным весом коэффициентом (Kn), который определяется экспертной оценкой. Сумма весов частных показателей приравнивается 100 и обозначается формулой:

$$R_{qi} = R = \sum_{n=1}^n (R_{ni} * k_n), \quad \sum_{n=1}^n k_n = 100 \quad (1)$$

Регион, помимо ранга, характеризуется величиной, показывающей, насколько велик его потенциал как объект восприятия модернизационных процессов.

$$Rqi = \frac{P_{ni}}{\sum_{i=1}^i P_{ni}} \quad (2)$$

Таблица 1

Ранг-оценка социально-экономического потенциала региона N

Год	Ранг потенциала	Доля в общероссийском потенциале, %	Ранги составляющих потенциала								
			природно-ресурсный	демографический	производственный	инфраструктурный	инвестиционный	инновационный	институциональный	природно-ресурсный	информационный
2009	80	0,78	54	67	54	54	38	67	46	45	19
2010	80	0,56	56	76	52	57	31	69	49	48	21
2011	80	0,34	45	77	52	51	33	71	51	56	22
2012	81	0,25	44	78	51	48	28	78	52	67	25
2013	82	0,26	47	79	54	49	29	79	56	69	31
2014	82	0,2	66	67	57	41	34	78	58	68	35
2015	81	0,2	67	66	52	38	34	79	58	67	36

Оценка показывает, что потенциал региона N на 80 % ниже среднероссийского уровня, принятого условно за единицу. Республика N занимает 81-е место среди российских регионов. Такое положение слабо способствует развитию региональной экономики и ее качественной структурной модернизации.

Логика проведения оценки социально-экономического потенциала региона наталкивает нас на необходимость более детальной оценки его инвестиционного и инновационного потенциа-

ла как важнейших элементов процесса регионального развития и модернизации, а также эффективного использования ресурсной составляющей региона. Инвестиционный риск оценивается с позиции вероятности потерь инвестиций и дохода. При этом в числе рисков учитываются все его разновидности: экономический, финансовый, политический, социальный, экологический, криминальный и законодательный.

На современном этапе в условиях перехода к открытой модели рынка сам по себе показатель инвестиционного потенциала, без оценок экономических рисков, не может быть использован для выбора политики управления инвестиционными ресурсами. Поэтому подход к определению инвестиционной привлекательности региона с учетом инвестиционных рисков наиболее полно учитывает влияние социально-экономических факторов и рисков на процессы инвестирования в региональную экономику.

Литература

1. Андрианов В. Д. *Россия: экономический и инвестиционный потенциал*. — М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. — 662 с.
2. Беломестнов В. Г. *Управление изменениями в социальных транзитивных отраслях*. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. — 158 с.
3. Беломестнов В. Г. *Управление развитием проблемных территориально-отраслевых систем*. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. — 165 с.
4. Беломестнов В. Г., Зубарев Н. М. *Формирование ресурсно-инновационной политики хозяйствующих субъектов как фактор роста инвестиционного потенциала сложных социально-экономических систем региона*. — Иркутск, Изд. БГУЭП, 2003 г. — 176 с.
5. Белоусов Р. А. *Рост экономического потенциала*. — М.: Экономика, 1971.
6. Жигалова Н. Е. *Методологические аспекты диагностики в управлении развитием региона [Электронный ресурс]*. — Режим доступа: <http://nauka.wags.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
7. Мамбетова Ф. А., Ахабекова И. А. *Разработка методик оценки наиболее значимых элементов в структуре социально-экономического потенциала региона как основа эффективного управления устойчивым развитием социально-экономических систем // Экономика и управление*. — 2012. — № 1 (86). — С. 149-152.

References:

1. Andrianov V. D. *Russia: economic and investment potential*. M.: JSC «Publishing house» Economy, 1999. 662 p.
2. Belomestnov V. G. *Managing change in the social sectors transitive*. Irkutsk: Izd BSUEL, 2002. 158 p.
3. Belomestnov V. G. *Managing the development of problematic territorial and sectoral systems*. Irkutsk: Izd BSUEL, 2003. 165 p.
4. Belomestnov V. G., Zubarev N. M. *Formation of resource and innovation policy of economic entities as a factor of growth of investment potential of the complex social and economic systems of the region*. Irkutsk, Ed. BSUEL 2003 to 176.
5. Belousov R. A. *The growth of economic potential*. M.: Economics, 1971.
6. Zhigalova N. E. *Methodologicheskies aspects of diagnostics in development management in the region. [An electronic resource]*. Access mode: <http://nauka.wags.ru>, free. Heading from the screen.
7. Mambetova F. A., Ahabekova I. A. *The development of methodology for assessing the most important elements in the structure of the socio-economic potential of the region as a basis for effective management of sustainable development of socio-economic systems // Economics and Management*. 2012. No. 1 (86). P. 149-152.

ГИЧИЕВ НАБИЮЛА САПИЮЛАЕВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований
ДНЦ РАН», e-mail: nabi-05@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА С ЭКЗОГЕННЫМИ УСЛОВИЯМИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МАКРОРЕГИОНА

Аннотация. Цель работы. Количественная оценка влияния экзогенных условий на экономическое развитие региона, построение эконометрической модели роста. **Метод исследования.** Использованы методы статистического, экономико-математического и системного анализа. Расчет индекса условий внешней торговли проведён на основе статистической базы бюллетеня внешней торговли. В основе метода лежит расчёт средне-взвешенной цены товарной номенклатуры экспортируемых и импортируемых товаров внешнеэкономической деятельности Северо-Кавказского федерального округа. С целью снижения влияния инфляционной нагрузки использован индексный метод представления статистических данных. **Результаты исследования.** В ходе исследования выявлен положительный однонаправленный вектор развития индекса условий внешней торговли и экономического роста Северо-Кавказского федерального округа, определена высокая плотность корреляционной связи экзогенных условий внешней торговли с экономическим ростом по шкале Чеддока. Регрессионный анализ количественной оценки взаимосвязи внешних условий с экономическим ростом указывает на необходимость системного воздействия на улучшение экзогенных условий, способствующего экономическому росту СКФО. Проведённый статистический анализ свидетельствует о значимом воздействии на экономический рост экзогенных условий. Показатель интегрированности экономики Северо-Кавказского федерального округа в глобальную экономическую систему (индекс открытости экономики), снизившийся с 15–16% в 1998 г. до 3–4 % в 2015 г., т. е. в 4 с лишним раза, который свидетельствует не о конъюнктурных, а о структурных проблемах в экономике Северо-Кавказского федерального округа. **Область применения результатов.** Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в целях реализации системы мер по совершенствованию региональных программ повышения уровня интегрированности экономики в систему мирохозяйственных отношений, улучшения условий внешней торговли, обеспечения притока инвестиций и новых технологий, направленных на стимулирование экономического роста в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. **Выводы.** Подтверждена рабочая гипотеза о детерминированности экономического роста Северо-Кавказского федерального округа экзогенными условиями.

Ключевые слова: экономический рост, внешняя торговля, индекс условий внешней торговли, индекс открытости экономики, эконометрическая модель.

GICHIEV NABIYULA SAPIYULAEVICH

PhD, senior researcher FGBUN "Institute for social and economic research, Dagestan scientific center,
Russian Academy of Sciences", e-mail: nabi-05@mail.ru

THE INTERCONNECTION OF THE ECONOMIC GROWTH WITH THE EXOGENIC CONDITIONS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF FOREIGN TRADE OF THE MACROREGION

Abstract. The goal of the paper. The quantitative evaluation of impact of exogenic conditions on the economic development of the region, building an econometric model of growth. **The method of study.** The methods used include statistical, economic-mathematical and systemic analysis methods. The calculation of the index of conditions of foreign trade has been performed based on the statistical data of the foreign trade bulletin. The foundation of the method is the calculation of the average weighted price of the product portfolio of imported and exported goods of the foreign trade activity of the North Caucasian Federal District. In order to reduce the impact of the inflation burden, the index method of presenting statistical data has been used. **The results**

of the study. In the process of the study we have found a positive one-directional vector of development of the index of conditions of foreign trade and the economic growth of the North Caucasian Federal District, we have defined a high density of a correlational connection of exogenic conditions of the foreign trade with the economic growth using Cheddok scale. The regression analysis of the quantitative evaluation of the interconnection of external conditions with the economic growth points to the need of a systemic impact on the improvement of exogenic conditions that would encourage the economic growth of the North Caucasian Federal District.

The statistical analysis performed evidences a significant impact of exogenic conditions on the economic growth. The indicator of the integration level of the economy of the North Caucasian Federal District in the global economic system (the index of openness of the economy) that dropped from 15-16% in 1998 to 3-4 % in 2015, i.e. dropped by more than 4 times, evidences not the market volatility but structural problems in the economy of the North Caucasian Federal District. **The area of application of the results.** The practical importance of the study is determined by the ability to use the results obtained in order to implement a system of measures of perfecting regional programs of improving the level of economic integration in the system of world economic relations, improving the conditions of foreign trade, ensuring the surge in investments and new technologies directed towards stimulating the economic growth in the entities of the North Caucasian Federal District. **The conclusions.** The working hypothesis has been confirmed about the determinacy of economic growth of the North Caucasian Federal District by exogenic conditions.

Keywords: economic growth, foreign trade, the index of conditions of foreign trade, the index of openness of the economy, an econometric model.

Введение. В условиях экономической глобализации необходимо учитывать недостаточность национально-государственных институтов регулирования факторов экономического роста. В целях выхода российской экономики на траекторию устойчивого роста следует развивать и повышать эффективность глобальных институтов регулирования различных сфер экономической активности (таких, как ВТО, «Большая восьмёрка» и т. д.). Последний мировой финансовый кризис обуславливает необходимость не только совершенствования уже имеющихся, но и формирования новых институтов глобального экономического регулирования.

Социально-экономическое развитие российских регионов в условиях глобализации и глобальных финансовых шоков требует адаптации к изменениям внешних и внутренних условий экономического развития. Данный аспект получил свое отражение в работах многих российских исследователей [1, с. 259–272; 2, с. 614; 3, с. 48–57; 4, с. 130–143; 5, с. 81–87]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки влияния экзогенных условий внешней торговли на экономический рост российских регионов. В этом процессе большую роль играет международная экономическая интеграция по каналам внешней торговли, транснационального движения международного капитала и миграции трудовых ресурсов, обладающая синергетическим эффектом инициации экономического роста регионов с различным потенциалом развития.

В данной статье основное внимание сфокусировано на оценке влияния внешних шоков (экзогенных условий — в частности, индекса внешней торговли) на экономическое развитие СКФО и субъектов, входящих в его состав. В исследовании на основе статистических данных обоснована взаимосвязь экономического роста (ВРП) с внешней торговлей на трёх уровнях: макроуровне (РФ), мезуровне (Северо-Кавказский федеральный округ — СКФО). Для количественной оценки взаимосвязи индекса условий внешней торговли и цен на нефть с ВРП построена эконометрическая модель роста, позволившая обосновать ряд выводов научно-практического характера.

Гипотеза о зависимости внешнего сектора и темпов роста экономики достаточно распространена в литературе. В работах для США было показано, что экономический рост приводит к росту экспорта [9, с. 167–182; 10, с. 1145–1152], хотя слабый обратный эффект также был найден в работе Zestos G.K., Tao X. [11, с. 859–874]. Взаимозависимость экспорта и роста ВВП показана для Канады [11, с. 859–874], для Японии [10, с. 1145–1152]. Исследования для развивающихся стран показывают разнонаправленные результаты: для Южно-Азиатских стран

(Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур) поддержана гипотеза о причинности от ВВП к экспорту, т. е. традиционный подход, объясняющий рост азиатских экономик через наращивание экспорта не был подтвержден [7, с. 413–6]. Результаты тестов для Аргентины и Мексики показали взаимонаправленную зависимость экспорта и роста ВВП, для Бразилии причинность от экспорта к ВВП, для Турции показана односторонняя связь от ВВП к экспорту. Кроме значения экспорта для тестирования роли внешней торговли авторы также включают в модель импорт [11, с. 859–874], условия торговли, цены основных торгуемых товаров, индекс промышленного производства [8].

Методы исследования. Следует отметить, что эмпирических исследований отмеченных выше методов, посвящённых тестированию экономики российских регионов не было найдено. Именно это объясняет выбор методологии для данного исследования и делает работу особенно актуальной. Значительный интерес представляют исследования, спроецированные на региональный уровень, и, в частности, рассматривающие Северо-Кавказский федеральный округ в качестве объекта эконометрического анализа влияния условий внешней торговли на экономический рост (СКФО).

В этой связи необходимо также отметить, что применительно к мезо- и региональному уровню (СКФО) исследования неполный набор имеющихся статистических данных существенно ограничивает спектр применяемых методов анализа взаимосвязи экзогенных условий развития внешней торговли и экономического роста региона. Поэтому, с нашей точки зрения, методической основой количественной оценки влияния экзогенных условий внешней торговли на экономический рост региона может служить набор показателей внешнеторговой интеграции региона в систему международных экономических отношений, представленный в табл.

Таблица

Индикаторы внешнеторговой интеграции региона*

№	Показатель	Контент
1	Экспортная квота	Доля экспорта страны в её ВВП
2	Импортная квота	Доля импорта страны в её ВВП
3	Коэффициент динамики международного разделения труда	Соотношение темпов роста объёмов экспорта и внутринационального производства
4	Коэффициент относительной экспортной специализации	Отношение удельного экспорта определённого товара в общей сумме экспорта страны к удельному весу экспорта данного товара в общем объёме мирового экспорта. Если данный коэффициент по какому-либо продукту больше единицы, это означает, что страна специализируется в мировом хозяйстве на производстве и торговле этим продуктом. Если данный коэффициент по какому-либо продукту больше единицы, это означает, что страна специализируется в мировом хозяйстве на производстве и торговле этим продуктом.
5	Индекс условий внешней торговли (ТТ)	Соотношение экспортных и импортных цен определённого товара, страны в целом, группы стран
6	Эластичность импорта (E _{im})	Эластичность импорта измеряется как отношение процентного изменения объёмов импорта к процентному изменению его цены
7	Эластичность экспорта (E _{ex})	Эластичность экспорта измеряется как отношение процентного изменения объёмов экспорта к процентному изменению цены импорта

*Источник: составлено автором.

Индекс условий торговли (*ТТ* — *Terms of trade*) рассчитывается по формуле:

$$TT = \frac{I_e}{I_i} * 100 \dots, \quad (1)$$

где *ТТ* — индекс условий торговли; *I_e* — индекс экспортных цен; *I_i* — индекс импорт-

ных цен.

Возможны 3 варианта условий внешней торговли: 1) индекс условий торговли =100; 2) индекс условий > 100; 3) индекс условий < 100. В первом случае, когда ТТ =100 — это означает равенство цен экспорта и импорта. Во втором случае (ТТ >100) при росте совокупной цены экспорта страны по сравнению с совокупной ценой импорта на каждую единицу экспортируемого товара становится возможным приобрести всё больше импортных товаров. Поскольку больший объём импорта становится возможным взамен прежнего количества экспорта, благосостояние страны возрастает. В третьем случае падающий индекс условий торговли (ТТ <100) показывает, что при росте совокупной цены импорта страны по сравнению с совокупной ценой экспорта на каждую единицу экспортируемого товара становится возможным приобрести всё меньше импортных товаров. Поскольку меньший объём импорта становится возможным взамен прежнего количества экспорта, благосостояние страны сокращается.

Важным показателем количественной оценки внешних условий экономического роста является эластичность импорта (E_{im}) — изменение спроса на импорт, вытекающее из изменения условий торговли. Его расчетная формула имеет следующий вид:

$$E_{im} = \frac{\Delta I_m (\%) }{\Delta P (\%)} \dots, \quad (2)$$

где E_{im} — эластичность импорта; ΔI_m — изменение объёма в %; ΔP — изменение импортных цен в %.

Аналогично рассчитывается другой показатель, количественно оценивающий внешние условия развития страны (региона) в системе международных экономических отношений — эластичность экспорта. Его расчётная формула имеет следующий вид:

$$E_x = \frac{\Delta X (\%)}{\Delta P (\%)} \dots, \quad (3)$$

где E_x — эластичность экспорта; $\Delta X (\%)$ — изменение объёма экспорта в %; $\Delta P (\%)$ — изменение экспортных цен в %.

Количественная оценка взаимосвязи ВРП СКФО с динамикой индекса условий внешней торговли включает несколько основных этапов анализа:

- А. Подготовка статистической базы данных.
- В. Определение основной номенклатуры экспортируемых и импортируемых товаров (ТН ВЗД), определение средневзвешенной цены экспорта (импорта) региона.
- С. Расчет индекса нетто условий внешней торговли по укрупненной группе ТН ВЭД.
- Д. Выбор эконометрической модели.
- Е. Построение эконометрической модели оценивания влияния экзогенных условий внешней торговли на экономический рост региона.
- Ф. Оценка параметров адекватности модели роста.
- Г. Подгонка эконометрической модели.
- Н. Вывод результатов оценивания.

Результаты. Согласно нашим расчётам, эконометрическая модель влияния экзогенных условий, выраженная через индекс условий внешней торговли, на экономический рост СКФО (2008–2015 гг.) в формализованном виде может быть представлена в следующем виде:

$$Y = 1204,985 + 2026,32 X_1 + 21,63 X_2, \quad (4)$$

где X_1 — индекс условий внешней торговли СКФО; X_2 — стоимость нефти сорта Brent R = 0,7000445; $R^2 = 0,490062$.

Как видно из уравнения (8), взаимосвязь (индекса условий внешней торговли) и цен на нефть с экономическим ростом СКФО однонаправленный характер. Плотность корреляцион-

ной связи экзогенных условий с экономическим ростом по шкале Чеддока высокая.

На рис. 1 наглядно представлена синхронизация динамики индекса условий внешней торговли с экономическим ростом СКФО. 1 этап роста индекса условий внешней торговли (ТТ) — 2009–2014 гг. и 2 этап снижения — 2014–2015 гг. График ухудшения условий внешней торговли показывает влияние двух фундаментальных факторов: а) снижение цены на нефть и валютного курса (сокращение внешнего спроса); б) введение антироссийских санкций.

Рис. 1. График изменения ВРП и условий внешней торговли СКФО

Источник: расчёты автора

Графическая визуализация (рис. 2) совпадения этапов снижения и роста экспорта с индексом условий внешней торговли СКФО является подтверждением необходимости срочной корректировки внешнеэкономического и внешнеторгового курса на макро- и мезоуровнях.

Рис. 2. График изменения экспорта (млн \$) и условий внешней торговли СКФО

Источник: расчёты автора

Динамика импорта СКФО также наглядно подтверждает выявленную тенденцию ухудшения экзогенных условий экономического роста СКФО в течение 2012–2015 гг. (рис. 3). Особенно резкое нарастание негативных тенденций прослеживается с 2014 г., что, с нашей точки зрения, является проявлением кумулятивного эффекта реализации системных мероприятий по экономической и политической изоляции России от внешнего мира.

Рис. 3. График изменения импорта (млн \$) и условий внешней торговли СКФО
 Источник: расчёты автора

Одним из интегральных показателей количественной оценки нарастания внешнеэкономической изоляции СКФО является индекс открытости, который рассчитывается по 2 индикаторам — экспортной и импортной квоте. Следует отметить, что значение указанных показателей интегрированности экономики СКФО в глобальную экономическую систему неуклонно снижается с 15–16% в 1998 г. до 3–4% в 2015 г., т. е. в 4 с лишним раза (рис. 4). Для сравнительного анализа можно привести данные об экспортной квоте для ведущих стран мира: Китай — 25,6–35,2%; Германия — 38,3–4,0%; Нидерланды — 71,0–73,0%; Южная Корея — 45,3–45,4; мир в целом — 24,2–25,2. Такой длинный негативный тренд говорит уже не о конъюнктурных, а о структурных проблемах в экономике СКФО.

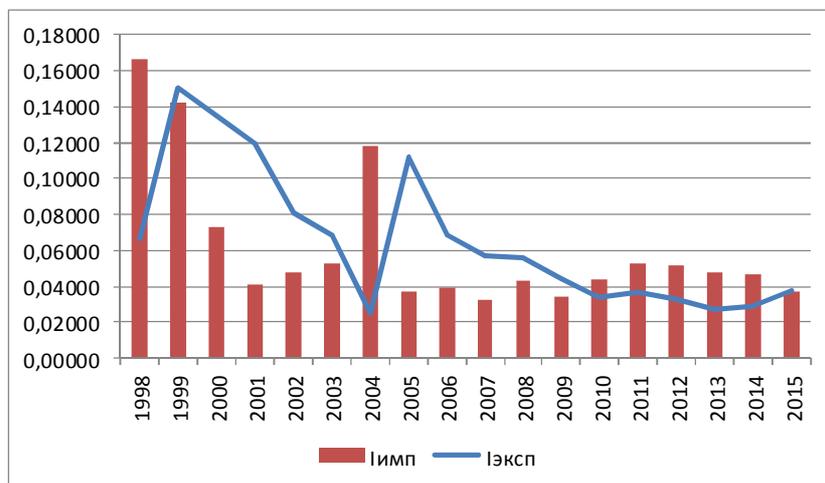

Рис. 4. График изменения индекса импортной и экспортной квоты (внешней открытости) СКФО
 Источник: расчёты автора

Выводы. Проведённые исследования взаимосвязи экзогенных условий внешней торговли, выраженные через индекс условий внешней торговли, с экономическим ростом СКФО позволяют сделать следующие выводы для мезо- и макроуровней:

Макроуровень

1. В ближайшие годы нельзя надеяться на возвращение идеальных условий, в которых сформировалась «модель импортированного роста». Соответственно нет шансов на выход российской экономики из стагнации без создания новой модели роста.

2. Проблемы российской экономики по-прежнему носят хронический характер и не могут быть решены только мерами по смягчению денежно-кредитной или бюджетной политики.

3. Содержанием новой модели роста должно стать создание сильной мотивации к повышению эффективности для бизнеса и для системы государственного управления.

4. Падение мировых цен на нефть в совокупности с усилением антироссийских санкций обусловило ухудшение внешнеторговых условий функционирования экономики, сокращение внешнего и внутреннего спроса, замедление темпов экономического роста.

5. Существенное влияние на экономический рост оказывают экзогенные факторы, связанные с ухудшением условий внешней торговли в результате введения антироссийских санкций, снижения внутреннего спроса, роста инфляционной нагрузки на экономику и др.

Мезоуровень

1. Статистический анализ динамики экономического роста СКФО показывает замедление темпов роста ВРП.

2. Количественная оценка экзогенных факторов роста экономики СКФО на основе индекса условий внешней торговли и цен на нефть показывает сильную корреляционную связь ВРП с указанными индикаторами.

3. Эконометрический анализ факторов роста свидетельствует о необходимости разработки системных мероприятий по улучшению экзогенных условий функционирования внешней торговли СКФО, расширению каналов его международной экономической интеграции в систему глобальной экономики, обеспечению доступа к иностранным технологиям, дешёвым кредитам и инвестиционным займам.

4. Оценка уровня внешнеэкономической открытости СКФО по критериям экспортной и импортной квоты подтвердило нарастание негативной тенденции снижения уровня открытости и вхождению в автаркийную модель развития.

Литература

1. Гичиев, Н.С. Экономический рост на основе международной интеграции: внешняя торговля и валютный курс // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 9 (47). С. 259–272.
2. Гичиев, Н. С., Бабеев, И. Г., Шабанова, М. М. Внешняя торговля и экономический рост : эконометрический аспект // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 614.
3. Гичиев, Н. С., Шабанова, М. М., Закариева, М. Н., Гичиев, А. Н. Методологический аспект оценки пороговых значений влияния международной финансовой интеграции на экономический рост // *В мире научных открытий*. 2015. № 10 (70). С. 48–57.
4. Гурова, И. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // *Вопросы экономики*, 2014. № 1. С. 130–143.
5. Кутаев, Ш. К., Сагидов, Ю. Н. Современное состояние и проблемы развития промышленности региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 6 (44). С. 62–66.
6. Сагидов, Ю. Н., Деневицкий, Д. А. Адаптивное формирование промышленного производства // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 8 (46). С. 81–87.
7. Ahmad, J. H. Cointegration and causality between exports and economic growth : Evidence from the ASEAN countries // *Canadian Journal of Economics*. 1996. 29:5413–6.
8. Awokuse, T. O. Is the exported growth hypothesis valid for Canada? // *Canadian Journal of Economics*. 2003. Vol. 36, No. 1. February.
9. Dutt, S. D. and Ghosh, D. The Export Growth-Economic Growth Nexus : A Causality Analysis // *Journal of Developing Areas*. 1996. 30. 167–182.
10. Ghartey, E. Causal Relationship between Exports and Economic Growth : Some Empirical Evidence in Taiwan, Japan and the US // *Applied Economics*. 1993. 25. 1145–1152.
11. Zestos G.K., Tao X. Trade and GDP Growth: Causal Relations in the United States and Canada // *Southern Economic Journal*. 2002. Vol. 68, No. 4, 859-874.

References:

1. Gichiev, N. S. Economicheskij rost na osnove mezhdunarodnoj integracii: vneshnyaya trgovlya i valyutnyj kurs // *Regional'nye problemy preobrazovaniya economic*. 2014. No. 9 (47). P. 259–272.
2. Gichiev, N. S., Babeev, I. G., SHabanova, M. M. Vneshnyaya trgovlya i ehkonomicheskij rost: ehkonometricheskij aspekt // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 1–1. P. 614.
3. Gichiev, N. S., SHabanova, M. M., Zakarieva, M. N., Gichiev, A. N. Metodologicheskij aspekt ocenki porogovyh znachenij vliyaniye mezhdunarodnoj finansovoj integracii na ehkonomicheskij rost // *V mire nauchnyh otkrytij*. 2015. No. 10 (70). P. 48–57.
4. Gurova, I. O teoreticheskoy modeli torgovoj integracii na prostranstve SNG // *Voprosy ehkonomiki*. 2014. No. 1. P. 130–143.
5. Kutaev, Sh. K., Sagidov, Yu. N. Sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya promyshlennosti regiona // *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*. 2014. No. 6 (44). P. 62–66.

6. Sagidov, Yu. N., Denevzyuk, D. A. *Adaptivnoe formirovanie pro-myshlennogo proizvodstva // Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*. 2014. No. 8 (46). P. 81–87.
7. Ahmad, J. H. *Cointegration and causality between exports and economic growth: Evidence from the ASEAN countries // Canadian Journal of Economics*. 1996. 29. P. 413–6.
8. Awokuse, T. O. *Is the exported growth hypothesis valid for Canada? // Canadian Journal of Economics*. 2003. Vol. 36. No. 1. February.
9. Dutt, S. D. and Ghosh, D. *The Export Growth-Economic Growth Nexus: A Causality Analysis // Journal of Developing Areas*. 1996. 30. P. 167–182.
10. Ghartey, E. *Causal Relationship between Exports and Economic Growth : Some Empirical Evidence in Taiwan, Japan and the US // Applied Economics*. 1993. 25. P. 1145–1152.
11. Zestos, G. K., Tao, X. *Trade and GDP Growth: Causal Relations in the United States and Canada // Southern Economic Journal*. 2002. Vol. 68. No. 4. P. 859–874.

УДК: 330.117; 332.122

МИХАЙЛОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

к.г.н., заместитель директора Проектного офиса, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», e-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ¹

Аннотация. Структура современного социально-экономического пространства характеризуется образованием различных типов территориальных общностей как географически обусловленных сплетений технологических, социальных, организационных, институциональных, культурных и когнитивных связей. Следовательно, возрастает актуальность проблемы идентификации многомерной границы пространственно-сетевых взаимодействий территориальной общности как ее важнейшей характеристики и структурного элемента, а также инструмента управления региональным развитием. **Целью** данной работы выступила разработка методологического подхода к делимитации и демаркации границы территориальной общности на принципах комплексности и системности. Важной **методологической особенностью** разработанного подхода является представление границы территориальной общности как сложной системы, включающей семь составляющих (географическую, социальную, когнитивную, организационную, институциональную, культурную, технологическую), тесно взаимосвязанных между собой. Идентификация границы территориальной общности реализуется в несколько этапов на макро-, мезо- и микроуровне, что позволяет обеспечить переход от выявления косвенных признаков гипотетического существования территориальной общности и вовлеченности тех или иных субъектов в систему пространственно-сетевых взаимодействий к идентификации ее эмерджентных свойств. По результатам анализа существующих методологических подходов к определению и идентификации границ территориальных общностей различных типов автором выделены и обоснованы факторы, обуславливающие свойства территориальной общности как объекта исследования, перечень структурных элементов многомерной границы территориальной общности и критерии их выявления в социально-экономическом пространстве региона с учетом силы их проявления (сильное, слабое, отсутствует). Дальнейшее исследование в данной области предполагает разработку модели многомерной границы территориальной общности планетарного типа и практической методики ее идентификации, которая позволит произвести структурную делимитацию субъектов территориальной общности в контексте хозяйственной структуры региона и осуществить демаркацию границы ее локализации.

Ключевые слова: территориальная общность, делимитация границ, выявление границ, идентификация границ, регион.

MIKHAYLOV ANDREY SERGEEVICH

PhD, Deputy Director, Project management office, Federal STATE Autonomous educational institution "Baltic Federal the University of Immanuel Kant", e-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

A COMPLEX APPROACH TO IDENTIFICATION OF THE BORDER OF THE TERRITORIAL ENTITY

Abstract. The structure of the modern social-economic space is characterized by establishing different types of territorial entities as geographically defined entanglements of technological, social, organizational, cultural and cognitive connections. In relation with this, there is a growth of relevance noted of the problem of identification of a multi-dimensional border of spatial-network interactions of a territorial entity as its most important characteristic and structural element, as well as an instrument of management of the regional development. The goal of this paper was the development of a methodological approach to delimitation and demarcation of the border of the territorial entity on the principles of complexity and consistency. An important methodological feature of a developed approach is representation of the border of a territorial entity as a complex

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00258 «Эквивокальность в идентификации границ пространственно-сетевых форм взаимодействия».

system including seven components (the geographical, social, cognitive, organizational, cultural, technological), closely interconnected with each other. Identification of the border of a territorial entity is implemented in several stages at macro-, meso- and micro-levels which allows to provide for a transition from finding indirect signs of a hypothetical existence of the territorial entity and involvement of different territorial subjects in the system of spatial-network interconnections to identification of its emergent properties. Based on the results of the analysis of existing methodological approaches to the definition and identification of borders of territorial entities of different types, the author has distinguished and substantiated the factors that stipulate the properties of the territorial entity as the object of the study, a list of structural elements of a multidimensional border of the territorial entity and criteria for distinguishing them in the social-economic space of the region taking into account the forces of their manifestation (strong, weak, absent). A further study in this area supposes developing a model of a multidimensional border of a territorial entity of the planet type, and a practical method of its identification which will allow to perform a structural delimitation of territorial subjects of a territorial entity in the context of the economic structure of the region, and perform a demarcation of the border of its localization.

Keywords: *a territorial entity, delimitation of borders, finding borders, an identification of borders, a region*

Введение. Территориальная общность (ТО) — имманентное состояние системы пространственно-сетевых взаимодействий неоднородных субъектов на определенной территории, объединяемых сходством их индивидуальных устремлений и единством взглядов относительно приоритетов долгосрочного развития. Простые формы ТО в структуре территориальной социально-экономической системы (ТСЭС) региона обретают вид сообществ добавленной стоимости, различных отраслевых объединений, функционирующих в логике линейных моделей. Данные ТО наиболее просты в идентификации с аналитической точки зрения, будучи основаны на формальных транзакционных взаимозависимостях хозяйствующих субъектов в системе отношений продавец — покупатель, нашедших отражение в модели «затраты-выпуск». Более комплексные структуры ТО вовлекают стейкхолдеров различных институциональных сфер (предпринимательской, академической, государственной, общественной и др.), образуя многоуровневые связи двунаправленного нелинейного характера. Пространственно-сетевые взаимодействия в подобных ТО в большей степени обусловлены атрибутивными характеристиками акторов, чья связность обретает форму коллективной вовлеченности, причастности, коллаборации, соучастия или сопроизводства (иначе сосозидания) инноваций путем неординарной комбинации неявных знаний друг друга, воплощенных в компетенциях, навыках, умениях, ноу-хау и др. Продукт как таковой (товар и сырье, услуги, необходимые для его производства), выступающий предметом обмена в рамках традиционных — простых, линейных форм экономических отношений, не является обязательным элементом отношений более сложных ТО, что значительно затрудняет процедуру их делимитации и последующей демаркации на территории региона. В новом постиндустриальном этапе развития экономики, базирующемся на идее первостепенной важности знаний [1] и обучения [2], пространственно-сетевые взаимодействия ТО характеризуются наличием сообществ практики [3], креативных полей [4], пространств [5] и окружения [6], инновационной среды [7] и экосистемы [8; 9], той неосязаемой нематериальной составляющей, способствующей образованию некоммерческих взаимозависимостей [10], поддерживающих нелинейный инновационный процесс [11] как на внутри-, так и на меж-организационном уровне. Границы пространственно-сетевых взаимодействий, характеризующихся территориальной общностью, многомерны, где физическое расположение субъектов служит лишь косвенным, второстепенным индикатором их возможной вовлеченности и существования ТО как таковой. Более весомый вклад в понимание и разграничение ТО от территориальной общественной системы (ТОС) региона вносят когнитивные, культурные, социальные, технологические, институциональные, организационные границы, позволяющие рассмотреть ТО с позиции совместимости, связности и комплементарности ее структурных элементов.

Целью данной статьи является разработка комплексного подхода к делимитации и демаркации границы ТО как многомерной сложной системы на основе систематизации представле-

ний о ее составляющих и подходов к их определению.

Структура границы пространственно-сетевых взаимодействий территориальной общности

Методические подходы к исследованию границы пространственно-сетевых взаимодействий ТО затрагивают наряду с территориальным географическим аспектом и ряд других, характеризующихся иной природой: социальной, когнитивной, организационной, институциональной, культурной, технологической. Высказывание Пьера Бурдьё [12, с. 16] об «ансамбле невидимых связей», формирующих социальную реальность Эмиля Дюркгейма, в полной мере становится применимо к пространственно-сетевым взаимодействиям ТО, в образовании и устойчивости которых основополагающее значение имеют межличностные интеракции социально-географической реальности — «осознаваемых смыслах системы.., формирующих практическое чувство причастности» [13, с. 94]. Может быть выделена социальная граница ТО, отражающая пространство личных, повседневных отношений между сотрудниками организаций. Как правило, такие отношения являются результатом укорененности субъектов пространственно-сетевых взаимодействий ТО в региональную среду и образованием «общей социальной осведомленности» [14]. Они (отношения) могут проявляться в виде родства, дружбы, панибратства между отдельными субъектами вследствие опыта сотрудничества как результат общих характеристик личности и «структурной эквивалентности» организаций [15; 16]. Географическая граница в этой связи отражает локализацию и ареал физического распределения в пространстве субъектов пространственно-сетевых взаимодействий ТО, что позволяет задать область анализа плотности и «диадического расстояния» [17]. В работах [18; 19] приведены методологические подходы к выявлению географической границы ТО, где наряду с измерением абсолютного расстояния между взаимодействующими субъектами учитывается относительное, характеризующее транспортной доступностью: временем в пути или его восприятием контрагентами, отражающем их усилия по формированию и поддержанию межличностных коммуникаций. Несмотря на то, что физическая сорасположенность субъектов не является ни обязательным, ни достаточным условием для построения эффективных межорганизационных взаимосвязей (см. [15; 20; 21; 22]), она играет значительную роль в облегчении личных взаимодействий, способствуя передаче информации и обмену неявным знанием между субъектами.

Наряду с социальной все большую значимость приобретает когнитивная граница ТО, очерчивающая совокупность субъектов, оперирующих сходными «референтными точками» [18] и «общей схемой толкования» [23], говорящих на «одном языке» [24] в процессе взаимодействия. Наибольший вклад в разработку методологического подхода к определению когнитивной границы ТО внесли Марк Грановеттер, Уэсли М. Коэн, Дэниэль А. Левинталь, Барт Нотебоом и ряд других ученых. Наиболее яркую форму отношения взаимопонимания и общности мышления, восприятия, понимания, интерпретации обретают в эпистемических, или сообществах практики², в которых люди оперируют сходной базой знаний на основе общей научной, образовательной, практической и иной специализации, что свидетельствует о единстве их когнитивного капитала.

Концептуальная основа организационной границы базируется на понятии «организационного расстояния», введение которого обосновано М. Гертлером [25]. Организационный уровень границы очерчивает круг субъектов ТО, обладающих структурной иерархичностью [26] в рамках единой институционализированной сети и/или качественной эквивалентностью [27], которая может быть определена через такие классификационные критерии, как размер компании, вид экономической деятельности, целевой рынок и другие. Важными индикаторами границы выступают использование единого пула ресурсов, коллективное пользование материально-технической базой НИОКР, общность организационной структуры и ряд других. Примечательно, что некоторые ученые, например [28, с. 30], предлагают учитывать не только фактическое сходство, но и стремления, которые «агенты используют в качестве ориентира для бенчмаркинга своих процедур и стратегической практики».

Институциональные границы ТО характеризуются совокупностью формальных институтов

² В отечественной литературе термин также трактуется как «практикующие сообщества», «профессиональные сетевые сообщества», «деятельные сообщества», «сообщества специалистов-практиков» и прочее.

(законы, нормы, правила) — жестких факторов и неформальных институтов (нормы, ценности, процедуры) — мягких факторов, задающих рамки хозяйствования субъектов, одновременно способствуя и сдерживая развитие, оказывая влияние на скоординированность действий. Встроенность в единое институциональное поле обуславливает схожую «институциональную настройку» [28], облегчая сотрудничество в пользовании стимулами и ограничениями правовой и экономической среды. Идентификация институциональной границы ТО в большей степени основана на анализе категорий неформальных институтов в процессе фрагментации ТСЭС относительно принятых норм, процедур, правил, деловой практики и т. д., а также изучении свойств ассоциаций, объединений, агентств и других структур их создающих и отстаивающих — «институциональной плотности» [29; 30] ТСЭС в рамках данной ТО. Институциональные рамки, формируемые культурой и рассматриваемые в научной практике в качестве «культурных артефактов» [31], в значительной степени перекликаются с культурными границами ТО, которые, как отмечает [18], публичны и приняты в данной группе в данный момент времени, являясь отражением сходств убеждений, норм поведения, организационной и бизнес-культуры и т. д., связывая вместе членов, определяя или отделяя одну группу от других на основе принципов «культурной дистанции» [25].

Ускорение технологического развития и рост потребности в новых технологиях обусловили необходимость выделения технологической границы ТО, которая соотносится не столько с инструментами и приборами, сколько со знаниями, лежащими в их основе и задействованными в технологическом процессе создания новых товаров или услуг — «продуктов технологии» [32]. Граница отражает сходство или уровень перекрытия баз технологических знаний субъектов ТО, что может быть выявлено через унифицированные технологические стандарты, осознанную направленность на технологическую совместимость, аналогичную технологическую специализацию, номенклатуру производимых продуктов, научные или технологические области регистрируемых патентов [33; 34].

Комплексный подход к идентификации границ территориальной общности

Пространственно-сетевые взаимодействия ТО требуют физической сорасположенности, благоприятных институциональных и организационных условий, социокультурной «совместимости» и определенного склада мышления, которое соответствует устоявшемуся паттерну. Традиционный подход, применяемый в исследованиях ТОС и ТСЭС, основывается на принципе индукции и предполагает, что ТО может быть выявлена на микроуровне на основе двоичной сопоставимости взаимодействующих субъектов, совокупность которых представляет свойства системы в целом. Национальная и региональная культура, социальная среда, институциональный контекст и другие факторы мезо- и макроуровня являются косвенными индикаторами того, что субъекты обладают определенным уровнем сходства и гипотетически могут образовать систему связей, основанную на общностях рассматриваемых границ. Их использование в анализе реализуется в рамках принципа дедукции.

Прикладные исследования по делимитации границ ТО и ее демаркации сталкиваются с существенным препятствием. ТО наряду с другими разновидностями территориальных совокупностей, такой как репрезентация систем взаимодействий на определенной территории, характеризуется эмерджентными свойствами — общими свойствами системы, не присущими ее подсистемам, или совокупности элементов. Индивидуальные свойства (характеристики), которые отражены в парной схожести (см. теория близости [35]), могут выступать лишь в качестве вспомогательного элемента методологии, отражая их совместимость со свойствами ТО, аналогично косвенным показателям макро- или мезоуровня. Следовательно, они не могут быть применены непосредственно для идентификации ТО, т. е. делимитации и демаркации границы ТО. Идентификация свойств ТО должна охватывать особенности контекстной среды и структурных элементов — субъектов ТО, являясь дополнением к непосредственным свойствам самой ТО (рис. 1).

Рис. 1. Факторы, детерминирующие свойства территориальной общности.

В соответствии с предложенной моделью делимитация ТО осуществляется на трех иерархических уровнях: макро, мезо, микро. Национальный (макро) и региональный (мезо) уровни используются на первом этапе исследования для идентификации ТСЭС с использованием статистических данных и для последующей демаркации ее границ. Результаты первого этапа анализа предполагают ответ на основные вопросы «где?» и «что?», т. е. позволяют выявить приблизительную границу ТО и тип ТО, являющийся предметом изучения, соответственно. Станет возможным сформировать первоначальное представление о свойствах ТО: ее зрелости, структуре (отраслевая, межотраслевая), составе и институциональной композиции, причинах создания (государственная программа поддержки, увеличение спроса, другие), «правилах игры» (институциональный контекст) и т. д. Внутрисетевой анализ на микроуровне позволит разграничить атрибутивные и транзакционные характеристики совокупности субъектов, выявленных ранее. На втором этапе предполагается описать основные элементы (ядро, основных участников), которые могли бы представлять собой ТО, их свойства и сходства, а также ответить на вопросы «почему?» и «как?» эти субъекты взаимодействуют (например, реализация НИОКР, проектная деятельность, совместное использование ресурсов, цепочка добавленной стоимости и т. д.). Различия в интерпретации отдельных измерений атрибутивных характеристик элементов ТО в зависимости от уровня рассмотрения представлены детально [36].

После завершения первого и второго этапов изучения исследователь получает понимание о типе изучаемой ТО, которая будет характеризоваться сходством с одной из существующих теоретических моделей форм территориальной структуры хозяйства [37]. Убедившись в том, что существуют предпосылки ТО определенного типа, основная задача состоит в том, чтобы выявить эмерджентные свойства конкретной ТО путем сопоставления свойств отдельных субъектов относительно ядра сети и анализа их в контекстной среде. Схематическое представление этого процесса отражено на рисунке 2, где многомерные границы сети сводятся к набору критериев сильных и слабых виртуальных (т. е. не территориальных) сходств с географической точки зрения.

Слабые сходства указывают на размытые границы, которые не позволяют разграничить полный набор взаимодействующих субъектов, таким образом, можно рассмотреть возможность исключения данной категории из последующего исследовательского процесса. Сильные категории — те, которые будут использоваться при определении границы ТО и ее последующего размежевания. Для этого каждой категории присваивается конкретный показатель, присущий конкретному типу сети. Процесс «имитации», выявленный в [38], гарантирует, что отдельные субъекты стремятся к подражанию, дублированию некоторых ключевых характеристик сети, следовательно, схожи с сетью по ряду ключевых аспектов. Это делает процесс аффилирования возможным, позволяя производить делимитацию и демаркацию границы ТО.

	Критерии виртуальных сходств	
	<i>сильные</i>	<i>слабые</i>
Географическая граница	Организационная граница	
	Институциональная репрезентация ТО	Агломерация специализированных учреждений
	Социальная граница	
	Специализированные мероприятия в рамках единой базы знаний	Виртуальные сети, фрагментированные группы специалистов
	Культурная граница	
	Унифицированные формальные деловые стандарты	Сходство индивидуальных подходов и принципов
Институциональная граница		
Единые формальные стандарты качества (например, экологические)	Сходство по ключевым аспектам, что позволяет сотрудничать	
Когнитивная граница		
Общее видение долгосрочного развития, миссии	Совпадение интересов в течение периода времени по конкретному вопросу	
Технологическая граница		
Единые технологические стандарты	Сопоставимые технологии	

Рис. 2. Критерии идентификации свойств территориальной общности.

Заключение. Результатом современных преобразований в экономике, протекающих на фоне перехода к инновационной модели развития, выступает растущая актуальность задачи по разработке комплексного подхода к делимитации и демаркации границы пространственно-сетевых взаимодействий ТО региона, характеризующихся селитебными и кластерогенными закономерностями размещения. Нелинейность инновационного процесса, комплексная институциональная структура открытых межорганизационных сетевых взаимодействий, «глокальность» характера ресурсных потоков и целый ряд других факторов значительно сужают область применения и снижают эффективность классических методов анализа локализованных экономических систем. Предлагаемый многоуровневый подход позволяет обеспечить переход от выявления косвенных признаков гипотетического существования ТО и вовлеченности тех или иных субъектов в систему пространственно-сетевых взаимодействий к идентификации эмерджентных свойств ТО, захватывая нелинейность социально-экономических связей и многомерность границ. Реализация подхода позволяет оценить совместимость, связность и комплементарность структурных элементов ТО на основе анализа когнитивной, культурной, социальной, технологической, институциональной и организационной границ. Тем не менее предложенные критерии идентификации свойств ТО являются лишь концептуальной основой разрабатываемого методологического подхода. Будущая методика требует выработки перечня универсальных, сопоставимых индикаторов, а также алгоритма по их глубинному анализу.

Литература

1. *The knowledge-based economy. Science, technology and industry outlook.* Paris: OECD, 1996.
2. Lundvall B.A., Johnson B. *The learning economy* // *Journal of Industry Studies.* 1994. 1(2). 23-42.
3. Brown J.S., Duguid, P. *Organizational learning and communities of practice: toward a unified view of working, learning and innovation* // *Organization Science.* 199. 2(1). 40-57
4. Scott A. *Entrepreneurship, innovation, and industrial development: geography and the creative field revisited* // *Small Business Economics.* 2006. 26. 1-24.
5. Evans G. *Creative Cities, Creative Spaces and Urban Policy* // *Urban Studies.* 2009. 46 (5-6). 1003-1040.
6. Cooke P., Morgan K. *The creative milieu: a regional perspective on innovation* / M. Dodgson, R. Rothwell // *The handbook of industrial innovation.* London: Edward Elgar Publishing, 1994. 480 p.
7. Maillat D. *From the industrial district to the innovative milieu: contribution to an analysis of territorialised productive organisations* // *Space and economics in retrospect.* 1998. 64(1). 111-129.
8. Adner R. *Match your innovation strategy to your innovation ecosystem* // *Harvard Business Review,* 2006.

84. 98-110.
9. Moore J.F. *Predators and prey: a new ecology of competition*. *Harvard Business Review*. 1993. 71. 75-86.
10. Storper M. *The resurgence of the regional economies ten years later: the region as a nexus of untraded interdependencies* // *European Urban and Regional Studies*. 1995. 2(3). 191-215.
11. Михайлова А.А. *Инновационный процесс: история и современные тенденции моделирования* // *ИнВестРегион*. 2014. 3. 22-29.
12. Bourdieu P. *Social space and symbolic power* // *Sociological theory*. 1989. 7(1). 14-25.
13. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. *Территориальная идентичность как предмет социологического исследования* // *Социологические исследования*. 1998. 4. 94-98.
14. Westermarck K. *Proximity and learning in internationalisation Small Swedish IT firms in India*. Stockholm: Stockholm Universitet. 2013. P. 204.
15. Boschma R. *Proximity and innovation: a critical assessment* // *Regional Studies*. 2005. 39(1). 61-74.
16. Mizruchi M.S. *Cohesion, equivalence, and similarity of behavior: a theoretical and empirical assessment* // *Social Networks*. 1993. 15(3). 275-307.
17. Capello R. *Spatial transfers of knowledge in high technology milieux: learning versus collective learning processes* // *Regional Studies*. 1999. 33(4). 353-366.
18. Knoben J., Oerlemans L.A.G. *Proximity and inter-organizational collaboration: a literature review* // *International Journal of Management Reviews*. 2006. 8(2). 71-89.
19. Glückler J. *Economic Geography and the Evolution of Networks* // *Journal of Economic Geography*. 2007. 7(5). 619-634.
20. Ratinho T., Henriques E. *The role of science parks and business incubators in converging countries: evidence from Portugal* // *Technovation*. 2011. 30(4). 278-290.
21. Korotka M.A. *Proximity factors influencing academics' decisions to cooperate with industrial organizations* // *Regional Studies*. 2015. 2(1). 415-423.
22. Vissers G., Dankbaar B. *Knowledge and proximity* // *European Planning Studies*. 2013. 21(5). 700-721.
23. Mattes J. *Dimensions of proximity and knowledge bases innovation between spatial and non-spatial factors* // *Regional Studies*. 2011. 46(8). 1085-1099.
24. Vicente J., Dalla Pria Y., Suire R. *The Ambivalent role of mimetic behaviors in proximity dynamics: evidences on the French "Silicon Sentier"* / J. Surinach, R. Moreno and E. Vaya // *Knowledge externalities, innovation clusters and regional development*. Chetelham, UK: Edward Elgar Publishing, 2007.
25. Gertler M. *Manufacturing culture*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
26. Oerlemans L.A.G., Meeus M.T.H. *Do organisational and spatial proximity impact on firm performance?* // *Regional Studies*. 2005. 39(1). 89-104.
27. Wilkof M.V., Brown D.W., Selsky J.W. *When the stories are different: the influence of corporate culture mismatches on interorganizational relations* // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 1995. 31(3). 373-388.
28. Kirat T., Lung Y. *Innovation and proximity – territories as loci of collective learning processes* // *European Urban and Regional Studies*. 1999. 6(1). 27-38.
29. Amin A., Thrift N. *Globalization, institutional thickness and local prospects* // *Revue d'Economie Régionale et Urbaine*. 1993. 3. 405-427.
30. Beer A., Lester L. *Institutional thickness and institutional effectiveness: developing regional indices for policy and practice in Australia* // *Regional Studies*. 2015. 2(1). 205-228.
31. Morgan K. *The learning region: institutions, innovation and regional renewal* // *Regional Studies*. 1997. 31(5). 491-503.
32. Tushman M.L., Anderson P. *Technological discontinuities and organizational environments* // *Administrative Science Quarterly*. 1986. 31(3). 439-465.
33. Caragliu A., Nijkamp P. *Space and knowledge spillovers in European regions: the impact of different forms of proximity on spatial knowledge diffusion* // *Journal of Economic Geography*. 2016. 16(3). 749-774.
34. Fung M.K. *Technological proximity and co-movements of stock returns* // *Economics Letters*. 2003. 79(1). 131-136.
35. Украинский В.Н. *Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем* // *Пространственная экономика*. 2011. 2. 92-126.
36. Михайлов А.С. *Пространственно-сетевые формы взаимодействия: идентификация границ в современном геоэкономическом контексте* // доклад представлен на VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Региональные проблемы преобразования экономики». 9-10 ноября 2016 г.
37. Mikhaylov A.S. *Approaches to the identification of the boundaries of spatial networks as multidimensional territorial socio-economic systems* // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. 6(4). 1696-1701.
38. Полтерович В.М. *Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации* // *Вопросы экономики*. 2009. 6. 4-22.

ПЕТРОСЯНЦ ВИКТОР ЗАВЕНОВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

АРСЛАНОВА ХАДИЖАТ ДЖАВАДОВНА

к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: ars_nauka@mail.ru

НИНАЛАЛОВА ЛЕЙЛА ГАДЖИКУРБАНОВНА

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: leylashka-n@mail.ru

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹**

Аннотация. Цель. Рассмотреть и обобщить зарубежный опыт государственного регулирования регионального развития с позиций его адаптации к реалиям российской действительности. **Метод или методология проведения работы.** Осуществить с позиций системной методологии комплексный анализ современных организационных форм и методов регулирования регионального развития, используемых в развитых странах мира. **Область применения результатов.** Результаты, полученные в ходе исследования, могут представлять интерес для государственных федеральных, региональных и муниципальных органов власти в сфере формирования и реализации региональной экономической политики. **Выводы.** Анализ зарубежного опыта в области регулирования регионального развития показывает, что все страны мира, независимо от их уровня экономического развития, сталкиваются с региональными противоречиями и проблемами, разница только в том, насколько высока степень глубины и контрастности региональной дифференциации в вопросах развития и размещения факторов производства.

Ключевые слова: региональная экономика, региональная политика, методы регулирования, формы организации, системный анализ.

PETROSYANC VIKTOR ZAVENOVICH

doctor of Economics, Professor, chief researcher of "Institute of socio-economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences", e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru

ARSLANOVA KHADIZHAT DZHAVADOVNA

Ph. D., researcher FGBUN "Institute for social and economic research Dnts ran," e-mail: ars_nauka@mail.ru

NINALALOVA LEYLA GADZHUKURBANOVNA

Junior researcher, FGBUN "Institute for social and economic research Dnts ran," e-mail: leylashka-n@mail.ru

THE FOREIGN EXPERIENCE OF STATE REGULATION OF REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. The goal. To discuss and summarize the foreign experience of state regulation of regional development from the vantage points of its adaptation to the realities of Russia. **The method or methodology of performing work.** To perform a complex analysis of modern organizational forms and methods of regulating regional development used in developed countries of the world from the vantage points of systemic methodology. **The area of application of the results.** The results obtained in the process of the study may be of interest for state federal, regional and municipal governmental authorities in the sphere of forming and implementing the regional economic policy. **The conclusions.** The analysis of the foreign experience in the area of regulating the regional development shows that all of the world countries independent of their level of economic development face regional contradictions and problems, except for the difference is how high the degree of the depth is, and the contrast of regional differentiation is in the issues of development and placement of production factors.

Keywords: the regional economy, the regional policy, methods of regulation, forms of organization, a systemic analysis.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 15-02-00093а, № 16-02-00093а).

Введение. В каждой стране, но в разных формах присутствуют элементы государственного регулирования регионального развития. Споры, которые часто возникают по поводу существования региональной политики, связаны с тем, что зачастую трудно определить осознанную и действенную региональную политику, если различные государственные институты, влияющие на региональное развитие, плохо координируют свою деятельность. Региональная политика может быть активна, институционально обособлена, оснащена специализированными инструментами и т. п., а может быть и малозаметна, слабо выделяться среди других направлений деятельности государства.

Методы исследования. Важным местом в идеологии региональной экономической политики (РЭП) является представление о том, что к главным ее объектам относятся различного рода региональные (пространственные) неравенства, будь то различия в уровнях развития, занятости или доходов населения, а также различные условия предпринимательства и т. д. Поэтому сутью региональной экономической политики является сведение к минимуму неравенств, создающих почву, на которой возникают социальные конфликты, препятствующие социально-экономическому развитию страны в целом. Для того чтобы определить задачи РЭП и средства их решения, необходимо разобраться сначала в причинах основных неравенств (рис.1).

Рис. 1. Основные причины регионального неравенства.

Анализ зарубежного опыта показывает, что ни одна страна не имеет главенствующего государственного органа, занимающегося разработкой и реализацией региональной политики. Эта функция распределяется между несколькими центральными ведомствами. Как правило, она отводится одному-двум ведущим или координирующим органам. Например, в Германии эта функция закреплена за Министерством транспорта, строительства и жилищного хозяйства, в Италии — за Министерством по делам регионов, в Испании — за Генеральным административным советом по планированию, в Нидерландах — Министерством жилищного хозяйства, физического планирования и охраны среды, в Австралии — Комитетом по городам, на который возложены задачи физического планирования.

В США разработкой и реализацией региональной политики занимаются Администрация экономического развития, которая входит в состав Министерства торговли и в основе деятельности которой лежит реализация программ развития отстающих и депрессивных регионов, Управление по разработке политики и административно-бюджетного управления при Президенте страны, Федеральный консультативный совет по экономическому развитию, Комиссия по междуштатной торговле. Значительными полномочиями, связанными с выработкой и осу-

ществлением федеральной региональной политики. За Президентом США в соответствии с законом о сотрудничестве федеральных и местных властей закреплено право устанавливать правила, по которым разрабатываются и рассматриваются федеральные программы и проекты, оказывающие значительное влияние на экономическое развитие тех или иных регионов.

Для высших законодательных органов многих стран характерно наличие специальных комитетов (комиссий) по региональной политике, а там, где функционируют двухпалатные высшие законодательные органы, верхняя палата представляет собой чаще всего Палату регионов. Это подтверждается, например, тем, что в Сенате США каждый штат представлен двумя избранными представителями, в Бундесрате ФРГ каждая федеральная земля представлена 3-6 избранными в зависимости от числа жителей, а во французском парламенте половина парламентариев являются мэрами городов.

Регулирование регионального развития является областью деятельности не только государства, его административных и законодательных органов, но и различного рода консультативных, проектных, экспертных исследовательских организаций.

К примеру, в Германии функционирует Комитет по пространственной организации, который возглавляет в качестве председателя канцлер ФРГ, а членами комитета являются федеральные министры, отвечающие за различные аспекты регионального развития. Выработка согласованных рекомендаций происходит на конференции министров по пространственной ориентации, объединяющей министров федерального и земельного уровня. Консультативный комитет по пространственной организации имеет непосредственный рабочий контакт с ведущими министерствами. Подготовка аналитических отчетов, экспертиз региональных проектов, предложений по региональному развитию производится Агентством по строительству и пространственному планированию, имеющего статус общественного института.

Во Франции координационные функции осуществляет Делегация по обустройству территории и региональному развитию (ДАТАР). Межведомственным комитетом по обустройству и развитию территории (СИАДТ) с учетом предложений ДАТАР принимаются решения, а Национальным комитетом по обустройству территории (КНАДТ) готовятся предложения, связанные с осуществлением региональной политики, которая согласовывается с национальным правительством, органами местного самоуправления и Европейским союзом. Также Национальным комитетом осуществляется подготовка планов регионального развития. Проекты, отобранные вышеуказанными институтами, финансируются Фондом обустройства и развития территории (ФНАДТ) [3,18].

В Италии разработкой и реализацией региональной политики занимаются Министерство по делам регионов, Конференция «Государство — регионы». Конференция «Государство — регионы» собирается два раза в месяц. На ней присутствуют представители всех регионов страны, а при необходимости и представители тех или иных министерств. Право созвать Конференцию закреплено за председателем Совета министров. Он имеет один голос, а регионы, вместе взятые, — также один голос (т. е. по 50 %). Главные задачи, которые ставят Конференции, заключаются в подготовке согласованных предложений к проекту бюджета, а также в государственной поддержке слаборазвитых регионов.

В Испании разработка и реализация региональной экономической политики являются прерогативой Генерального административного совета по планированию, Совета по финансовой политике автономных сообществ, Национальной комиссии по местной администрации. Наряду с ними регулированием определенных аспектов регионального развития занимаются совместные комиссии (ассоциации, конференции) центрального правительства и автономных сообществ.

В США в начале 60-х годов начался быстрый рост организаций, содействующих региональному развитию. Причиной этого было государственное вмешательство в экономику регионов путем принятия на федеральном уровне ряда законов, способствовавших региональному развитию. Названия возникающих организаций были разные: региональное агентство по планированию, совет (комитет) при местных властях, организация развития и т. д., и к 1967 году их количество возросло до 350. Общим для них стало название «Совет». С целью координации их работы была создана Национальная ассоциация региональных советов, конференции которой проходили каждый год. Региональная политика федерального правительства и шта-

тов обосновывается с участием крупных исследовательско-информационных центров [14,15].

В США региональные корпорации осуществляют комплексные мероприятия, функционально занимающиеся стимулированием развития регионов, в первую очередь сооружая и модернизируя объекты инфраструктуры. В частности, примером регионального программирования в США, получившим мировую известность, является государственная корпорация по развитию долины реки Теннесси, расположенная на юго-востоке страны [6]. В Нидерландах с начала 1970-х годов действуют пять государственных инвестиционных компаний, каждая из которых имеет свой ареал деятельности. Например, одной из компаний, участвовавшей в региональном развитии Южного Лимбурга, является LIOF. Она функционирует и сейчас; 91 % ее уставного капитала является долей центрального правительства, провинция Лимбург располагает долей 8 %, муниципалитетам принадлежит доля в 1 %. Региональные инвестиционные компании с такими же функциями имеются в Бельгии, Швеции и многих других европейских странах. О росте солидарности регионов при решении различных вопросов экономической, социальной и культурной жизни свидетельствует создание разного рода координирующих организаций-ассоциаций. К таким организациям, в частности, надо отнести Национальную ассоциацию муниципалитетов (общин) — в Германии, Постоянный совет регионов и Ассоциацию коммун — в Италии, Ассоциацию местных органов власти — в Нидерландах, Ассоциацию советов городов и Ассоциацию муниципалитетов — в Швеции. Главной задачей этих ассоциаций является обмен опытом управления и хозяйствования и отстаивание общих интересов регионов (муниципалитетов) при взаимодействии с центральной властью, которая в большинстве стран официально признает ассоциации как своих деловых партнеров [1,2,3,21].

На рис. 2 представлены ключевые направления, осуществляемые в рамках реализации региональной политики.

Рис 2. Направления региональной политики.

Успешный опыт ведения региональной политики показывают Европейский союз, США и Китай.

Региональная политика ЕС — это важнейший элемент европейской интеграции. Домини-

рующей концепцией в европейском регионализме является «развитие снизу». При этом опорой служит региональная власть и внутренние источники финансирования [10,12].

Региональную политику США можно привести как классический пример стимулирующей политики, которая поощряет самостоятельность развития регионов. Именно такая политика позволила штату Калифорния, ВВП которой сопоставим с крупнейшими мировыми державами, превратиться из удаленного штата «Дикого Запада» в мировой центр высоких технологий. Развитие депрессивных регионов стимулируется финансовой помощью из федерального бюджета или созданием предпринимательских зон с преференциальным режимом. Американским опытом опровергнуто представление о географической периферии. Человеческая энергия способствовала превращению штата на периферии в мировой полюс с созданным информационным интернет-пространством [11,13].

Для региональной политики Китая характерна поэтапность. Провинции Китая включены в международное разделение труда на основе авторитарной государственной власти. В приморских провинциях, в которых наиболее развито промышленное производство, были созданы специальные экономические зоны, являющиеся «локомотивами» открытой экономики.

Исходя из исторического мирового опыта можно утверждать, что наибольшей эффективностью характеризуется региональная политика Китая. Необыкновенная устойчивость китайской цивилизации во многом связана с региональным многообразием культурно-исторических форм.

На рис. 3 представлены инструментарии региональной экономической политики в проблемных (депрессивных) регионах.

Рис 3. Инструментарий региональной экономической политики (в проблемных регионах).

Европейский союз, обладающий значительным консолидированным бюджетом, предпочитает безвозмездные субсидии, тогда как Восточная Европа — преференции. Одновременно органы государственной власти стран Восточной Европы бесконечно декларируют значимость местного самоуправления и в то же время с помощью бюджетной политики делают большую часть регионов дотационными, зависящими от центра [17,18].

В той или иной мере зарубежный опыт регулирования регионального развития находит применение как в рамках федеральной региональной политики, так и непосредственно в регионах. При этом особое внимание уделяется вопросам снижения пространственной неравно-

мерности социально-экономического развития путем эффективного регулирования развития, прежде всего проблемных субъектов Российской Федерации с депрессивной экономикой [7,8,16]. С этих позиций представляются крайне важными инструменты государственной поддержки инвестиционных проектов, предлагаемые недавно созданным Министерством по делам Северного Кавказа:

– прямые субсидии регионам, позволяющие осуществлять инвестиции в развитие инфраструктуры, ориентированной на поддержку реализации проектов в сфере АПК, транспорта, промышленности;

– активизация в реализации приоритетных проектов развития субъектов СКФО специально созданного института «Корпорация развития Северного Кавказа» путем ее докапитализации и последующего участия в качестве акционера проекта со стартовым капиталом для привлечения банковского финансирования за счет обеспечения его конкурентоспособности при помощи субсидирования процентных ставок;

– создание возможностей «Корпорации развития Северного Кавказа» вступать в альянсы с другими институтами развития (Государственная корпорация по развитию малого и среднего бизнеса, Российский фонд прямых инвестиций и др.), что позволит привлечь дополнительные финансовые ресурсы в реализацию инвестиционных проектов на территории СКФО [4,5,9].

Результаты. Регулирование пространственной организации хозяйства становится одной из важнейших функций государства, поскольку развитие региональных социально-экономических систем в современных условиях невозможно осуществлять, основываясь только на механизмах рыночного саморегулирования. Исходя из мирового опыта можно утверждать, что проведение политики государственного невмешательства приводит к региональным проблемам и нарушению целостности национальной экономики и общества.

Выводы. Таким образом, опыт зарубежных стран наглядно демонстрирует необходимость государственного регулирования регионального развития, с помощью которого возможно преодолеть территориальные различия, укрепить целостность и единство российского государства.

Литература

1. Абалкин. Л. И. Труды Вольного экономического общества. — Т. 1, М., 2000. — С. 486.
2. Алиев М. А. Становление и развитие инновационной экономики: опыт США и Японии. Региональные проблемы преобразования экономики. — 2015. — № 6 (56). — С. 52-55.
3. Антропов В. В. Шведский опыт социального обеспечения. Современная Европа. — № 4. — 2006. — С. 79.
4. Арсланов Ш. Д. Современные проблемы определения содержания, факторов и особенностей инвестиционной привлекательности региона / Ш. Д. Арсланов, Региональные проблемы преобразования экономики. — 2013. — № 2 (36). — С. 270-273.
5. Арсланов Ш. Д., Арсланова Х. Д., Ниналалова Л. Г., Гаджиева А. Г. Современная инвестиционная политика проблемного региона как элемент реализации стратегии его долгосрочного социально-экономического развития. Актуальные проблемы развития финансового сектора. Материалы международной научно-практической заочной конференции. Тамбов. — 2015. — С. 5-11.
6. Бачило И. Л. Правовая основа решения региональной проблемы (Опыт освоения ресурсов долины Теннесси). Изв. СО АН СССР, сер. Регион: экономика и социология. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 54-64.
7. Багомедов М. А., Багомедова Х. М. Об объективности развития региона в условиях глобализации. Вопросы структуризации экономики. — 2011. — № 2. — С. 17-22.
8. Багомедов М. А. Причины кризиса мировой и российской экономик и меры выхода. Вопросы структуризации экономики. — 2009. — № 1.
9. Баширова А. А. Инновационная составляющая сбалансированного развития проблемного региона (на примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа) / А. А. Баширова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 11-2. — С. 148-151.
10. Белов В. Б. Макроэкономическое регулирование в Европе. Европа: вчера, сегодня, завтра. Институт Европы РАН. Отв. Ред. академик Н. П. Шмелев. — М., 2006. — С. 170.
11. Бердсолл Н. Усиление неравенства в новой глобальной экономике. — Вопросы экономики. — № 4. — 2006. — С. 84-85.
12. Бусыгина И. М. Концептуальные основы европейского регионализма. Европа: вчера, сегодня, завтра.
13. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада. — М., 2001. — С. 136.
14. Государство и рынок: американская модель. — М., 1999. — С. 67.
15. Гоффе Н. Социальная составляющая экономического развития: региональный аспект. — Мировая экономика и международные отношения. — № 5. — 2006. — С. 53-61.

16. Гудкова А. Г. Направления социально-экономического развития регионов. Апробация. — 2014. — № 8. — С. 118.
17. Дорогов В., Скопин А. Оценка эффективности региональной политики Евросоюза: теоретические подходы. Модернизация экономики и выращивание институтов, кн. 2. Ответ. Ред. Е. Ясин. — М., 2005.
18. Тейлор С. Планирование и программно-целевой подход в региональном экономическом развитии. Европейский опыт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ieie.nsc.ru/~tacis/rtaylorper2.htm>, свободный. — Загл. с экрана.
19. Сагидов Ю. Н. Факторы торможения экономического созидания: видение из региона // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2011. — № 43. — С. 128-133.
20. Allen J. Scott. *Economic geography: the great half-century* // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. P. 483-504.
21. *Federal Trust and Other Earmarked Funds/ United States General Accounting Office. January 2001. P. 12.*
22. UNECE. *Economic Survey of Europe*. 2001. No. 2. P.80.

References:

1. A. Bashirova A. A. *An innovative component of a balanced development of the problem in the region (on the example of the North Caucasus Federal District) / AA Bashirov // humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2014. No. 11-2. P. 148-151.
2. Abalkin. L. I. *Proceedings of the Free Economic Society*. T.IU. M. 2000. P. 486.
3. Aliyev M. A. *Formation and development of innovative economy: experience of the USA and Japan. Regional problems of economic transformation*. 2015. No. 6 (56). P. 52-55.
4. Allen J. Scott. *Economic geography: the great half-century* // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. Vol. 24. P. 483-504.
5. Antropov V. V. *Experience of social security. Modern Europe*. No. 4. 2006. P. 79.
6. Arslanov Sh. D. *Current problems in the determination of, the factors and characteristics of the investment attractiveness of the region / Sh. D. Arslanov. Regional problems of economic transformation*. 2013. No. 2 (36). P. 270-273.
7. Arslanov Sh. D., Arslanova H. D., Ninalalova. L. G., Hajiyevev A. G. *Modern investment policy problem in the region, as part of the implementation of its long-term strategy of socio-economic development. Actual problems of development of the financial sector. Proceedings of the international scientific-practical conference correspondence*. Tambov. 2015. P. 5-11.
8. Bachilo I. L. *The legal basis for the solution of regional problems (experience of development of resources of the Tennessee Valley)*. *Math. AN SSSR, Ser. Region: Economics and Sociology*. M., 1990. Vol. 1. P. 54-64.
9. Bagomedov M. A, Bagomedova H. M. *About objective development of the region in the context of globalization. Questions structuring of the economy*. 2011. No. 2. P. 17-22.
10. Bagomedov M. A. *Causes of the crisis of world and Russian economies and output measures. Questions structuring of the economy*. 2009. No. 1.
11. Belov V. B. *Macroeconomic regulation in Europe. Europe: yesterday, today and tomorrow*. Institute of Europe RAS. Ans. Ed. Academician N. P. Shmelev. M. 2006. P. 170.
12. Birdsall N. *Increasing inequality in the new global economy. Problems of Economics*. No. 4. 2006. P. 84-85.
13. Busygina I. M. *Conceptual bases of European regionalism. Europe: yesterday, today and tomorrow*.
14. Dorogov V., Skopin A. *Evaluating the effectiveness of EU regional policy: theoretical approaches. Modernization of Economy and Nurturing of Institutions*. Vol. 2. Answer. Ed. E. Yasin. M. 2005.
15. *Federal Trust and Other Earmarked Funds/ United States General Accounting Office. January 2001. P. 12.*
16. Goffe. N. *The social component of economic development: a regional perspective*. - *World Economy and International Relations*. No. 5. 2006. P. 53-61.
17. Gudkov A. G. *Areas of socio-economic development of regions. Testing*. 2014. No. 8. P. 118.
18. Sagidov Y. N. *Braking factors of economic creativity: a vision of the region // Herald of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 43. P. 128-133.
19. Taylor S. *Planning and target-oriented approach to regional economic development. European experience [An electronic resource]*. Access mode: <http://ieie.nsc.ru/~tacis/rtaylorper2.htm>, free. Heading from the screen.
20. *The state and market: the American model*. M. 1999. P. 67.
21. UNECE. *Economic Survey of Europe*. 2001. No. 2. P. 80.
22. Vasilenko I. A. *Administration and Public Administration in the West*. M. 2001. P. 136.

ДЕНЕВИЗЮК ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
к.э.н., ученый секретарь ФГБУН «Институт
социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,
e-mail: deneviz@yandex.ru

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРОБЛЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ¹

Аннотация. *Цель* представленного исследования заключается в обосновании теоретико-методологических подходов к определению и рассмотрению отдельных вопросов применения программно-целевого метода как инструмента управления социально-экономическим развитием проблемных территорий. **Метод.** Методологической основой исследования выступили положения фундаментальных и прикладных работ отечественных и зарубежных специалистов в области региональной экономики, управления социально-экономическими системами и регионального планирования. Обоснование теоретических положений и разработка практических рекомендаций осуществлялись на основе общенаучных подходов с применением методов теоретического обобщения, анализа и синтеза индукции и дедукции. **Результаты.** Обоснована целесообразность использования программно-целевых методов в практике управления социально-экономическим развитием проблемных территорий. Обобщены теоретические подходы и дана авторская трактовка к определению программно-целевого управления. Представлен алгоритм программно-целевого планирования. Выявлены преимущества и недостатки применения программно-целевого метода в управлении региональными социально-экономическими системами, что позволило определить круг проблем, проявляющихся при разработке и реализации региональных программ развития. Предложены направления по совершенствованию использования программно-целевого метода управления территориальным развитием. **Область применения.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы в качестве инструментария планирования, разработки стратегий и целевых программ социально-экономического развития территорий. **Вывод.** Использование программно-целевого метода в целях устойчивого социально-экономического развития проблемных территорий является важным организационно-экономическим механизмом управления, направленным на решение приоритетных системообразующих и капиталоемких проблем, требующих больших объемов материальных, информационных и других ресурсов, и затрат труда.

Ключевые слова: программно-целевой метод, проблемные территории, управление, механизм, планирование.

DENEVIZYUK DMITRIY ALEKSANDROVICH
PhD, scientific Secretary of FSBIS "Institute
socio-economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences",
e-mail: deneviz@yandex.ru

THE RESULT ORIENTED METHOD IN THE MANAGEMENT OF THE SOCIAL- ECONOMIC DEVELOPMENT OF PROBLEM TERRITORIES

Abstract. *The goal* of the present study is in substantiating the theoretical-methodological approaches to defining and discussing separate issues of application of the result oriented method as an instrument of management of the social-economic development of problem territories. **The method.** The methodological foundation of the study are the provisions of the fundamental and applied papers of domestic and foreign specialists in the area of the regional economy, management of social-economic systems and regional planning. The substantiation of theoretical provisions and development of practical recommendations were performed based on general scientific approaches using the methods of theoretical generalization, analysis and synthesis of induction and deduction. **The results.** The practicability of using the result oriented methods in the practice

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-02-00093а.

*of management of the social-economic development of problem territories has been substantiated. The theoretical approaches have been summarized, and an original interpretation has been given to the definition of the result oriented management. An algorithm of the result oriented planning has been presented. Advantages and disadvantages of applying the result oriented method in the management of regional social-economic systems have been found which permitted to determine a set of problems that manifest themselves when developing and implementing regional programs of development. Areas of focus are suggested to perfect the use of the result-oriented method of management of the territorial development. **The area of application.** The results of the study performed may be used as a tool for planning, developing strategies and special programs of the social-economic development of territories. **The conclusion.** Using the result oriented method in order to achieve sustainable social-economic development of problem territories is an important organizational-economic mechanism of management directed towards solving priority system-forming and capital-intensive problems that require large volumes of financial, informational and other resources, as well as labor costs.*

Keywords: *the result-oriented method, problem territories, management, a mechanism, planning.*

Введение. В современных условиях функционирования системы экономических отношений в Российской Федерации, характеризующихся глобализацией, существенными изменениями в системе разделения труда, усиливающейся ролью регионов и их конкурентной борьбой, на первое место выступает разработка и обоснование механизмов перехода к устойчивому, сбалансированному развитию регионов и отдельных территорий страны.

Социально-экономическое пространство РФ отличается неоднородностью развития и межрегиональной дифференциацией. Фундаментальная проблема развития экономики состоит в том, что шансы на устойчивую позитивную динамику имеют только системно развиваемые экономические объекты. Поэтому основной целью социально-экономической политики на всех уровнях должно стать создание многоуровневой, многоаспектной и многосубъектной системы согласованного и преемственного национального экономического развития [10]. Формирование положительных условий для регулирования и развития региональной экономики должно быть соотнесено с условиями снижения межрегиональных диспропорций, устранением проблем социально-экономического развития страны в целом. При этом весьма важным является сбалансирование механизмов, факторов, принципов и отношений для реализации экономических и социальных приоритетов развития проблемных регионов [13].

Проблемные территориальные образования не могут рассчитывать на саморазрешение депрессивной ситуации и нуждаются в специально организуемой поддержке [11]. Проблемные территории не в состоянии реализовать свой потенциал, а также решить свои экономические и социальные проблемы без поддержки со стороны государства. В современных условиях активное воздействие государства на решение проблем регионального развития и вывода их из сложного социально-экономического положения, посредством использования эффективных экономических механизмов, позволит создать адекватную рыночной экономике систему государственного регулирования.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что решение широкого круга проблем социально-экономического развития территории связано с использованием программно-целевых методов управления. Соответственно, сохраняется необходимость в изучении и разработке новых подходов к использованию программно-целевых методов управления в современных условиях хозяйствования.

Накопленный в этой области опыт относится в основном либо к планово-централизованной экономике России, либо к зарубежной рыночной экономике. В 1960–1980 гг. именно в России сложились научные школы, создавшие методологию разработки и развития региональных программ и территориально-производственных комплексов.

Методы исследования. Теоретическим основам развития проблемных регионов и программно-целевого управления социально-экономическими процессами посвящено значительное количество научных трудов [2–4, 6–8, 14–16, 19, 20, 22, 23].

По мнению М.Ю. Кривошеевой и соавторов, программно-целевой метод — это способ выделения основополагающих целей и задач государственного, экономического, социального,

экологического, культурного, территориального развития, разработки взаимосогласованных мероприятий по их реализации в установленные сроки [12]. И.Е. Рисин и Е.А. Шаталова считают, что использование программно-целевого метода включает выявление видения желаемого будущего социально-экономической системы, выбор целей и направлений её развития, определение стратегии, обеспечивающей конкурентоспособность территории как места для жизни, хозяйственной деятельности и временного пребывания, а также конкурентоспособность отдельных сегментов экономики и социальной сферы [18]. По мнению Б.А. Райзберга, программно-целевой метод планирования — это способ решения крупных и сложных проблем посредством выработки и проведения системы программных мер, ориентированных на решение возникших проблем [17]. Ахмедуев А.Ш. и соавторы считают, что сущность программно-целевого метода заключается в том, что он позволяет построить цельную систему управления исходя из конкретной цели и конечных хозяйственных результатов, формировать для решения каждой экономической, производственной, научно-технической и т. д. проблемы комплексную целевую программу [5].

Ряд авторов рассматривают природу программно-целевого управления с помощью идентификации методологического подхода, который реализуется при реализации такого управления. Одна из наиболее известных трактовок программно-целевой методологии принадлежит группе болгарских ученых, в соответствии с мнением которых она основывается на применении целевого, программного, системного и комплексного подходов. В работе этих исследователей необходимость целевого подхода согласовывается с усилением значения целевой стадии, программного — с появлением особенных проблем межотраслевого и межрегионального плана, системного и комплексного — с обеспечением организационной полноты и целостности в условиях действия факторов различного уровня и природы (экономических, социальных, организационных) [21].

В иностранной литературе, в частности американской, применяется ряд терминов, которые обозначают программно-целевое управление: *system management*, *weapon system management*, *project management*. В этой связи Ф. Каст отмечал, что, хотя имеются обусловленные различия между этими терминами и их значениями, относятся они к одному общему явлению — интегрированному управлению определённой программой на системной основе [27].

Результаты. Учитывая изложенное, программно-целевое планирование можно определить как управление на системной основе, ориентирующееся на достижение конкретного конечного результата в решении определенной проблемы, в развитии той или иной сферы или территории, в заранее установленные сроки с применением мер политического, нормативно-правового, финансового, экономического, социального, экологического, производственного, исследовательского, информационного и иного характера, выстроенных в определённой последовательности и согласованных по ресурсам и исполнителям.

Использование программно-целевого метода в управлении развитием проблемных территорий обусловлено следующими обстоятельствами:

— необходимостью сокращения структурных диспропорций в экономике и неблагоприятных тенденций развития социально-экономической сферы;

— совокупностью социально-экономических, природно-экологических и научно-технических проблем, нуждающихся в межрегиональной и межотраслевой координации программных мероприятий;

— невозможностью достижения требуемых целей развития на базе сложившихся взаимосвязей между уровнями управления, субъектами хозяйствования и т. д.;

— потребностью в скоординированном использовании материальных и финансовых ресурсов различной территориальной, отраслевой ведомственной и иной принадлежности [24].

Программно-целевой метод планирования реализуется с помощью целевых комплексных программ, разрабатываемых в процессе планирования.

Программно-целевое управление выстраивается по следующей схеме — «проблема – цели – пути – способы и средства – результат». На начальном этапе намечаются цели, которые планируется достичь, далее определяются пути их реализации, а затем — более конкретизированные способы и средства. Процедуру формирования программы можно представить в виде алгоритма (рис. 1), основанного на следующих принципах:

- целевая направленность и системность мероприятий программы;
- комплексность и синхронность целей и задач на всех стадиях выполнения программы;
- вариативность разработанных мероприятий программы с учётом неопределённости условий её реализации;
- ресурсная обеспеченность программы;
- обеспечение управляемости программы на основе правовых, организационных, финансовых механизмов.

Главное в программно-целевом методе — это органичная целостность чётко структурированного основного содержания программы с разработкой и применением организационного и финансового механизмов реализации и контролем исполнения (последнее одновременно представляет собой элемент активно функционирующей обратной связи). Данный подход направлен не на субъект управления и его составные части и сформировавшуюся организационную структуру, а на составляющие программы и программные действия [24].

Исследование практики использования программно-целевого метода в управлении территориальными образованиями позволило выявить сложности в его реализации, вызываемые рядом причин.

Во-первых, возникает необходимость учёта и увязки интересов государства в целом и его территорий, субъектов хозяйства и граждан, в то время как ранее приоритет отдавался общегосударственным интересам.

Во-вторых, мало доказать потребность в тех или иных видах продукции или услуг и выявить формальный срок окупаемости капиталовложений. Важно учесть конъюнктуру рынков товаров и услуг, инвестиций, фондового рынка и т. п., оценить конкурентные преимущества продукции, предполагаемой к производству, сформировать систему мероприятий, реализация, которых позволит повысить эффективность функционирования секторов экономики [9].

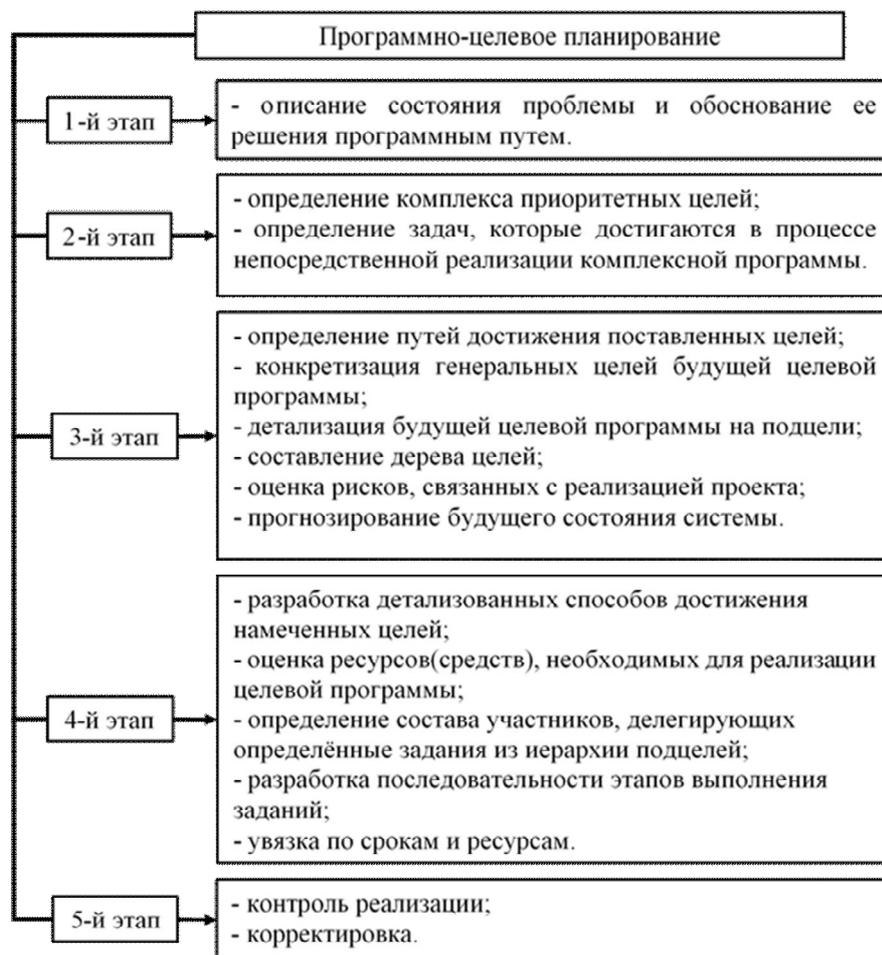

Рис. 1. Алгоритм программно-целевого планирования

Программно-целевой метод имеет принципиальные особенности, которые определяют его преимущества, а также недостатки (рис. 2)

Рис. 2. Преимущества и недостатки программно-целевого метода

Опыт применения программно-целевого метода в управлении региональными социально-экономическими системами позволил определить круг проблем, проявляющихся при разработке и реализации региональных программ развития:

- формальное использование таких методов, как системный подход, ситуационный анализ, сетевые модели и др.
- недостаточное аналитическое обследование состояния экономики территории, ведущее к нечёткости при формулировании проблем и приоритетов;
- слабая увязка между собой целей, задач и программных мероприятий;
- использование декларативных положений, определение нереальных задач;
- недофинансирование мероприятий программ в связи с отсутствием реальных источников финансового обеспечения ключевых мероприятий программ или неудовлетворительной работой каналов финансирования;
- неэффективность управления и слабый контроль выполнения программных мероприятий;
- недостаточность привлечения к разработке программ научной общественности.

В качестве основных мер, направленных на совершенствование использования программно-целевого метода управления территориальным развитием, можно выделить следующие:

1. Распределение целей и задач в программах по уровню значимости и последовательности осуществления, согласование с макроэкономическими показателями развития экономики и социальной сферы территории.
2. Улучшение научной проработанности программ, научная экспертиза, учёт в объёме расходов на формирование программы вознаграждения консультаций научно-исследовательских и проектных институтов, коллективов учёных;
3. Сосредоточение средств на системном решении проблем развития социально-

экономической сферы территории.

4. Использование в программах инновационной составляющей.

5. Уход от практики недостаточного финансирования целевых программ.

6. Исключение программных мероприятий, не обеспеченных финансовыми средствами, или приведение в соответствие с бюджетными возможностями.

7. Формирование эффективной системы мониторинга в процессе реализации целевой программы.

Выводы. Использование программно-целевого метода в целях устойчивого социально-экономического развития служит важным организационно-экономическим механизмом управления, направленным на решение приоритетных системообразующих и капиталоемких проблем, требующих больших объемов материальных, информационных и других ресурсов, и затрат труда, осуществляемых при участии многих предприятий и организаций различных отраслей и ведомств. Программы удобны для учёта и контроля хода работ и использования ресурсов и позволяют организовать чёткое взаимодействие участников их разработки и реализации. В то же время программно-целевое управление — один из наиболее сложных методов управления. Это связано с тем, что управляемые объекты, как правило, относятся к разным отраслям народного хозяйства, не соподчинены между собой, имеют разные собственные цели функционирования и развития, различаются по уровню экономического развития, технической оснащённости и обеспеченности материальными и финансовыми ресурсами. Соответственно, успех реализации программы зависит от множества промежуточных результатов. Поэтому при использовании программ в управлении экономическими и социальными процессами требуется большая организационная работа во время всего их жизненного цикла и усиление контроля. Таким образом, при использовании программно-целевого метода в управлении экономикой и социальным развитием, решающим становится организационный фактор.

Литература

1. Абдулаев, Ш.-С. О., Садыкова, А. М. Инновационное развитие субъектов РФ как основа формирования производительных сил // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 51–53.
2. Абдулаев, Ш.-С. О., Садыкова А.М. О региональной экономической политике // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 4. С. 25–29.
3. Амадиева, Н. А. Совершенствование экономических основ и принципов социального развития региона // *Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы социально-трудовых отношений», посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета*. — Махачкала, 2016. С. 53–55.
4. Ахмедов, А. Ш., Абдуллаева, З. З. Стратегическое планирование как основа устойчивого и безопасного развития регионов Северо-Кавказского федерального округа // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2011. № 2. С. 106–120.
5. Ахмедов, А. Ш., Сагидов, Ю. Н., Цапиева, О. К. Проблемы экономических трансформаций в Дагестане. — Махачкала : Юпитер, 2003.
6. Багомедов, М. А. Формирование социально-экономической политики в проблемных регионах в условиях модернизации общественных отношений // *Вопросы структуризации экономики*. 2014. № 1. С. 184–188.
7. Баширова, А. А. Формирование стратегии регионального развития с позиций эколого-экономической сбалансированности // *Экономика и управление*. 2010. № 11. С. 88.
8. Дохолян, С. В., Петросянц, В. З., Садыкова, А. М. Социально-экономическая политика региона : теоретико-методологический подход // *Апробация*. 2014. № 9. С. 24–36.
9. Идзиев, Г. И. Применение программно-целевого метода при реализации стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 3. С. 46–52.
10. Клейнер, Г. Б. Аксиоматика академика Львова // *Вестник Финансовой академии*. 2010. № 4. С. 33–43.
11. Косова, Е. Г., Элиханова, З. В., Гаева, М. А. Депрессивные регионы : проблемы их развития // *Новые технологии*. 2013. № 1. С. 109–112.
12. Кривошеева, М. Ю., Кривошеев, Ю. И., Рогачева, Н. И. Особенности применения программно-целевых методов управления для целей регионального развития // *Регион : системы, экономика, управление*. 2008. № 2. С. 115–121.
13. Кутаева, Р. А. Проблемы и направления социально-экономического развития регионов СКФО // *Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]*. 2015. № 2. — URL : www.science-education.ru/122-20245.
14. Магомедов, И. Ш., Магомедова, Н. А. Теоретические основы формирования социально-экономических предпосылок устойчивого развития региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 2. С. 19–26.

15. Мазанова, М. Б. Программно-целевой метод управления социально-экономическим развитием регионов // *Вестник РАЕН*. 2013. № 7. С. 37–41.
16. Петросянц, В. З. Стратегическое регулирование развития проблемных регионов в составе Северо-Кавказского федерального округа // *Региональная экономика : теория и практика*. 2014. № 2. С. 2–11.
17. Райзберг, Б. А. Системный подход в перспективном планировании. М. : Экономика, 2006.
18. Рисин, И. Е., Шаталова, Е. А. Стратегическое планирование социально-экономического развития городов : зарубежный и российский опыт // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Экономика и управление»*. 2007. № 2. С. 25–32.
19. Сагидов, Ю. Н. «Уход государства из экономики» — методологический посыл для коллизии в основах преобразований в России // *Национальные интересы : приоритеты и безопасность*. 2013. № 9. С. 12–18.
20. Сагидов, Ю. Н. Факторы торможения экономического созидания : видение из региона // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2011. № 43. С. 128–133.
21. Стефанов, Н. Программно-целевой подход в управлении : Теория и практика. — М. : Прогресс, 2005.
22. Цапиева, О. К., Абдуллаева, З. З., Казибекова, Н. А. Приоритеты социальной государственной политики региона в условиях перехода к устойчивому развитию // *Вопросы структуризации экономики*. 2008. № 2. С. 188–194.
23. Цапиева, О. К., Лаварсланова, З. М. Экономическая политика устойчивого развития региона. — Махачкала : Наука ДНЦ, 2009.
24. Шедько, Ю. Н. Программно-целевой метод как инструмент повышения эффективности территориальных социоэкономических систем // *Региональная экономика : теория и практика*. 2010. № 44 (179). С. 24–30.
25. Bryson, I., Roering, W. *Applying private sector planning in the public sector : Strategic planning : threats and opportunities for planners.* — Washington, DS : Planning Press (APA), 1988. P. 15.
26. Hoefslot, A. M., Berg, L. M. *Successful examples of participatory regional planning at the meso-level.* — Wageningen, 1992.
27. Kast, F. E. *Organization and Management (a systems approach)* / F. E. Kast, J. Rosenzweig. — New York, 1970.

References:

1. Abdullaev, S.-S. O., Sadykova, A. M. Innovative development of subjects of the Russian Federation as the basis of formation of productive forces // *The Issues of economy structuring*. 2013. No. 4. P. 51–53.
2. Abdullaev, S.-S. O., Sadykova, A. M. On regional economic policy // *Regional problems of transformation of the economy*. 2008. No. 4. P. 25–29.
3. Amadzieva, N.A. Improving the economic foundations and principles of social development of the region // *Materials of VI all-Russian scientific-practical conference with international participation "Actual problems of socio-labor relations," dedicated to the 85th anniversary of the Dagestan state University.* — Makhachkala, 2016. P. 53–55.
4. Akhmeduev, A. Sh., Abdullayeva, Z. Z. Strategic planning as the basis for sustainable and safe development of the regions of the North Caucasus Federal district // *Bulletin Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 2. P. 106–120.
5. Akhmeduev, A. S., Sagidov, Yu. N., Tsapieva O. K. Problems of economic transformation in Dagestan. — Makhachkala, 2003.
6. Bagomedov, M. A. Formation of socio-economic policies in troubled regions in terms of modernization of social relations // *The Issues of economy structuring*. 2014. No. 1. P. 184–188.
7. Bashirova, A. A. Formation of strategy of regional development from the standpoint of environmental and economic balance // *Economy and management*. 2010. No. 11. P. 88.
8. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. Socio-economic policy of the region : theoretical and methodological approach // *Testing*. 2014. No. 9. P. 24–36.
9. Idziev, G. I. Application of program-target method during the implementation of the strategy of socio-economic development of the Republic of Dagestan // *Regional problems of transformation of the economy*. 2008. No. 3. P. 46–52.
10. Kleyner, G. B. Axiomatic academician Lvov // *Bulletin of Financial Academy*. 2010. No. 4. P. 33–43.
11. Kosova, E. G., Elihanova, Z. V., Gaeva, M. A. Depressed regions : problems of development // *New technologies*. 2013. No. 1. P. 109–112.
12. Krivosheeva, M. Yu., Krivosheev, Yu. I., Rogacheva, N. I. Features of application of program-target methods of management for the purposes of regional development // *Region : systems, economics, management*. 2008. No. 2. P. 115–121.
13. Kuitaeva, R. A. Problems and directions of socio-economic development of regions of North Caucasus Federal district // *Modern problems of science and education [Electronic resource]*. 2015. No. 2. — URL : www.science-education.ru/122-20245.
14. Magomedov, I. S., Magomedova, N. A. Theoretical bases of formation of socio-economic prerequisites for sustainable development of the region // *Regional problems of transformation of the economy*. 2008. No. 2. P. 19–26.
15. Mазанова, М. Б. Program-target method of management of socio - economic development of regions // *Bulletin of the Academy of natural Sciences*. 2013. No. 7. P. 37–41.
16. Petrosyants, V. Z. Strategic regulation of development of problem regions in the North Caucasus Federal district // *Regional economy : theory and practice*. 2014. No. 2. P. 2–11.
17. Raizberg, B. A. *Systematic approach to forward planning.* — М. : Economy, 2006.

18. Risin, I. E., Shatalova, E. A. *Strategic planning of socio-economic development : foreign and Russian experience // Bulletin of Voronezh state University. Series Economy and management.* 2007. No. 2. P. 25–32.
19. Sagidov, Yu. N. *The withdrawal of the state from the economy"methodological promise for conflict in the foundations of reforms in Russia // National interests : priorities and security.* 2013. No. 9. P.12–18.
20. Sagidov, Yu. N. *Factors inhibiting economic creativity : a vision of the region // Bulletin of the Dagestan scientific center; Russian Academy of Sciences.* 2011. No. 43. P. 128–133.
21. Stefanov, N. *Program and target approach in management : theory and practice.* — M. : Progress, 2005.
22. Tsapieva, O. K., Abdullaeva, Z. Z., Kazibekova, N. A. *The priorities of state social policy of the region in conditions of transition to sustainable development // Issues of economy structuring.* 2008. No. 2. P. 188–194.
23. Tsapieva, O. K., Lavarslanova, Z. M. *Economic policies for sustainable development of the region.* — Makhachkala, 2009.
24. Shedyco, Yu. N. *Program-target method as tool of increase of efficiency of territorial socioeconomic systems // Regional economy : theory and practice.* 2010. No. 44 (179). P. 24–30.
25. Bryson, I., Roering, W. *Applying private sector planning in the public sector : Strategic planning : threats and opportunities for planners.* — Washington, DS : Planning Press (APA), 1988. P.15.
26. Hoefsloot, A. M., Berg, L.M. *Successful examples of participatory regional planning at the meso-level.* — Wageningen, 1992.
27. Kast, F. E. *Organization and Management (a systems approach) / F. E. Kast, J. Rosenzweig.* — New York, 1970.

КАРПЕНКО ЕЛЕНА ЗУГУМОВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика труда и управления персоналом» ФГБОУ ВПО
«Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: elena-2167@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ НОВОГО ТИПА

Аннотация. Предмет и цель работы. Цель работы — определение влияния университетов нового типа на формирование и развитие человеческого капитала. Предмет исследования — отношения, определяющие формирование и развитие человеческого капитала в период изменений в высшем образовании, проявляющихся в становлении новых форм образовательных учреждений. **Метод и методология проведения работы.** Системный анализ проблем трансформации, происходящих в российском высшем образовании, обусловленных потребностями экономики, основанной на знаниях, привели к возникновению университетов нового для России типа. **Результаты работы.** В результате проведенного исследования выявлено, что формирование и развитие человеческого капитала в университетах нового типа должно осуществляться на основе компетентного подхода к образовательному процессу. Гармоничное развитие общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся, создающих общий и специфический человеческий капитал, способствует решению стратегической задачи формирования у граждан компетенций, необходимых для инновационной деятельности. **Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть использованы при разработке: образовательной, управленческой, научной и предпринимательской политики образовательных учреждений высшего образования, моделей формирования и развития человеческого капитала. **Выводы.** Появление университетов нового типа является отражением потребностей общества. Реализация новых для университетов функций — процесс закономерный. При этом нельзя забывать, что важнейшей функцией университета любого типа должна оставаться образовательная функция. Недостаточное внимание к ее реализации может нанести непоправимый вред отечественному человеческому капиталу, ухудшив его качество не только в текущем периоде, но и на длительную перспективу. **Ключевые слова:** человеческий капитал, университет нового типа, предпринимательская деятельность.

KARPENKO ELENA ZUGUMOVNA

Ph. D., associate Professor of Department "labour Economics and personnel management" FSBEI of
HPE "Russian economic University. G. V. Plekhanova",
e-mail: elena-2167@mail.ru

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL: THE ROLE OF UNIVERSITIES OF A NEW TYPE

Abstract. The subject and the goal of the paper. The goal of the paper is determining the impact of Universities of the new type on the formation and development of human capital. The subject of the study are the relations that determine the formation and development of the human capital in the period of changes in the higher education that manifest themselves in the establishment of new forms of educational institutions. **The method and methodology of performing the work.** A systematic analysis of problems of transformation that is happening in the Russian higher education due to the needs of the economy based on knowledge led to the appearance of Universities of the new type for Russia. **The results of the work.** As a result of the study performed it has been determined that the formation and development of the human capital in Universities of the new type should be performed on a competency-based approach to the educational process. A harmonious development of general cultural and professional competencies of students creating the common and specific human capital promotes solving the strategic task of forming

competencies for citizens that are necessary for the innovative activity. **The area of application of the results.** The results acquired may be used when developing an educational, managerial, scientific and entrepreneurial policy of educational institutions of the higher education; models of formation and development of the human capital. **The conclusions.** The appearance of Universities of the new type is a reflection of the needs of the society. The implementation of the new functions for Universities is a process that is expected to be taking place. At the same time, it should not be forgotten that the most important function of Universities of any type should be the educational function. Insufficient attention to its implementation may cause an irreparable damage to domestic human capital that would have deteriorated its quality not only in the current period, but also for the long-term perspective.

Keywords: Human capital, the University of the new type, entrepreneurial activity

Введение. Знания, экономическая ценность которых в настоящее время превосходит все финансовые активы, определяют направленность общественных трансформаций. Ежегодный оборот наукоемкой продукции на мировом рынке значительно превышает оборот сырья, промышленный капитал уступает первенство капиталу человеческому, который, по оценкам Всемирного банка, составляет более 75 % национального богатства стран Западной Европы и Северной Америки [6, с. 11]. Если раньше в центре внимания экономической науки и практики находились проблемы наиболее эффективного использования имеющегося потенциала человека, то теперь, с признанием человеческого капитала основой развития современных социально-экономических систем, повышается внимание к вопросам его формирования. Решающим инструментом, обеспечивающим приобретение и накопление знаний, умений и навыков, составляющих основу человеческого капитала, является образование. Отмечая особую роль образования в формировании человеческого капитала, Г. Беккер писал: «Экономический рост был исторически связан с расширением системы образования. Он в одно и то же время обеспечивал премию за приобретенные в ходе обучения качества и давал необходимые средства, чтобы оплатить приобретение этих качеств» [15, с. 37].

Методы исследования. За последние десятилетия российская система образования значительно трансформировалась. Переход страны на инновационный социально ориентированный путь развития невозможен без формирования у граждан компетенций, необходимых для инновационной деятельности:

- способность и готовность к непрерывному образованию и постоянному совершенствованию, стремление к новому;
- способность и готовность к профессиональной мобильности;
- способность к критическому мышлению;
- готовность к риску;
- креативность и предприимчивость;
- умение работать самостоятельно и в команде;
- владение иностранными языками на бытовом и профессиональном уровнях [2; с.57].

Решение этой задачи невыполнимо без глубоких изменений в высшем профессиональном образовании. Воспроизводство инновационных знаний требует поиска перспективных форм высших учебных заведений, способных обеспечить процесс образования; проведение научных исследований; генерацию бизнес-идей, решающих практические проблемы, сближаясь с реальной экономикой.

Новыми для российской системы образования являются:

- федеральные университеты, создаваемые в «целях обеспечения подготовки кадров для комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации» [1, с. 27], которые наряду с образовательной функцией решают геополитические задачи;
- национальные исследовательские университеты, получающие такой статус на конкурсной основе и предназначенные готовить кадры, способные развивать приоритетные научно-технические направления, отраслевые экономики, социальную сферу, внедрять в производство высокие технологии [1, с. 28];
- предпринимательские университеты, статус которых пока не закреплён законодательно,

что вызывает определенные споры по поводу содержания и характера их деятельности.

Парадоксальным является то, что, несмотря на законодательную неопределенность в отношении университетов предпринимательского типа, в сентябре 2011 года образована Ассоциация предпринимательских университетов России (Association of Entrepreneurial Universities of Russia), участниками которой на тот момент стали ведущие технические вузы страны. Позднее ассоциация расширилась, к ней присоединились новые вузы, например, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Были проведены конференции предпринимательских университетов России. Но создание ассоциации не продвинуло решение проблем, связанных с отсутствием нормативной базы, определяющей статус, роль, характер деятельности. Не решены и другие задачи, существующие сегодня в отношении университетов предпринимательского типа.

Неоднозначность подходов к определению университетов предпринимательского типа, признаваемых наиболее перспективными в условиях инновационной экономики, характерна и для мирового сообщества в целом.

По мнению Дж. Ропке, например, предпринимательский университет включает в себя такие положения [18, с. 37]:

- позиционирование себя как предпринимательской организации;
- студенты, преподаватели и другие работники университета должны быть предпринимателями;
- результатом взаимодействия университета и окружающей среды должен быть переход к качественно новому состоянию как университета, так и региона.

Трансформация университета в университет предпринимательского типа, считает Б. Кларк, предполагает:

- усиление направляющего ядра (a strengthened steering core);
- расширение периферии развития (an enhanced development periphery);
- диверсификацию базы финансирования (a discretionary funding base);
- стимулирование академического оплота (Stimulated academic heartland);
- формирование предпринимательской культуры (an integrated entrepreneurial culture) [9, с. 21–22].

Определяя концепцию предпринимательского университета, Г. Н. Константинов и С. Р. Филонович утверждают, что такой университет должен сосредотачивать усилия на трех ключевых для него сферах деятельности: генерация знаний, преподавание, внедрение знаний в практику. В каждой из этих сфер деятельности университету предстоит преодолевать ограничения [10, с. 54]:

- непрерывно работая над созданием новых исследовательских методов и изучением новых областей знания или новых проблем в уже известных областях (генерация знаний);
- развивая инновационные методы обучения и преобразуя содержание обучения посредством новейших достижений науки и практики (преподавание);
- выстраивая и развивая взаимодействия с внешней средой (внедрения знаний в практику).

Предпринимательские университеты, по нашему мнению, являясь революционными по своей сути, расширяют ключевой процесс, выполняя принципиально новую для сферы образования функцию — предпринимательскую. Они помогают преодолеть разрыв в инновационном процессе между созданием нового продукта или процесса и его коммерциализацией. В результате основными видами деятельности университета становятся:

- образовательная (учебная, учебно-методическая, административная, организационная);
- научно-исследовательская;
- предпринимательская.

Если образовательная и научно-исследовательская функции (реализуемые в рамках названных видов деятельности) являются обычными для традиционного классического университета, то предпринимательская — не просто новая, а не всегда выполняемая функция. Важно понимание того, что не все университеты должны и могут иметь предпринимательский характер. Всеобщее стремление к коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности может привести к потере российским образованием основного преимущества — фундамен-

тальной подготовки в высшей школе, позволяющей обучающимся приобрести глубокие знания и затем, оказавшись в роли молодого специалиста, легко адаптироваться к новой производственной среде. О качестве отечественного образования говорят, например, высокие показатели цитирования ученых, получивших образование в России в классических университетах и работающих в других странах [12, с. 28]. Кроме того, стремление к коммерциализации может навредить и развитию вузовской науки, если работа научных коллективов будет строиться «под заказ», исключая возможность творческого поиска, результаты которого непредсказуемы, часто непригодны к коммерческому использованию, но чрезвычайно важны для дальнейшего развития науки. Формирование университетов предпринимательского типа должно способствовать увеличению и качественному совершенствованию человеческого капитала, необходимого для развития инновационной экономики, а не разрушать фундамент отечественной системы образования.

Примером разумного сочетания университетов, выполняющих преимущественно образовательную, научную или предпринимательскую функции, может служить кластер Кремниевой долины в США. Основная функция государственного университета в Сан-Франциско — образовательная. Научную функцию наряду с образовательной выполняют многочисленные узкоспециализированные колледжи. Драйвером инновационного развития выступает предпринимательский университет Стэнфорд, регулярно входящий в Топ-10 лучших вузов мира.

Следует отметить, что предпринимательские университеты, функционирующие в разных странах, имеют существенные отличия. Для американских университетов характерна ориентация на активную коммерциализацию результатов деятельности.

Многие европейские университеты считают себя предпринимательскими на основании того, что обучают студентов предпринимательству, вводя для этого специальные курсы.

Результаты. Развитие университетов, трансформируя существующие и создавая новые формы высших учебных заведений, всегда является отражением потребностей общества. В то же время принятие новых форм, встраивание их в сложившуюся систему образования — процесс сложный и длительный.

Период и результат трансформаций не должны исказить основную функцию образования — формирование человеческого капитала, качественно отвечающего текущим потребностям общества и способного обеспечить достижение стратегических целей общественного развития.

Выполнение задачи формирования у граждан компетенций, необходимых для инновационной деятельности (о чем говорилось выше), требует от вузов гармоничного развития общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся, которые формируют общий и специфический человеческий капитал (рис 1.).

Выводы. Общественное эволюционирование невозможно без формирования и совершенствования человеческого капитала, являющегося в условиях становления инновационной экономики главным фактором развития социально-экономических систем.

Основную роль в формировании и развитии человеческого капитала играет образование. Повышение требований к знаниям, умениям и навыкам, обуславливающим качество человеческого капитала, определяет необходимость значительных изменений в системе высшего образования, проявляющихся прежде всего в поиске новых форм учебных заведений, способных активно реагировать на потребности общества.

Сегодня в России наряду с классическими университетами уверенно развиваются университеты нового типа: федеральные, национальные исследовательские и предпринимательские. Каждый тип университета наряду с образовательной и научно-исследовательской функциями выполняет и другие функции, обуславливающие его особенности и определяющие возможности и задачи по формированию человеческого капитала (табл. 1).

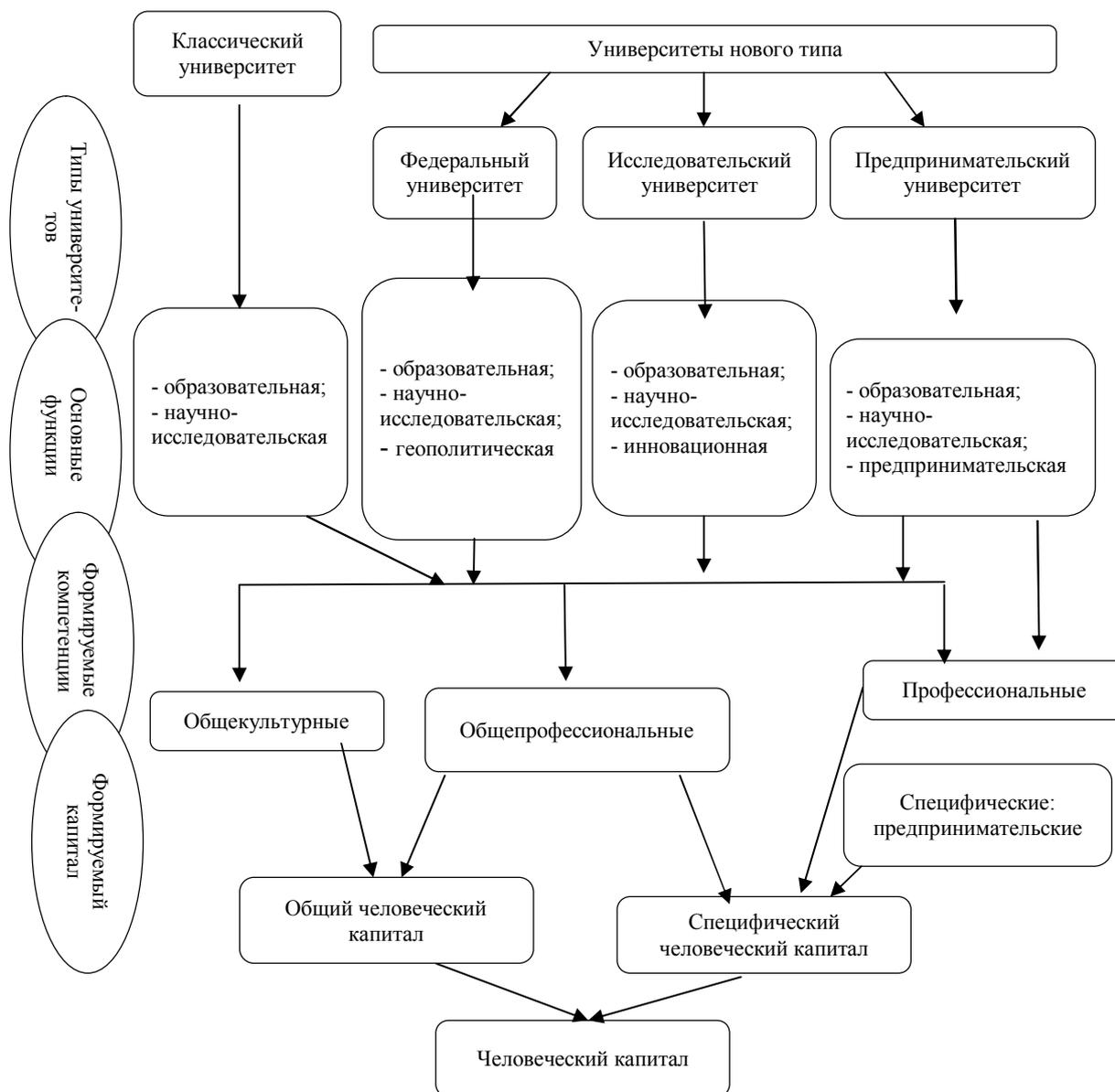

Рис. 1. Роль университетов в формировании человеческого капитала*.

*Источник: собственная разработка.

Таблица 1

Основные задачи университетов в формировании человеческого капитала*

Тип университета	Основные функции	Задачи в области формирования человеческого капитала
Классический	образовательная научно-исследовательская	Формирование человеческого капитала на основе получения глубоких теоретических знаний и участия в фундаментальных исследованиях
Федеральный	образовательная научно-исследовательская геополитическая	Формирование человеческого капитала региона
Исследовательский	образовательная научно-исследовательская инновационная	Формирование человеческого капитала для инновационного развития национальной экономики
Предпринимательский	образовательная научно-исследовательская предпринимательская	Формирование человеческого капитала, приносящего максимальную прибыль

*Источник: собственная разработка.

Полностью соглашаясь с мнением П. Г. Щедровицкого, утверждающего, что сегодняшние университеты — «университеты без стен», опирающиеся в своей работе на сообщество консультирующих профессоров, экспертов в определенной области, активных исследователей, специалистов, имеющих опыт работы, полезный к использованию в деятельности университетов [13], считаем важным отметить, что важнейшей функцией университета любого типа должна оставаться образовательная функция. Недостаточное внимание к реализации этой функции при формировании университетов новых типов может нанести непоправимый вред отечественному человеческому капиталу, ухудшив его качество не только в текущем периоде, но и на длительную перспективу.

Литература

1. Бубнов Г. Г., Малышев Н. Г., Плужник Е. В., Солдаткин В. И. Высшее профессиональное образование в координатах глобализации // *Электронный журнал Cloud of Science*. — 2013. — № 1. — С. 5–9.
2. Дохолян С. В., Дохолян А. С. Моделирования процессов социально-экономического развития экономических территорий // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2011. — №4. — С.1–21.
3. Дохолян С. В., Петросяц В. З. Критерии и факторы экономического роста региона // *Проблемы современной экономики*. — 2007. — № 4. — С. 245–250.
4. Друсъ Ю. П., Разумов В. И., Рыженко Л. И. К формированию модели движения человеческого капитала в современном обществе // *Вестник УГПУ-УПИ*. — 2010. — № 2. — С.11–23.
5. Ицкович Г. Волна предпринимательских университетов: от самых истоков к двигателю глобальной экономики // *Журнал об инновационной деятельности*. — 2014. — № 8 (190). — С. 5–14, 26.
6. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии; под ред. А. Ф. Уварова. — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та. систем упр. и радиоэлектроники. — 2010. — 238 с.
7. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации: пер. с англ. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. — 2011. — 240 с.
8. Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Что такое предпринимательский университет // *Вопросы образования*. — 2007. — № 1. — С. 49–62.
9. Мокронос А. Г., Долженкова Е. В., Маврина И. Н. Предпринимательство как вектор стратегического развития вуза // *Экономика образования*. — 2011. — № 10. — С. 28–39.
10. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) // *Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 2012 г.* — № 1. — Ст. 216.
11. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г., № 53 (часть I), ст. 7598*.
12. Шишов С. Е. Подготовка высококвалифицированных научных кадров в России и «утечка мозгов» // *Вестник Федерального государственного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный Агроинженерный университет имени в. П. Горячкина*. — 2010. — № 4. — С. 28–32.
13. Я не хочу быть потерянным поколением (интервью П. Г. Щедровицкого) // *Кентавр*. — 1994. — № 2. — С. 32–39. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.circleplus.ru/circle/kentavr/n/11/4/>, свободный. — Загл. с экрана.
14. Ali Sasani. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method // *New York Science Journal*. 2012. No. 5(11).
15. Becker G. S. *Human Capital: a theoretical and empirical analysis*. N. Y., 1964.
16. Kneller G. F. *Introduction to the Philosophy of Education*. N.Y.: John Wiley and Sons, 1971.
17. Rockoff Jonah E., Jacob Brian A., Kane Thomas J. and Staiger Douglas O. Can You Recognize an Effective Teacher When You Recruit One? // *Education Finance and Policy*. 2011. 6 (1). P. 43–74.
18. Ropke J. *The Entrepreneurial University: Innovation, academic knowledge creation and regional development in a globalized economy* / J. Ropke // *Working Paper, Department of Economics, Philipps-Universität, Marburg, Germany*. 1998.
19. Samer Khasawneh. *Human Capital Planning in Higher Education Institutions: A Strategic Human Resource Development Initiative in Jordan* // *International Journal of Educational Management*. 2011. Vol. 25 Iss: 6. P. 534–544.
20. Schuller T. *Social and human capital: the search for appropriate technomethodology* Text / T. Schuller // *Policy Studies*. 2000. No. 21 (1). P. 25–35.
21. Zhou Ch. *The entrepreneurial university in China: nonlinear paths* / Ch. Zhou, Xu-mei Peng // *Science and Public Policy*. 2008. Vol. 35, Is. 9. P. 637–646.

References:

1. Ali Sasani. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method // *New York Science Journal*. 2012. No. 5(11).
2. Becker G.S. *Human Capital: a theoretical and empirical analysis*. N.Y., 1964.
3. Bubnov G. G., Malyshev N. G., Pluzhnik E. V., Soldatkin V. I. Higher vocational education in the globalization coordinates // *Electronic Cloud of Science magazine*. 2013. No. 1. P. 5–9.
4. Clark B.R. *Creating entrepreneurial universities: organizational direction of transformation: first. from*

- English. M.: Publishing. State House. Unt – Higher School of Economics, 2011. 240 p.
5. Dokholyan S. V. Petrosyants V. Z. Criteria and factors of economic growth in the region // *Problems of modern economy*. 2007. No. 4. P. 245–250.
6. Dokholyan S. V., Dokholyan A. S. Modeling of processes of social and economic development of economic areas // *Regional problems of economic transformation*. 2011. No. 4. P. 1–21.
7. Drus Y. P., Razumov V. I., Rizhenko L. I. By the formation of human capital flow patterns in modern society // *Herald UGPT-UPI*. 2010. No. 2. P. 11–23.
8. Etzkowitz G. Triple Helix. Universities - Enterprises - state. Innovation in action; ed. AF Uvarov. Tomsk: Publishing house of Tomsk. state. Univ. Ex systems. and Radio Electronics, 2010. 238 p.
9. Etzkowitz G. Wave Entrepreneurial Universities: from the very beginning to the engine of the global economy // *Journal of innovation*. 2014. No. 8 (190). P. 5–14, 26.
10. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FL «Education act in the Russian Federation» Collection of Laws of the Russian Federation of December 31, 2012. No. 53 (Part I) Art. 7598.
11. I do not want to be a lost generation (interview P.G.Schedrovitskogo) // *Kentavr*. 1994. No. 2. S. 32–39. [An electronic resource]. Access mode: <http://www.circleplus.ru/circle/kentavr/n/11/4/>, free. Heading from the screen.
12. Kneller G. F. Introduction to the Philosophy of Education. N.Y.: John Wiley and Sons, 1971.
13. Konstantinov G. N., Filonovich S. R. What is the entrepreneurial university // *Education Matters*. 2007. No. 1. P. 49–62.
14. Mokronosov A. G., Dolzhenkova E. V. Mavrina I.N. Entrepreneurship as a vector of strategic development of university education // *Economy*. 2011. No. 10. P. 28–39.
15. Rockoff Jonah E., Jacob Brian A., Kane Thomas J., and Staiger Douglas O. Can You Recognize an Effective Teacher When You Recruit One? // *Education Finance and Policy*. 2011. 6 (1). P. 43–74.
16. Ropke J. The Entrepreneurial University: Innovation, academic knowledge creation and regional development in a globalized economy / J. Ropke // *Working Paper, Department of Economics, Philipps-Universität, Marburg, Germany*. 1998.
17. Samer Khasawneh. Human Capital Planning in Higher Education Institutions: A Strategic Human Resource Development Initiative in Jordan // *International Journal of Educational Management*. 2011. Vol. 25 Iss: 6. P. 534–544.
18. Schuller T. Social and human capital: the search for appropriate technomethodology Text / T. Schuller // *Policy Studies*. 2000. No. 21 (1). P. 25–35.
19. Shishov S. E. Training of highly qualified scientific personnel in Russia and «brain drain» // *The Bulletin of the Federal State Institution of Higher Education professionalnogo Moscow State University Agroengineering named of V. P. Goryachkina*. 2010. No.4. P. 28–32.
20. The strategy of innovative development of the Russian Federation for the period til 2020 // *Collection of Laws of the Russian Federation of January 2, 2012*. No. 1. St. 216.
21. Zhou Ch. The entrepreneurial university in China: nonlinear paths / Ch. Zhou, Xu-mei Peng // *Science and Public Policy*. 2008. Vol. 35. Is. 9. P. 637–646.

УДК 330.15:502

ТУЛУПОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

д.э.н., заведующий лабораторией Экономического регулирования экологически устойчивого хозяйствования ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: tul@bk.ru

ШАЛИНА АННА ЕВГЕНЬЕВНА

к.э.н., заместитель начальника отдела охраны окружающей среды Технического управления ООО «Газпром энерго», e-mail: Anna.Shalina@rambler.ru

РАСЧЕТ ВЕРОЯТНОСТЕЙ СТРАХОВЫХ СЛУЧАЕВ И ТАРИФНЫХ СТАВОК СТИМУЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «ЭНПО «НЕОРГАНИКА»)

Аннотация. Цель/Предмет исследования. Предметом исследования является инструментарий оценки вероятности наступления страхового случая и тарифных ставок страховых взносов в стимулирующей системе экологического страхования. Цель проведенной работы — практическая апробация разработанного расчетно-методического и программного обеспечения стимулирующей системы страхования риска загрязнения окружающей среды. **Методы проведенного исследования.** Выполнены расчеты параметрических характеристик стимулирующей системы страхования риска загрязнения окружающей среды с применением разработанного методического и программного обеспечения. Обоснованность выводов проведенного исследования обеспечивалась системным подходом к решению поставленной проблемы, применением комплекса методов и методик, адекватных задачам исследования. Главными научными инструментами работы явились экономический анализ, включая эколого-экономический вид такого анализа, системный анализ и его разновидности, экономико-математические методы. Для достижения поставленной цели также применены методы экспертных оценок, группировок, сравнения, агрегирования, анкетирования, качественно-количественного шкалирования, прогнозирования, статистического анализа. **Результаты исследования** имеют прикладное значение для законодательных и исполнительных органов государственной власти. На расчетных примерах показано, что грамотно налаженная система страхования экологических рисков, построенная на научно обоснованном расчетно-методическом обеспечении, позволяет не только возмещать причиненный экономический ущерб в полном объеме, но и достаточно эффективно стимулировать снижение негативной антропогенной нагрузки, минимизируя стоимость экологических рисков для всех участников института экологического страхования. **Выводы.** Практическое внедрение выработанных положений будет содействовать технологическому обновлению, позволит решить проблему повышенной аварийности и загрязнения окружающей среды в процессе функционирования хозяйствующих субъектов, что полностью соответствует предъявляемым в современных условиях требованиям улучшения качества жизни, снижения природоемкости экономики, обеспечения экологически устойчивого инновационного развития.

Ключевые слова: страхование, экологическое страхование, экологические риски.

TULUPOV ALEXANDER SERGEEVICH

doctor of Economics, head of laboratory of Economic regulation of environmentally sustainable management FSBIS "Institute of market problems, Russian Academy of Sciences", e-mail: tul@bk.ru

SHALINA ANNA EVGENIEVNA

PhD, Deputy head of the Department of environmental protection Technical Department of ООО "Gazprom energy", e-mail: Anna.Shalina@rambler.ru

CALCULATION OF PROBABILITIES OF INSURABLE EVENTS AND BASIC RATES OF THE STIMULATING SYSTEM OF ENVIRONMENTAL INSURANCE (BASED ON THE EXAMPLE OF THE OAO ENPO NEORGANICA)

Abstract. The goal/subject of the study. The subject of the study are tools of evaluation of probability of the occurrence of an insurable event and basic rates of insurance premiums in the stimulating system of environmental insurance. The goal of the work performed is a practical assessment of the developed calculated systematic and programming software of the stimulating system of insurance of the risk of environmental pollution. **The methods of research performed.** Calculations have been performed for the parametric characteristics of the stimulating system of insurance of the risk of environmental pollution using the developed methodical and programming software. Substantiation of the conclusions for the study performed was provided by a systematic approach to solving the problem that was formulated, by using a complex of methods and procedures adequate to the tasks of the study. The main scientific tools of the study were economic analysis including the environmental-economic type of this analysis, systematic analysis of its subcategory, economic-mathematical methods. In order to achieve the goal formulated, methods of expert evaluations, groupings, comparison, aggregating, surveying, qualitative-quantitative scaling, forecasting, statistical analysis were also used. **Results of the study** have applied significance for legislative and administrative authorities of the state government. It has been shown on analytical examples that an intelligently well-organized system of insurance of environmental risks, built on a scientifically substantiated calculated systematic support allows not only to compensate the the inflicted economic damage in full, but also sufficiently effectively stimulate the reduction of the negative anthropogenic burden by minimizing the cost of environmental risks for all of the participants of the institute of environmental insurance. **Conclusions** The practical implementation of the developed provisions may assist the technological renewal, will allow to solve the problem of an elevated failure rate, and pollution of the environment in the process of functioning of economic subjects which fully corresponds to the presented in modern conditions requirements of improving the quality of life, reduction of the environmental capacity of the economy, provision of environmentally sustainable innovative development.

Keywords: insurance, environmental insurance, environmental risks

Как показано нами в [7], сложившаяся на сегодняшний день в нашей стране система страхования экологических рисков, основанная на федеральных законах [15; 16, 17 (ст. 5), 18 (ст. 56), 19 (ст. 7)], позволяет лишь фрагментарно покрывать страховым обеспечением возникающие убытки. В действующих нормативно-правовых документах данный вид страхования преподносится в большей мере как механизм возмещения причиненного экологического вреда, при этом не в полной мере используются стимулирующие и предупредительные функции искомого экономического инструмента. Между тем современные условия, специфика которых описана в [1-3, 6, 11-13, 20-23], предъявляют повышенные требования к обеспечению безопасности, низкой материал- и ущербоемкости экономики.

На наш взгляд, одной из причин несовершенства сложившейся на сегодняшний день в нашей стране системы страхования экологических рисков является неполная проработка расчетно-методического обеспечения данного экономического инструмента, применение зачастую необоснованных, ведомственных подходов исчисления параметрических характеристик, выявленных и показанных в [14].

В разработанном нами научно обоснованном расчетно-методическом инструментарии системы страхования экологических рисков [9, 10], включающем программные средства, предусмотрена возможность широко дифференцированного регулирования системы параметрических характеристик, позволяющая индивидуально подходить к каждому хозяйствующему субъекту и максимально стимулировать к снижению негативной нагрузки на компоненты окружающей среды.

Проведем апробационные расчеты тарифной ставки для Открытого акционерного общества «Электростальское научно-производственное объединение "Неорганика"» (ОАО «ЭНПО "Неорганика"»), расположенном в г. Электросталь Московской области. Данный хозяйствующий субъект занимает площадь 7,4252 га, производит активный уголь, угольные ткани, фильтры для защиты органов дыхания и очистки воды. Производственный процесс выбранного нами для обследования предприятия сопровождается следующими видами негативных воздействий: выбросы, сбросы, образование отходов.

В процессе предстрахового экологического аудита ОАО «ЭНПО "Неорганика"» нами были обследованы с целью проведения актуарных расчетов источники загрязнения окружающей среды. В качестве примера ниже приведены источники выбросов и перечни вредных веществ, образующихся на данных источниках в результате производственно-хозяйственной деятельности:

- металлообрабатывающие станки (оксид железа, окислы кремния);
- клейка пластмасс (дихлорэтан, ацетон, бензин);
- полировальный станок (войлочная пыль);
- циркулярная пила (пыль винипласта);
- сварочные посты и посты резки (оксид углерода, двуокись азота, оксид железа, оксид марганца, фтористый водород);
- печь сопротивления (водород хлористый, печь стекловолокнита, свинец);
- камера окраски (окрасочный аэрозоль, ацетон, толуол);
- барабан смесительный (пыль угольная, оксид меди);
- химические шкафы (серная кислота, керосин, ацетон, пыль стеклобазальтового волокна, бензол);
- линии карбонизации и активации (оксид углерода, двуокись азота);
- вибросито (угольная зола);
- печь карбонизации и активации (сажа, оксид углерода, двуокись азота, сернистый ангидрид);
- линия грануляции фаз (фурфурол);
- камера вымешивания (фурфурол, серная кислота, аэрозоль масла);
- валковая дробилка, пресс, мешалка, рассев, молотоксер (пыль поливинилхлоридной смолы, винилиденхлоридной смолы);
- место пересыпки (пыль каменноугольной смолы);
- прокалочные и сушильные печи (серная кислота, фурфурол, пыль угольная);
- установка перекачки (хлористый водород);
- химические шкафы (хлористый водород, оксид железа, оксид марганца, дихлорэтан, пыль угольная);
- камеры напыления (дихлорэтан);
- сушильные печи, питьевая машина (формальдегид, оксид углерода, оксид этилена);
- линии изготовления фильтров (пыль стекловолокна, дихлорэтан);
- термостат, рабочие места сварки полиэтилена и нанесения катализаторов (оксид этилена, оксид углерода, угольная пыль, оксид хрома, оксид меди);
- места пересыпки шихты, вибратор (пыль силикогеля, оксид меди);
- сушильная печь, ленточная пила (пыль силикогеля);
- места пересыпки, элеватор (пыль угольная);
- барабан смесительный (пыль угольная, оксид хрома, оксид меди);
- дробильно-рассеивающий агрегат (пыль угольная, пыль косточковая);
- литьевые машины (оксид этилена, оксид углерода);
- автотранспорт (оксид углерода, углеводороды, двуокись азота, сернистый ангидрид, сажа).

На основе собранных данных проведем расчеты тарифных ставок, согласно разработанного в результате реализации научно-исследовательского проекта РГНФ (отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ) № 14-02-00279а механизма организации расчетно-методического обеспечения стимулирующего экологического страхования.

Для определения величины тарифа достаточно рассчитать вероятность возникновения страхового случая. Оценка ущерба вследствие загрязнения необходима для расчета величины страховой суммы или страхового возмещения, тогда как оценка риска необходима для контроля степени опасности страхователя. Соответственно, величина страховой суммы, соотношенная с тарифной ставкой, определяет величину страхового взноса.

Обзор наиболее распространенных методов оценки вероятностей (см., например, [24]), а

также разработка методики оценки вероятностей, удовлетворяющей условиям широко дифференцированной системы страхования экологических рисков, осуществлены нами в [4, 8].

В столбцах 2, 3 таблицы 1 представлены исходные данные, необходимые для расчета вероятности наступления страхового случая. Обработка собранных данных в соответствии с предложенной нами методикой средневзвешенного суммирования частных критериев опасности [8] представлена в столбцах 4-7 этой таблицы.

Таблица 1

Расчет вероятности наступления страхового случая в стимулирующей системе страхования экологических рисков для ОАО «Электростальское научно-производственное объединение "Неорганика"»

№ фактора i	Наименование фактора	Возможные дискретные состояния фактора m	Класс m	WiL	ai WiL	ai Wi(max)
1	2	3	4	5	6	7
1	Класс опасности (агрессивности) загрязняющего продукта	Класс опасности =1,2, 3,4, нетоксичные (выбросы — 32 наименования загрязняющих веществ, сбросы — 3, отходы — 16 наименований)	1 2 3 4	4 3 2 1	2,75	2,2
2	Используемая в производстве технология	Ограниченно вредные: вредность сопоставима с ПДВ	2	3	3	4
3	Обеспечиваемая очистка от вредных веществ	Частичная очистка выбросов/сбросов	2	3	2,31	3,08
4	Обеспечиваемая утилизация отходов	Отходы перерабатываются с частичными выбросами/сбросами	3	2	0,88	1,76
5	Авторитет руководителя	Высокий	3	2	0,88	1,76
6	Самостоятельность, ответственность в принятии решений руководящих работников	Большая	3	2	1,76	3,52
7	Способность к переменам	Высокая	3	2	1,32	2,64
8	Средний уровень образования сотрудников	Средний	2	3	0,66	0,88
9	Средний стаж работы сотрудников по профессии	Средний	2	3	0,99	1,32
10	Количество нарушений дисциплины труда за анализируемый период	Незначительное число нарушений	3	2	0,66	1,32
11	Количество нарушений производственной дисциплины за анализируемый период	Незначительное число нарушений	2	3	1,98	2,64
12	Воздействие природных явлений	Практическое отсутствие	4	1	0,22	0,88
13	Уровень опасности расположенных поблизости внешних техногенных источников опасности (предприятий, сооружений)	ВТИ со средним уровнем опасности	2	3	1,32	1,76
14	Характер заселенности местности	Городская местность (население более 100 тыс. чел.)	1	4	0,44	0,44
Суммарное значение произведения степени влияния и балла по оценочной матрице для предприятия					19,17	28,2

Используя данные, полученные в результирующей строке таблицы 1, вычислим индивидуальный критерий опасности для рассматриваемого объекта:

$$k_L = \frac{19,17}{28,2} = 0,679787; \quad (1)$$

тогда вероятность наступления страхового случая:

$$q_L = q_0 * k_L = 0,095 * 0,679787 = 0,06458. \quad (2)$$

Сопоставив полученное значение вероятности возникновения страхового случая с критериями, изложенными в [14], сделаем вывод, что ФГУП «Электростальское научно-производственное объединение "Неорганика"» принадлежит к объектам со средней вероятностью возникновения экологического страхового случая, т. к. полученное значение попало в интервал $[0,064 \div 0,038]$, характеризующий средний уровень вероятности для промышленных объектов Московской области. Вместе с тем следует отметить, что полученное значение вероятности близко к интервалу, характеризующему высокую степень вероятности. Это значит, что в случае ухудшения одного или нескольких параметров предприятия, оцененных и представленных в табл. 1, вероятность возникновения аварии на данном предприятии переместится в высокую градацию.

Расчет тарифных ставок страховых взносов стимулирующей системы страхования риска загрязнения окружающей среды, согласно исчисленному значению вероятности, с применением инструментария [5] приведен в табл. 2-8.

Таблица 2

Вероятность наступления страхового события

ТИП ЗАГРЯЗНЕНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИЙНОЙ СИТУАЦИИ
	Средняя
Химическое	0,06458

Таблица 3

Принимаемые в расчетах параметры (вводимые величины)

Ожидаемое число договоров страхования	100
Коэффициент безопасности	1,3
Нагрузка в брутто-ставке:	25

Расчеты:

Таблица 4

Основная часть нетто-ставки со 100 руб. страховой суммы

ТИП ЗАГРЯЗНЕНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИЙНОЙ СИТУАЦИИ
	Средняя
Химическое	4,5206

Таблица 5

Рисковая надбавка

ТИП ЗАГРЯЗНЕНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИЙНОЙ СИТУАЦИИ
	Средняя
Химическое	2,683953

Таблица 6

Совокупная нетто-ставка

ТИП ЗАГРЯЗНЕНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИЙНОЙ СИТУАЦИИ
	Средняя
Химическое	7,204553

Таблица 7

Брутто-ставка

ТИП ЗАГРЯЗНЕНИЯ	ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИЙНОЙ СИТУАЦИИ
	Средняя
Химическое	9,606071

Таким образом, для ФГУП «Электростальское научно-производственное объединение "Неорганика"» страховая компания может применить брутто-ставку тарифа в размере 9,606071 руб. на каждые 100 руб. страховой суммы. Пример расчета структуры тарифной ставки для данного объекта приведен в табл. 8, согласно наиболее распространенной структуре тарифной ставки, показанной в крайнем левом (затененном) столбце этой таблицы.

Таблица 8

Структура тарифной ставки

Введите %	ФГУП «ЭНПО «Неорганика»	ВЕРОЯТНОСТЬ
		Средняя
75	Нетто-ставка	7,204553
12	Расходы на ведение дела	1,152729
8	В т. ч. комиссионное вознаграждение	0,768486
8	Фонд превентивных мероприятий	0,768486
5	Прибыль	0,480304
ВСЕГО:		9,606071

Отметим, что полученная величина тарифной ставки рассчитывалась нами исходя из существующих условий функционирования данного хозяйствующего субъекта. Данный тариф, на наш взгляд, является непривлекательным для потенциальных страхователей. Покажем возможности снижения данного тарифа.

Как видно из представленных таблиц, в расчетах число договоров страхования принимали равным 100. В действительности страховщик заключает договоры с тысячами предприятий. Если учесть обязательный характер страхования целого перечня видов экологических рисков, то в расчетах необходимо оперировать десятками и даже сотнями тысяч страхователей. Согласно проведенным расчетам, при увеличении количества договоров экологического страхования со 100 до 1000 без проведения каких-либо природоохранных мероприятий величина тарифа снижается до 6,3 руб., т. е. почти на 30 %.

Если при этом хозяйствующий субъект проведет превентивные мероприятия и снизит уровень опасности, например, до малоопасного, размер тарифа снизится до 3 руб. 37 коп. Видим значительную экономическую выгоду.

При этом по мере вовлечения дополнительных предприятий в систему экострахования и увеличения общего количества договоров величина тарифа будет снижаться. Проведение превентивных мероприятий и снижение степени опасности, даже без задействования возможностей снижения величины коэффициента безопасности и прибыли страховщика, позволяют довести тариф до 60-80 копеек на каждые 100 руб. страховой суммы. Такие денежные суммы

вполне приемлемы для хозяйствующих субъектов, особенно промышленных предприятий.

Стимулирующая система страхования экологических рисков, основанная на широко дифференцируемой системе страховых тарифов, позволит изменить отношение потенциальных страхователей к экологическому страхованию, заинтересовать хозяйствующие субъекты — источники повышенной экологической опасности — повышать лимит ответственности, а также страховать новые риски, связанные с негативным воздействием, на страхование которых раньше не хватало средств или было экономически нецелесообразным.

Таким образом, правильно налаженная система страхования экологических рисков, построенная на научно обоснованном расчетно-методическом обеспечении, позволяет не только возмещать возможный экономический ущерб в полном объеме, но и достаточно эффективно стимулировать снижение негативной антропогенной нагрузки, минимизируя стоимость экологических рисков для всех участников института экологического страхования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ), проект № 14-02-00279а.

Литература

1. Алиев Р. А., Авраменко А. А. К вопросу о структуре современной системы экологических знаний // Новая наука: Современное состояние и пути развития. — 2015. — № 6-1. — С. 11-13.
2. Жолобова Ю. С., Сафронов А. Е., Куций Н. А., Савон Д. Ю. Минимизация воздействия на окружающую среду при применении новых технологий обогащения углей и утилизации отходов добычи // Горный журнал. — 2016. — № 5. — С. 109-112.
3. Мудрецов А. Ф., Тулупов А. С. Национальная безопасность (эколого-экономический аспект): понятия, проблемы, решения. — М.: ЦЭМИ РАН, 2011. — 140 с.
4. Мудрецов А. Ф., Тулупов А. С. Расчет вероятности сверхнормативных воздействий полигонов твердых бытовых отходов на компоненты окружающей среды // Материалы Второго Международного форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития». — 2013. — С. 435-440.
5. Методики расчета тарифных ставок по рисковому видам страхования. Утверждены Распоряжением Федеральной службы Российской Федерации по надзору за страховой деятельностью № 02-03-36 от 08.07.93 г.
6. Савон Д. Ю., Шевчук С. В., Шевчук Р. В. Снижение воздействия отходов калийной промышленности на окружающую среду // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2016. — № 8. — С. 360-368.
7. Тулупов А. С. Проблемы развития экологического страхования как экономического инструмента инновационного развития // «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития»: материалы IV Международного форума. — М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. — С. 117-123.
8. Тулупов А. С. Определение вероятностей наступления страховых случаев в стимулирующей системе страхования экологических рисков // «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития»: материалы IV Международного форума. — М.: ИПР РАН. — 2015. С. 720-725.
9. Тулупов А. С. Расчетно-методический инструментарий страхования риска загрязнения окружающей среды // Экономика и математические методы. — 2014. — № 1. — С. 24-36.
10. Тулупов А. С. Экономические аспекты добровольного и обязательного экологического страхования // Экономика и математические методы. — № 2. — 2013. С. 44-53.
11. Тулупов А. С. Понятие «ущерб» в экономике природопользования // Научный вестник Московского государственного горного университета. — № 11. — 2013. С. 297-302.
12. Тулупов А. С. Теория ущерба как база оценки негативных экстерналий в экономике // Вестник университета (Государственный университет управления). — № 2. — 2010. — С. 90-95.
13. Тулупов А. С. Об ущербообразующей стороне экономического развития // Вестник университета. — № 26. — 2009. — С. 99-102.
14. Тулупов А. С. Теория ущерба как база оценки и регулирования негативных экстерналий в экологическом страховании / диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. — М.: ГУУ, 2013. — 395 с.
15. Федеральный закон от 27.07.2010 № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (принят ГД ФС РФ 16.07.2010).
16. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.97 № 116-ФЗ/РГ от 30.07.97.
17. Федеральный закон «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21.07.97. № 117-ФЗ/РГ от 29.07.97.
18. Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21.11.95 №170-ФЗ/СЗРФ.
19. Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (принят ГД ФС РФ 06.12.1995).
20. Porfiriev B. Reflections: environmental hazards and disasters: research perspectives // Environmental Hazards. 2012. T. 11. No. 4. P. 324-327.
21. Porfiriev B. Climate change as a major slow-onset hazard to development: an integrated approach to bridge the policy gap // Environmental Hazards. 2015. T. 14. No. 2. P. 187-191.

22. Porfiriev B. Evaluation of human losses from disasters: the case of the 2010 heat and forest fires in Russia // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2014. T. 7. P. 91-99.
23. Skufina T. P., Samarina V. P., Krachunov H., Savon D. Y. Problems of Russia's arctic development in the context of optimization of the mineral raw materials complex use // *Eurasian mining*. 2015. No. 2 (24). P. 18-21.
24. Thompson E. J. *Probability Theory: The Logic of Science*. Preprint: Washington University. 1996.

References:

1. Aliev R. A., Avramenko A. A. To the question about the structure of the system of ecological knowledge // *Modern science: current state and ways of development*. 2015. No. 6-1. P.11-13.
2. Zholobova Yu., Safronov A. E., Kushiya N.A., Savon D. Yu. To minimize the impact on the environment when using new technologies of coal preparation and waste management mining // *Mining journal*. 2016. No. 5. P. 109-112.
3. Mudretsov A. F., Tulupov A. S. *National security (ekologo-economic aspects): concepts, problems, solutions*. – MOSCOW: CEMI RAS, 2011. 140 p.
4. Mudretsov A. F., Tulupov A. S. The Calculation of probability of excessive impacts of landfills on the environment components // *proceedings of the Second International forum «Russia in the XXI century: global challenges and perspectives of development»*. 2013. P. 435-440.
5. *Methods of calculation of tariff rates on risk insurance. Approved by Order of Federal service of the Russian Federation on supervision of insurance activity № 02-03-36 from 08.07.93.*
6. Savon D. Yu., Shevchuk S. V., Shevchuk R. V. Reduce the effects of waste potash industry on the environment // *Mining information-analytical Bulletin (scientific and technical journal)*. 2016. No. 8. P. 360-368.
7. Tulupov A. S. Problems of development of ecological insurance as an economic instrument of innovative development // *«Russia in the XXI century: global challenges and prospects»: materials of the IV International forum*. M.: REU them. G. V. Plekhanov. 2016. P. 117-123.
8. Tulupov A. S. The Definition of probability of approach of insurance cases in the stimulating system of insurance of ecological risks // *«Russia in the XXI century: global challenges and prospects»: materials of the IV International forum*. M.: MEI Russian Academy of Sciences. 2015. P. 720-725.
9. Tulupov A. S. Settlement and methodical tools of insurance of risk of pollution of environment // *Economics and mathematical methods*. 2014. No. 1. P. 24-36.
10. Tulupov A. S. The Economic aspects of voluntary and obligatory environmental insurance // *Economics and mathematical methods*. No. 2. 2013. P. 44-53.
11. Tulupov A. S. The Concept of «damage» in the economy of nature // *Scientific Bulletin of Moscow state mining University*. No. 11. 2013. P. 297-302.
12. Tulupov A. S. Theory of damage as the basis of assessment of negative externalities in the economy // *Bulletin of University (State University of management)*. No. 2. 2010. P. 90-95.
13. Tulupov A. S. About the damages in economic development // *Bulletin of the University*. No. 26. 2009. P. 99-102.
14. Tulupov A. S. *Theory of damage as a basis for assessment and regulation of negative externalities in the environmental insurance / the dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of economic Sciences*. M.: GUU. 2013. 395 s.
15. Federal law of 27.07.2010 № 225-FZ «On compulsory insurance of civil liability of owner of hazardous facility for inflicting harm as a result of accident on dangerous object» (adopted by the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 16.07.2010).
16. Federal law «On industrial safety of dangerous industrial objects» from 21.07.97 № 116-FZ.
17. Federal law «On safety of hydraulic structures» from 21.07.97. No. 117-FZ//RG dated 29.07.97.
18. Federal law «On use of atomic energy» dated 21.11.95 No. 170-FZ.
19. Federal law of 30.12.1995 № 225-FZ «About agreements on production section» (adopted by the state Duma 06.12.1995).
20. Porfiriev B. Reflections: environmental hazards and disasters: research perspectives // *Environmental Hazards*. 2012. T. 11. No. 4. P. 324-327.
21. Porfiriev B. Climate change as a major slow-onset hazard to development: an integrated approach to bridge the policy gap // *Environmental Hazards*. 2015. T. 14. No. 2. P. 187-191.
22. Porfiriev B. Evaluation of human losses from disasters: the case of the 2010 heat and forest fires in Russia // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2014. T. 7. P. 91-99.
23. Skufina T. P., Samarina V. P., Krachunov H., Savon D.Y. Problems of Russia's arctic development in the context of optimization of the mineral raw materials complex use // *Eurasian mining*. 2015. No. 2 (24). P. 18-21.
24. Thompson E.J. *Probability Theory: The Logic of Science*. Preprint: Washington University, 1996.

КОРНЕЕВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

к.э.н., Генеральный директор 1-го термометрового завода,
e-mail: director@1thermometer.ru

ДИАГНОСТИКА МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

Аннотация. Рассмотрены вопросы исследования проблем и ограничений методов и инструментов управления рисками отечественных интегрированных предпринимательских структур. Цель исследования — оценка ключевых проблем и ограничений развития методов и инструментов управления рисками отечественных интегрированных структур. Проведен анализ и обобщены взгляды отечественных исследователей по вопросу практического использования, проблем и ограничений, связанных как с недостатком опыта их внедрения, так и с объективными недоработками. Обозначены основные проблемы и ограничения развития методологии управления рисками в отечественных предпринимательских структурах. Использованы эмпирические и общелогические методы исследования. Результаты работы могут быть применены для разработки методологических подходов в риск-менеджменте и исследования теоретических подходов к рискам как к важным факторам интеграционных процессов в экономике.

Ключевые слова: преимущества, недостатки, метод, интегрированные предпринимательские структуры, развитие методов, методы комплексного системного воздействия.

KORNEEV DMITRIY VLADIMIROVICH

Ph. D., General Director of the 1st termometro plant
e-mail: director@1thermometer.ru

DIAGNOSTICS OF METHODS AND INSTRUMENTS OF THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF RISKS OF INTEGRATED ENTREPRENEURIAL STRUCTURES

Abstract. The issues discussed include studying the problems and limitations of methods and instruments of management of risks of domestic integrated entrepreneurial structures. The goal of the study is an evaluation of the key problems and limitations of development of methods and instruments of management of risks of domestic integrated structures. An analysis has been performed, and the views of domestic researchers have been summarized on the issue of practical use, problems and limitations related to both the lack of experience of their implementation, as well as objective shortcomings. The main problems, and the limitations of the development of the methodology of management of risks in the domestic entrepreneurial structures have been specified. Empirical and general logical methods of research have been used. The results of the work performed may be used to develop methodological approaches in risk-management and studies of theoretical approaches to risks as important factors of integrational processes in the economy.

Keywords: advantages, drawbacks, a method, integrated entrepreneurial structures, the development of methods, methods of a complex systemic impact.

Актуальность темы исследования

Анализируя современное состояние методологической базы процесса управления рисками предпринимательских структур, можно отметить, что за последние десятилетия методологический инструментарий риск-менеджмента получил значительное развитие как с точки зрения увеличения направлений применения данного инструментария, так и расширения самого набора используемых методов и инструментов управления рисками. Однако новые вызовы, связанные с повышением неопределенности функционирования отечественных интегрированных предпринимательских структур в современных условиях растущей глобализации, повышенной конкуренции и нарастания кризисных экономических, политических и социальных тенденций, обуславливают необходимость выработки новых эффективных креативных методов риск-менеджмента в рамках построения комплексных интегрированных систем управления рисками. При этом необходимо учитывать, что современные технологии управления рисками только начинают широко использоваться в отечественном предпринимательстве, а, значит, неизбежны ошибки и проблемы, связанные с недостатком опыта их внедрения. Все это свидетельствует о значительной актуальности направления данного исследования.

Теоретические подходы к исследуемой теме

На каждом этапе управления рисками применяются специфические методы, в совокупности образующие методологию системы управления рисками.

На первом этапе управления рисками осуществляется ситуационный анализ, предполагающий выявление всей совокупности рисков и их источников, результатом которого является реестр рисков, в котором определяются рискогенерирующие факторы, имеющие значение для конкретной предпринимательской структуры, возможные рисковые события и последствия их наступления [10, с. 210]. Идентификация рисков и наличие реального объективного взгляда на имеющиеся риски являются одной из основ эффективного управления рисками, способствующего достижению поставленных целей предпринимательской структуры. По мнению Н. А. Скворцовой, идентификация рисков должна проводиться в три этапа: идентификация внешних рисков в аспекте отдельных направлений деятельности предпринимательской структуры; идентификация внутренних рисков, присущих отдельным видам деятельности или хозяйственным операциям; а затем формирование общего реестра рисков [15, с. 124]. Это означает, что идентификация рисков должна предусматривать комплексное исследование различных внутренних и внешних рискогенерирующих факторов, способных вызвать риски и выявить возможности управления ими в масштабах всей корпоративной структуры. Рационально организованная система управления рисками предусматривает то, что каждый работник структурного подразделения интегрированной предпринимательской структуры на постоянной основе идентифицирует и оценивает риски, оказывающие влияние на достижение поставленных целей и задач, в частности, перед каждым работником. Свое видение существующих рисков каждый работник отражает в опросных листах или во время других мероприятий, проводимых ответственным подразделением по управлению рисками [14, с. 102]. Реестр рисков пересматривается, уточняется или дополняется по мере поступления информации о рисках, предоставляемой структурными подразделениями предпринимательской структуры при идентификации новых или изменении статуса существующих рисков в подразделение, ответственное за управление рисками.

Для идентификации рисков используется комбинация различных методов, предусматривающих идентификацию событий как с точки зрения прошлого опыта, так и с точки зрения будущих возможных событий. В ходе исследования выявлен ряд методов, используемых для идентификации рисков. К их числу относятся: метод идентификации рисков на основе поставленных целей, метод отраслевых и международных сравнений, метод семинаров и обсуждений, метод интервьюирования, метод мониторинга рисков и убытков и пр. [11, с. 75–76, 18, с. 649–650]. Метод идентификации рисков на основе поставленных целей предусматривает, что на основе поставленных целей (в другой интерпретации — системы сбалансированных показателей) определяются потенциальные события, которые могут повлиять на достижение этих целей. События идентифицируются риск-менеджером, и на этой основе составляется (корректируется, дополняется) реестр рисков.

Метод отраслевых и международных сравнений предполагает, что реестр рисков составляется на основе перечня потенциальных событий, характерных для аналогичных компаний по отраслевой или функциональной деятельности.

Метод семинаров и обсуждений предусматривает, что реестр рисков составляется на основе организованного обсуждения (в форме мозгового штурма и т. п.) потенциальных событий, которые могут влиять на корпоративную структуру и достижение ее целей. Чаще всего в обсуждении принимают участие специалисты предпринимательской структуры. Такие обсуждения могут проводиться в рамках каждого структурного подразделения для определения событий (рисков), влияющих на деятельность каждого такого подразделения, затем результаты интегрируются в единый реестр (или дополняется/корректируется существующий реестр).

Метод интервьюирования подразумевает, что ответственное подразделение по управлению рисками проводит целевое интервьюирование ключевых специалистов (экспертов) интегрированной предпринимательской структуры для открытого обсуждения существующих и потенциальных рисков и путей управления ими. Чаще всего такие интервью проводятся с руководителями структурных подразделений корпоративной структуры.

Метод мониторинга рисков и убытков основан на формировании соответствующей базы данных, что также позволяет идентифицировать события, имеющие негативный эффект на деятельность предпринимательской структуры. Кроме этого, база данных рисков в дальнейшем применяется для количественной оценки рисков.

Применяя эти методы, у риск-менеджера появляется возможность составить реестр рисков, т. е. систематизировать информацию об идентифицированных рисках. В процессе последующего качественного анализа рисков выполняется его обновление, во время количественного анализа рисков происходит повторное обновление реестра.

Среди сложностей, которые могут иметь место в ходе идентификации рисков, можно назвать: во-первых, поверхностную или чрезмерную детализацию при определении рисков предпринимательской структуры; во-вторых, игнорирование части внутренних или внешних факторов при выявлении рисков. Кроме того, вместо того, чтобы заполнять реестр общими рисками, не требующими специальных мер реагирования, кроме надлежащего выполнения работ, целесообразно обращать внимание на выявление реальных рисков, которые могут оказаться весьма неожиданными. Это риски требуют специального внимания и управленческих решений, поскольку они не относятся к стандартным рабочим процедурам.

После идентификации появляется возможность провести их оценку и прогнозирование, т. е. приступить ко второму этапу управления рисками, основными целями которого является их ранжирование и определение наиболее опасных (ключевых) рисков. Всю совокупность методов, реализуемых на втором этапе управления рисками, делят, прежде всего, на качественные и количественные.

Качественная оценка, как правило, основана на экспертных методах оценки, которые используют шкалы и баллы как базу для измерения. Основными результатами качественного анализа рисков выступают: во-первых, выявление рисков, которым подвержена предпринимательская структура и анализ соответствующих им рискогенерирующих факторов; анализ и стоимостный эквивалент гипотетических последствий возможной реализации выявленных рисков; предложение мероприятий по минимизации ущерба и, наконец, их стоимостная оценка. Качественный анализ является основой для последующего количественного анализа рисков.

В свою очередь, задачи количественного анализа рисков можно разделить на три типа: во-первых, прямые задачи, в которых оценка уровня рисков происходит на основании априори известной вероятностной информации; во-вторых, обратные задачи, когда задается приемлемый уровень рисков и определяются значения (диапазон значений) исходных параметров с учетом устанавливаемых ограничений на один или несколько варьируемых исходных параметров; в-третьих, задачи исследования чувствительности, устойчивости результативных, критериальных показателей по отношению к варьированию исходных параметров (распределению вероятностей, областей изменения тех или иных величин и т. п.).

Эффект от применения количественной и качественной оценки рисков существенно повышается, если эти методы используются в комплексе. При этом качественный и количествен-

ный анализ не механически дополняют друг друга, а системно взаимодействуют. Например, качественный анализ можно усовершенствовать, используя результаты количественного анализа. В частности, если в результате количественного анализа факторов риска удалось установить недостаточную достоверность их влияния, то это является основанием для пересмотра выводов качественного анализа и проведения более основательного исследования с целью установления реально существенных рискогенерирующих факторов.

В исследованиях, посвященных проблемам риска, выделено несколько групп методов, позволяющих провести количественную оценку риска:

– статистические методы (однофакторные, многофакторные): модель Марковица, Risk Metrics, Value at Risk (VaR);

– расчетно-аналитические методы: проверка устойчивости показателей и выявления предельных значений параметров, оценка на основе анализа финансовых показателей деятельности корпорации (на основе финансового анализа и расчета коэффициентов), метод аналогий, метод анализа чувствительности, построение дерева решений, имитационное моделирование, метод Монте-Карло, анализ сценариев и т. п.;

– методы экспертных оценок (метод мозгового штурма, метод Делфи и пр.).

Статистические показатели дают представление об общих тенденциях развития и функционирования предпринимательской структуры, однако, решая вопрос относительно уровня их адекватности действительному риску данной структуры, следует обратить внимание на несколько принципиальных моментов. На взгляд автора, во-первых, весьма существенное ограничение статистических методов связано с недостаточностью массива исторической информации (в идеале длительность анализируемого периода должна составлять 20–30 лет), а также вследствие значительного влияния политических рисков, которые статистическими закономерностями описать невозможно. Кроме того, финансовые и политические катаклизмы не могли не отразиться на деятельности предпринимательских структур, поэтому результаты экстраполяции статистического анализа нельзя рассматривать в качестве достаточно корректных. Во-вторых, измерение риска с помощью статистических показателей является приемлемым для внешних относительно корпоративной структуры субъектов аналитического процесса — инвесторов, контрагентов, клиентов, которые оценивают деятельность предпринимательской структуры по ее финансовым результатам, а следовательно, на основании ретроспективной информации. Непосредственно риск-менеджеру нецелесообразно ограничиваться констатацией событий, которые уже произошли и повлиять на которые уже невозможно, поскольку риски уже реализовались и получен определенный финансовый результат. Таким образом, менеджмент предпринимательской структуры заинтересован в том, чтобы предусмотреть и оценить все риски, приводящие к вариабельности дохода. В таком случае статистические показатели значительной пользы не приносят. Поэтому при проведении оценки их целесообразно использовать только как вспомогательные индикаторы риска.

Дальнейшее развитие статистической группы методов привело к разработке расчетно-аналитических методов. В частности, используемый в рамках этой группы метод «дерева решений» используется для оценки рисков решений, имеющих определенное количество вариантов развития, а метод сценариев предполагает разработку оптимистического, пессимистического и наиболее вероятного варианта реализации события с расчетом всех результирующих показателей.

Для анализа риска, которым может быть обременен, например, новый проект, полезными могут оказаться данные о последствиях воздействия неблагоприятных факторов риска, близких по характеристикам к ранее выполняемым проектам. В связи с этим весьма широкое распространение получил метод аналогий. В этой сфере наибольшую инициативу проявляют страховые компании. Так, на Западе они регулярно публикуют комментарии о тенденциях в наиболее важных зонах риска, например, в отношении природных катаклизмов (катастроф) и значительных убытков. На основании этих данных можно прийти к определенным выводам общего характера. В использовании аналогов применяют базы данных и знаний в отношении факторов риска. Эти базы формируются на материалах из средств массовой информации, поисковых работ и т. п. Полученные данные обрабатывают, используя соответствующий математический аппарат для выявления зависимостей, причин, с целью учета потенциального рис-

ка при реализации новых проектов.

В группе расчетно-аналитических методов следует отметить и возможности анализа чувствительности (уязвимости). Этот метод является одним из самых простых и широко известных методов учета факторов неопределенности, характерных для оценивания рисков. С помощью этого метода выясняют, какие из рисков можно отнести к ключевым рискам конкретной корпоративной структуры.

Помимо статистических и расчетно-аналитических методов, в настоящее время активно используются и методы экспертных оценок, которые необходимы для решения сложных задач оценки и прогнозирования, когда массив информации весьма ограничен или когда факторы сложно выразить количественно. Основная особенность методов экспертных оценок заключается в отсутствии математических доказательств рискованности решений на основе экспертных оценок [13, с. 681].

Экспертные методы носят более субъективный характер по сравнению с другими методами. Применение методов данной группы связано с тем, что возникающие риски настолько новые и сложные, что достаточная информация о них отсутствует, а вероятность того или иного результата нельзя вычислить, используя статистические и расчетно-аналитические методы [2, с. 856; 3, с. 858]. Экспертные процедуры обычно делят на три группы:

- а) открытое обсуждение поставленных вопросов;
- б) свободное высказывание без обсуждения и голосования, или метод мозговой атаки;
- в) закрытое обсуждение с последующим закрытым голосованием или заполнением анкет экспертного опроса.

По мнению ряда ученых, наиболее достоверный результат экспертной оценки риска получают при сравнении аналогичных рисков [7, с. 107]. В качестве базы сравнения, как правило, рассматривают определенную величину риска — его пороговый уровень. Методы экспертной оценки универсальны, поскольку могут использоваться независимо от наличия исходной информации для оценки различных видов рисков. Однако необходимо учитывать субъективизм оценок экспертов, то есть определенную вероятность получения неточных (приблизительных) результатов. Повысить объективность оценки можно за счет сопоставления мнений различных экспертов, поскольку, таким образом, нивелируется влияние отклонения, обусловленного спецификой субъективного взгляда. Это делается, в частности, за счет структурированного опроса экспертов, например, в рамках метода «мозгового штурма». Специфика технологии работы с экспертами заключается в наличии профессиональной подготовки и практического опыта экспертов, осуществляющих свою деятельность в рамках системы управления рисками.

Выбор методов оценки рисков предпринимательской структуры зависит от доступности информации, необходимой для оценки и прогнозирования рисков; возможности качественной оценки риска; возможности количественной оценки риска; простоты расчетов; возможности оценки риска корпоративной структуры в динамике. Этот выбор целесообразно осуществлять на основе систематизированных преимуществ и недостатков методов оценки и управления рисками.

На третьем этапе управления рисками, предусматривающем разработку и реализацию управленческих решений, также находят применение специфические методы. В трудах Д. И. Локоть можно найти упоминание о таких методах, как уклонение от риска, предупреждение, принятие, распределение, страхование, лимитирование риска; диверсификация; создание запасов и резервов; получение дополнительной информации [8, с. 60–61]. С точки зрения А. Н. Фомичева, в практике управления рисками можно выделить три основные группы методов. С помощью первой группы методов осуществляется разработка системы мер, направленных на предупреждение и профилактику рисков. Вторая группа методов направлена на минимизацию негативных последствий, которые могут причинить корпоративной структуре риски. И, наконец, третья группа методов направлена на использование возможностей получать в ситуациях риска дополнительные доходы или иные коммерческие преимущества [17, с. 34]. Р. М. Качалов рассматривает следующие методы управления рисками: уклонение от риска, локализация, диссипация, компенсация риска [5, с. 4–5]. Д. Лысенко также анализирует основные известные методы, которые применяют риск-менеджеры для управления рисками: методы уклонения от риска, методы удержания, передачи и снижения риска [9, с. 2–4].

А. К. Покровский выделяет следующие основные методы управления рисками: покрытие убытков из текущего дохода, покрытие убытка из резервов, покрытие убытков за счет использования займа, покрытие убытков на основе самострахования, покрытие убытков на основе страхования, покрытие убытков на основе нестрахового пула, покрытие убытков за счет передачи финансирования на основе договора, покрытие убытков на основе поддержки государственных и (или) муниципальных органов, покрытие убытков на основе спонсорства. При этом автор уточняет, что первые четыре метода составляют процедуры снижения риска, а последние пять — процедуры передачи риска [12, с. 160].

Наличие столь значительного количества методов управления риском, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, а также свою область наиболее эффективного применения, актуализирует вопрос о сочетании различных мероприятий по борьбе с неблагоприятными последствиями реализации рисков. При этом чаще всего авторы ограничиваются названиями и характеристикой методов, не конкретизируя сущности мероприятий, реализуемых в рамках того или иного метода.

Таким образом, в практике управления рисками интегрированных предпринимательских структур применяются различные методы. Одни методы базируются на простейших расчетах, другие — на весьма сложных алгоритмах, но каждый из них обладает определенными недостатками и ограничениями. Выбор конкретного метода или их комбинации зависит от природы идентифицированных рисков, компетенции риск-менеджера и имеющихся в его распоряжении ресурсов.

Поскольку управление рисками должно обеспечить возможность получения запланированных результатов, которые заключаются в оптимизации уровня рисков, весьма важной представляется также реализация четвертого этапа процесса управления рисками, которая заключается в осуществлении контрольных процедур. Наиболее распространенными методами, применяемыми на рассматриваемом этапе, являются лимитирование рисков и внутренний аудит.

Характеризуя в целом весь арсенал методов, применяемых на каждой стадии управления рисками, необходимо подчеркнуть их конкретную практическую направленность. Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день применяемые методы не обладают свойством интегрированности в систему, т. е. отсутствует преэминентность, под которой в рассматриваемом контексте следует понимать ситуацию, когда результаты применения методов выступают исходной основой для планирования управленческих воздействий на последующем этапе управления рисками. Кроме того, на современном этапе развития методологии системы управления рисками не находит практического воплощения практика корректировки алгоритмов конкретных методов с учетом потребностей интегрированных предпринимательских структур, подверженных постоянным трансформациям.

Результаты исследования

Методы, применяемые в рамках классической и неклассической концепции в системе управления рисками, демонстрируют признаки эволюционного развития, постоянно совершенствуются применяемые алгоритмы и инструменты. Исходя из этого можно отметить, что методология системы управления рисками к настоящему моменту разработана. Вместе с тем проведенное исследование показало, что применяемые методы имеют присущие им ограничения и недостатки.

1. Проблемы на этапе идентификации рисков. На данном этапе чаще всего находят применение, во-первых, метод глубинного интервью (когда интервью, преследующее цель выявления ключевых рисков предпринимательской структуры, проводится с одним специалистом); во-вторых, метод группового интервью (когда работа по выявлению риска ведется в ходе интервьюирования специалистов, представленных группами конфликта, «десантными», синектическими и прочими группами); в-третьих, метод мозговой атаки (когда работа по выявлению риска ведется путем обсуждения в группе специалистов по профилю рисков предпринимательской структуры). Реализация каждого из этих методов сопряжена с определенными сложностями.

Метод глубинного интервью сопряжен с необходимостью привлечения квалифицированных специалистов, которых нелегко найти. Кроме того, на качество результатов интервью в

данном случае оказывают существенное влияние личность и профессионализм интервьюера, а также субъективность мнений экспертов [16, с. 77]. Негативно следует охарактеризовать наличие временного лага между моментом получения данных опросов и моментом, когда эти данные проходят проверку путем сопоставления с реальной рыночной ситуацией.

Среди возможных проблем применения метода группового интервью с целью идентификации ключевых рисков предпринимательской структуры следует отметить: во-первых, субъективный подход в понимании сущности рисков и степени опасности генерируемых ими последствий; во-вторых, наличие определенного психологического влияния и даже давления, которое респонденты оказывают друг на друга; в-третьих, усложнение интерпретации результатов из-за неструктурированности ответов интервьюируемых специалистов. В результате применение данного метода может привести, во-первых, к акцентированию внимания на несущественных рисках, а во-вторых, на выдвижении ошибочных гипотез о несущественности катастрофических для предпринимательской структуры рисков.

Метод мозгового штурма, как и метод группового интервью имеет сложность в создании непринужденной атмосферы и исключении влияния должностных взаимоотношений специалистов предпринимательской структуры. Также может иметь место весьма существенное влияние на работу группы находящихся в ней формальных и неформальных лидеров. Идеальную ситуацию, когда эксперты по рискам имеют одинаковую квалификацию, одинаковую харизму и нейтральное отношение друг к другу, на практике создать практически невозможно. В ходе обсуждения рисков может иметь место сложность создания ситуации абсолютно свободного высказывания мнений экспертов из-за боязни подвергнуться обструкции со стороны других участников. В результате может сложиться ситуация, когда верная информация о рисках предпринимательской структуры может быть не высказана из-за сложившейся ситуации, не благоприятствующей этому. Кроме того, когда идентификация рисков предпринимательской структуры осуществляется в группе, становится не ясно, кто конкретно несет ответственность за полноту и качество проведенной работы на данном этапе управления рисками.

2. С реализацией этапа оценки рисков также связаны существенные проблемы. Прежде всего, следует отметить, что в современных методиках оценки рисков не достигнут баланс между точностью прогноза и сложностью расчетов. Количественной оценке рисков предоставляется преимущество в результате ее большей информативности, однако некоторые риски достаточно трудно количественно оценить, и не всегда целесообразно проводить их количественную оценку. Также отсутствует математический аппарат выбора конкретного метода оценки и управления риском или их комбинации. Такой выбор осуществляется преимущественно интуитивно и на основе прошлого (не всегда обоснованного) опыта. Кроме того, следует отметить, что каждая из групп методов, применяемых для оценки рисков, имеет существенные ограничения.

Для статистических методов такими ограничениями являются:

– необходимость располагать значительными массивами исторической информации. Поскольку для методов этой группы необходим большой массив исходной информации, это означает, что только созданная или прошедшая этап трансформации предпринимательская структура статистические методы для оценки рисков использовать будет не в состоянии. Вполне возможно, что накопленный опыт не будет применим из-за весьма быстрого устаревания информации в связи с существенными изменениями как окружающей среды, так и внутренних трансформаций;

– действие рискогенерирующих факторов, которые нельзя описать статистическими закономерностями. Статистические методы хорошо «работают» в условиях линейного развития экономики. При этом предполагается, что неопределенность (непрогнозируемость) экономических параметров (как основной причины возникновения рисков) может быть вызвана стационарным стохастическим распределением флуктуаций параметров производственной системы и внешней среды и (или) отсутствием информации о возможных изменениях этих параметров, даже если эти показатели не имеют ярко выраженного стохастического характера;

– констатация событий, которые уже произошли и повлиять на которые уже невозможно, так как это не более чем результат фиксированного сочетания некоторого комплекса рискогенерирующих факторов. В связи с этим делать прогнозы (на следующем этапе) на основе полу-

ченных таким образом результатов относительно будущего предпринимательской структуры не вполне корректно;

– оперирование часто малоинформативными величинами (например, показателями вероятности проявления риска, среднеквадратического отклонения, семивариации и пр.) не дает возможности оценить такой весомый показатель, как величина непосредственного ущерба, который может иметь место в результате проявления того или иного риска. При этом следует отметить, что в оценке риска большую роль играет не только вероятность, с которой ущерб является возможным, но и сама величина ущерба. Не менее важным является и сопоставление этого статистического показателя с имущественным состоянием предпринимательской структуры, которая находится в рискованной ситуации, поскольку потери, которые для одной структуры являются недопустимыми, для другой — могут оказаться незначительными. Дисперсия также не может достаточно полно отражать степень риска из-за того, что, сигнализируя о наличии риска, она скрывает направление отклонения от ожидаемого значения. Устранить этот изъян в условиях недостатка информации невозможно;

– возможность неправильного выбора модели для оценки рисков с помощью методов из данной группы. Безусловно, финансовые и политические катаклизмы не могли не отразиться на деятельности отечественных предпринимательских структур, поэтому экстраполяция результатов статистического анализа, скорее всего, будет некорректной;

– сложность обоснования определенных критериев для различных по значимости рисков;

– восприятие риска как целостной величины без анализа источников возникновения риска;

– малоэффективность в условиях, во-первых, разнонаправленных изменений, поскольку результаты их реализации соответствуют ситуации прошлых периодов; во-вторых, при анализе в совершенно новых для предпринимательской структуры условиях.

В качестве наиболее часто применяемых расчетно-аналитических методов оценки рисков следует назвать: метод анализа чувствительности проекта (или предпринимательской структуры в целом) к рискам, метод «дерева решений» и пр. Для методов этой группы основными недостатками выступают: во-первых, необходимость (как и при применении статистических методов) наличия значительного объема исходной информации; во-вторых, отсутствие возможности учета взаимного влияния рискогенерирующих факторов; в-третьих, необходимость учета всех потенциальных вариантов развития событий; в-четвертых, определенная степень субъективизма оценок.

Метод анализа чувствительности к рискам основан на предпосылке о том, что изменение одного фактора рассматривается изолированно, тогда как на практике все рискогенерирующие факторы в той или иной степени коррелированы между собой. Для проведения анализа чувствительности требуется аналитически описать зависимость показателей функционирования предпринимательской структуры от ряда факторов, что не всегда возможно осуществить на практике. Кроме того, с помощью данного метода можно установить диапазон допустимых значений исходных величин (так называемый «запас прочности»), но каким будет это изменение на самом деле, данный метод установить не позволяет.

Применение метода «дерева решений» генерирует трудности оценки рисков, связанных с теми или иными решениями, а также не позволяет осуществить оценку степени влияния этих рисков на развитие событий в будущем. Ограничением практического использования данного метода является и исходная предпосылка о том, что любой проект (как и предпринимательская структура в целом) должен иметь обозримое или разумное число вариантов развития.

Определенные проблемы связаны и с применением экспертных методов оценки рисков. Это и высокая зависимость от субъективного мнения экспертов и от их квалификации (в частности, от наличия опыта эксперта в узких вопросах); и сложность в привлечении экспертов, которые действительно имеют необходимый опыт; и высокие издержки, связанные с оплатой труда экспертов [2, с. 856–879]. Таким образом, учитывая большую условность экспертных методов, их субъективный характер, а также другие недостатки, такие как возможная некомпетентность экспертов или их заинтересованность в результатах оценки, некоторые специалисты относятся к методу экспертных оценок с недоверием, считая, что нет гарантии того, что полученные оценки являются достоверными [1, с. 97].

Наиболее известными экспертными методами, используемыми для оценки рисков предпри-

нимательских структур, являются метод «Делфи» и метод разработки сценариев. В частности, помимо необходимости тратить значительное время на реализацию многоэтапной процедуры, а также наличия фактора субъективизма мнений экспертов, метод «Делфи» характеризуется следующими недостатками:

1. При рассмотрении оценок группы экспертов оценка, слишком отличная от других, практически исключается, несмотря на то, что она может оказаться более достоверной, чем другие оценки, т. е. большинство экспертов могут сойтись в ошибочной оценке того или иного риска предпринимательской структуры. Но подобные отклонения, по мнению авторов метода «Делфи», компенсируются в определенной степени тем, что эксперта, не согласного с большинством, просят высказать причины своего несогласия [7, с. 108]. Все эксперты имеют возможность ознакомиться с этими причинами и могут принять их во внимание или отбросить, пересмотреть, переоценить свое мнение или нет;

2. Ответы компетентных экспертов разбавляются оценками менее информированных специалистов.

Применяемый в ходе оценки рисков метод разработки сценариев также имеет существенные недостатки, которые проявляются:

1. В неопределенности границ разрабатываемых сценариев развития предпринимательской структуры и генерируемых в ходе этого процесса рисков;

2. В необходимости существенных затрат времени. Так, если число факторов не очень велико, то, применяя рассматриваемый метод, необходимо не менее 20 человеко-недель, чтобы получить достаточно верные результаты исследования рисков предпринимательских структур [6, с. 242].

Таким образом, при количественном анализе риска могут быть использованы различные методы оценки. Однако, помимо описанных выше недостатков каждой группы методов, следует отметить, что на современном этапе развития методологии системы управления рисками не находит практического воплощения практика корректировки алгоритмов конкретных методов с учетом потребностей предпринимательских структур, подверженных постоянным трансформациям. В частности, методы, используемые в настоящее время с целью оценки рисков, не учитывают специфику действия современных рискогенерирующих факторов. Следовательно, практически не рассматривается необходимость оценки негативного синергетического эффекта, получаемого в результате совокупного влияния комплекса рисков. Важность такой оценки обусловлена тем, что некоторые риски могут усиливать негативные последствия действия других рисков. Важность данного обстоятельства продиктована тем, что любой метод оценки риска имеет целью максимальное приближение к реальному результату, но не позволяет в полной мере избежать ошибок.

3. Проблемы на этапе прогнозирования рисков. На этапе прогнозирования рисков, следующим за этапом их оценки, применяют две группы методов: фактографические и экспертные методы.

Фактографические методы (анализ временных рядов, корреляционно-регрессионный анализ, экономико-математическое моделирование и т. п.) в той или иной степени предполагают экстраполяцию выявленных тенденций на будущее. Источником исходных данных для применения фактографических методов выступают результаты применения статистических методов на этапе оценки рисков предпринимательских структур. Соответственно, ограничения, присущие данной группе методов, коррелируют с проблемами, связанными с применением статистических методов в ходе оценки рисков. В частности, проблемы метода экстраполяции можно интерпретировать следующим образом:

– при прогнозировании не всегда имеет смысл полагаться на прежний опыт работы. Ситуации «тогда» и «сейчас» могут принципиально отличаться друг от друга, и в лучшем случае экстраполяция может привести к появлению неоправданно завышенных ожиданий относительно рисков, которые могут проявиться в будущем [4, с. 138];

– любая неожиданность, нарушающая прежний ход вещей, резко понижает точность прогнозов, основанных на экстраполяции;

– далеко не всегда кривые развития предпринимательских структур в целом и, например, процессов трансформации этих структур в частности проходят «гладко», без скачков. Поэто-

му все экстраполяционные методы прогнозирования рисков основаны либо на усреднении (выравнивании), либо на определении неких паттернов, повторяющихся между пиковыми значениями. Это помогает составить прогнозы на основе общих «трендов». Но ответа на вопрос, «как быть, если пики и спады обусловлены не учтенными ранее рискогенерируемыми факторами», метод экстраполяции ответа не дает.

Примером метода прогнозирования рисков, в основе которого лежит экономико-математическое моделирование, является метод индикаторов. Реализация этого метода сопряжена с проблемами, во-первых, формирования набора индикаторов (в результате для прогнозирования риска можно использовать «не ту зависимость»); во-вторых, выбора лидирующего индикатора; в-третьих, нестабильности периода упреждения для формирования прогноза (при этом сама взаимосвязь между индикаторами также может изменяться во времени).

Экспертные методы прогнозирования базируются на тех же подходах, что и методы оценки рисков, предполагающие привлечение экспертов. Соответственно, применение этих методов связано с аналогичными описанными выше проблемами.

4. На этапе мониторинга рисков находит преимущественное применение метод анализа отклонений. Учитывая специфику предметного поля деятельности риск-менеджера, следует отметить, что отклонения оцениваются по основным индикаторам риска. Применение данного метода также сопряжено с существенными проблемами. В частности, данный метод, во-первых, анализирует прошлое и не направлен в будущее; во-вторых, недостаточно гибкий для того, чтобы выявить проблему на ранней стадии; в-третьих, не структурирован и не персонализирован, чтобы способствовать развитию индивидуальной ответственности риск-менеджмента.

Суммируя результаты проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что проблемы применения существующих методов идентификации, оценки, прогнозирования и мониторинга рисков свидетельствуют о серьезной необходимости их дальнейшего развития. Ситуацию осложняет то, что методы, применяемые на отдельных этапах, не обладают свойством интегрированности в систему, т. е. отсутствует преемственность, под которой в рассматриваемом контексте следует понимать ситуацию, когда результаты применения методов выступают исходной основой для применения методов другой группы, а также при планировании управленческих воздействий на этапе управления рисками. Автор считает необходимым не только дальнейшее развитие имеющихся методов, но и создание комплексного метода оценки рисков, который бы комбинировал в себе преимущества разработанных методов и одновременно минимизировал их недостатки.

Основные выводы

Рассматривая общие особенности применения методологии управления рисками в отечественных предпринимательских структурах, можно обозначить следующие проблемы, ограничения и тенденции:

- отечественные предпринимательские структуры преимущественно используют лишь несколько отдельных инструментов управления рисками, не связывая их с финансовой составляющей;
- крупные отечественные компании применяют, в основном, относительно простые (преимущественно качественные) методы анализа потенциальных рисков (интервьюирования, анкетирования, реже — экспертной оценки), что не позволяет в полной мере решать поставленные задачи;
- предлагаемые зарубежные подходы к моделированию значений рыночных риск-факторов для расчета различных риск-метрик не всегда применимы в условиях российской бизнес-среды в связи с переходным характером ее экономических процессов;
- слабодоступная (внешняя) и зачастую искаженная (внутренняя) релевантная статистическая информация значительно затрудняет применение количественных методов риск-менеджмента;
- отечественные предпринимательские структуры преимущественно акцентируют свое внимание на управлении внутренними рисками (без учета внешних рискогенерирующих факторов) с применением методологии уклонения от рисков и сокращения рисков, а также внеш-

него страхования отдельных рисков;

– положительными тенденциями являются постепенное развитие отечественного внутреннего аудита рисков как эффективного метода риск-контроля, развитие научной мысли в отдельных направлениях оценки и прогнозирования рисков (разработка технологий управления рисками на основе логико-вероятностных моделей, моделирование с использованием нейронных сетей и так далее).

Литература

1. Бочаров С. В., Коришунув И. А. Использование метода экспертных оценок при определении инвестиционной привлекательности научно-технических инноваций // *Инновации*. — 2006. — № 3. — С. 97–98.
2. Гущина Л. С., Васильков Ю. В. Применение экспертных оценок при анализе внутренних рисков организаций // *В мире научных открытий*. — 2015. — № 8.2 (68). — С. 856–879.
3. Дроботова О. О. Идентификация проектно-экономических рисков, связанных с деятельностью руководителя проектов // *Экономика и предпринимательство*. — 2014. — № 12-3 (53-3). — С. 649–652.
4. Дюкина Т. О. Управление рисками с использованием статистических методов // *Известия Международной академии аграрного образования*. — 2013. — № 18. С. 135–141.
5. Качалов Р. М. Комплексное управление хозяйственным риском // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. — 2006. — № 11. — С. 3–10.
6. Коротков А. В. *Маркетинговые исследования: Учеб. пособие для вузов*. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 304 с.
7. Кузнецов С. Ю. Методы обработки экспертных оценок в задачах ранжирования альтернатив // *Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Экономическая безопасность России и стратегии развития ее регионов в современных условиях»*. — 2015. — С. 107–110.
8. Локоть Д. И. Применимость существующих методов оценки и минимизации рисков в управлении рисками инвестиционно-строительных проектов // *Экономические науки*. — 2013. — № 108. — С. 58–63, 60–61.
9. Лысенко Д. Управление рисками // *Аудит и налогообложение*. — 2010. — № 3. — С. 2–8.
10. Лякишев М. С. Методический подход к идентификации экономико-экологических рисков в предпринимательской деятельности // *Экономические науки*. — 2009. — № 57. — С. 210–213.
11. Найшулер И. Б. Идентификация рисков и управление ими при постановке продукции на производство // *Известия высших учебных заведений. Авиационная техника*. — 2008. — № 4. — С. 74–77.
12. Покровский А. К. *Риск-менеджмент на предприятиях промышленности и транспорта: учебное пособие*. — М.: Кнорус, 2011. — 160 с.
13. Рудаковская Г. А. Система управления с экспертными оценками // *Фундаментальные исследования*. — 2012. — № 9–3. — С. 681–684.
14. Рыхтикова Н. А. Особенности применения технологий идентификации рисков в рамках современного риск-менеджмента организаций в России // *Менеджмент в России и за рубежом*. — 2009. — № 1. — С. 101–108.
15. Скворцова Н. А. Многофакторная идентификация рисков инновационного проекта // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. — 2009. — № 2-2. — С. 123–129.
16. Соловьева Д. В. Применение метода глубинных интервью в маркетинговом анализе // *Вестник ИНЖЭКОНа. — Серия: Экономика*. — 2013. — № 3 (62). — С. 75–84.
17. Фомичев А. Н. *Риск-менеджмент: Учебное пособие, 2-е изд.* — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2006. — 292 с.
18. Шевела Ю. В., Дроботова О. О. Идентификация проектно-экономических рисков, связанных с деятельностью руководителя проектов // *Экономика и предпринимательство*. — 2014. — № 12-3 (53-3). — С. 649–652.

References:

1. Bocharov S. V., Korshunov I. A. the Use of expert judgment in assessment of investment attractiveness of scientific and technological innovation // *Innovations*. — 2006. — No. 3. — P. 97-98.
2. Gushchina, L. S., Vasilkov Yu. V. Application of expert evaluations in the analysis of internal risks, organizations // *In the world of scientific discovery*. — 2015. — № 8.2 (68). — S. 856-879.
3. Drobotov O. Identification of project and economic risks associated with the activities of the project Manager // *Economics and entrepreneurship*. — 2014. — № 12-3 (53-3). — P. 649-652.
4. Dokina T. O. risk Management using statistical methods // *proceedings of the International Academy of agrarian education*. — 2013. — No. 18. P. 135-141.
5. Kachalov R. M. an Integrated business risk management // *Property relations in the Russian Federation*. — 2006. — No. 11. — P. 3-10.
6. Korotkov V. A. *Marketing research: Proc. the manual for high schools*. — M.: YUNITI-DANA, 2005. — 304 p.
7. Kuznetsov S. Yu., *Methods of processing of expert estimates in problems of ranking alternatives // Collection of scientific works of the International scientific-practical conference Economic security of Russia and strategy of development of its regions in modern conditions.* — 2015. — P. 107-110.
8. Elbow D. I. Applicability of existing methods of assessment and minimisation of risks in the risk management of construction investment projects // *Economics*. — 2013. — No. 108. — P. 58-63, 60-61.

9. Lysenko D. *risk Management // Audit and taxation.* — 2010. — No. 3. — S. 2-8.
10. Liakishev M. S. *Methodical approach to identify economic and environmental risks in business activities // Economic science.* — 2009. — No. 57. — P. 210-213.
11. Neishuler I. B. *Identification and management of risks in the formulation of products for manufacture // news of higher educational institutions. Aviation equipment.* — 2008. — No. 4. — Pp. 74-77.
12. Pokrovsky A. K. *Risk management at the enterprises of industry and transport: a tutorial.* — M.: KnoRus, 2011. — 160 p.
13. Rudakovskaya G. A. *control System with expert assessments // Fundamental research.* — 2012. No. 9-3. — P. 681-684.
14. Rykhtikov N. A. *Features of application of technologies of risk identification within the framework of modern risk management in Russia // Management in Russia and abroad.* — 2009. — No. 1. — S. 101-108.
15. Skvortsova N. A. *Multifactor risk identification of the innovative project // proceedings of the Tula state University. Economic and legal Sciences.* — 2009. No. 2-2. — S. 123-129.
16. Solovieva D. V. *application of the method in-depth interviews in the marketing analysis] // Vestnik EN-GECON. — Series: Economics.* — 2013. — № 3 (62). — P. 75-84.
17. Fomichev A. N. *Risk management: a Training manual, 2nd ed.* — M.: Publishing and trading Corporation Dashkov and Co,"2006. — 292 p.
18. Shevela, Yu., Drobotov O. *Identification of project and economic risks associated with the activities of the project Manager // Economics and entrepreneurship.* — 2014. — № 12-3 (53-3). — P. 649-652.

НГУЕН КУОК ХУНГ

к.э.н., научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН,
e-mail: hunghoiluatgia@gmail.com

ОТНОШЕНИЯ ВЬЕТНАМА С ЛАОСОМ И КАМБОДЖЕЙ: ПУТЬ К ОБЪЕДИНЕНИЮ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОГО РЕШЕНИЯ КРУПНЫХ ПРОБЛЕМ СТРАН ИНДОКИТАЯ

Аннотация. Лаос и Камбоджа входят в зону соседства с Вьетнамом. Эти три страны успешно развивают двусторонние связи и осуществляют совместные инвестиционные проекты. Вьетнам, Лаос и Камбоджа — члены АСЕАН. Они ставят задачу сокращения разрыва с более развитой пятеркой других членов АСЕАН и участия в общих инвестиционных проектах. Вьетнам — один из главных спонсоров Лаоса и Камбоджи и их стратегический внешнеполитический партнер в непростой ситуации, поскольку сегодня усилена конкурентная борьба между США и Китаем за усиление своего влияния на Лаос и Камбоджу. **Цель.** Провести анализ отношений Вьетнама с Лаосом и Камбоджей в широком формате двусторонних и многосторонних отношений. **Задача.** Изучить динамику, структуру торговли, инвестпроектов Вьетнама в Лаосе, Камбодже, отношения в «Треугольнике соседства» Вьетнама, Лаоса, Камбоджи. **Результаты.** Доказана взаимовыгодность и заинтересованность трех стран Индокитая в продолжении наращивания торгово-инвестиционных связей и решения проблем безопасности, в том числе экологической безопасности, возникшей по поводу разрушения главного водного ресурса региона — реки Меконг.

Ключевые слова: Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Китай, АСЕАН, река Меконг, торговля, инвестиции.

NGUYEN QUOC HUNG

Ph. D., researcher, Center for Russian strategy in Asia, Institute of Economics, RAS,
e-mail: hunghoiluatgia@gmail.com

THE RELATIONS OF VIETNAM WITH LAOS AND CAMBODIA: THE ROAD TO A UNION FOR A COLLECTIVE SOLUTION OF LARGE PROBLEMS OF THE SOUTHEAST ASIAN PENINSULA COUNTRIES

Abstract. Laos and Cambodia are part of the neighbouring zone with Vietnam. These three countries are successfully developing bilateral connections and performing joint investment projects. Vietnam, Laos and Cambodia are members of the ASEAN, and set forth a task of reducing the gap between a more developed five other members of the ASEAN and participating in joint investment projects. Vietnam is one of the main sponsors of Laos and Cambodia, and their strategic foreign policy partner, in a complicated situation. As of today the competitive battle between the USA and China has intensified over strengthening their influence on Laos and Cambodia. **The goal.** Performing an analysis of relations of Vietnam with Laos and Cambodia in the wide format of bilateral and multi-sided relations. **The task.** Studying the dynamics, structure of trade, investment projects of Vietnam in Laos, Cambodia, relations in the “Neighbouring triangle” of Vietnam, Laos, Cambodia. **The results.** It has been proven that there is a mutually beneficial relationship and interest of three Southeast Asian Peninsula countries in continuing increasing trade and investment connections and solving the problems of security, including environmental security, that arose due to the destruction of the main water resource of the Mekong river region.

Keywords: Vietnam, Laos, Cambodia, China, ASEAN, the Mekong river, trade, investments.

В зону соседства Вьетнама входят граничащие с ним Китай, Лаос, Камбоджа, и поэтому межгосударственные отношения между ними отражают национальные интересы каждой из четырех стран. В центре этих интересов после окончания военной агрессии США против Вьетнама находилась Камбоджа.

В 1975–1978 годах в Камбодже к власти пришел контрреволюционный режим «красных кхмеров», возглавлявшийся Пол Потом, который впоследствии был осужден международным трибуналом за геноцид своего народа. Режим Пол Пота проводил крайне враждебную политику в отношении СРВ и при этом опирался на экономическую помощь и военную поддержку со стороны КНР.

В декабре 1978 года Вьетнамская народная армия, действуя совместно с вооруженными силами Единого фронта национального спасения Камбоджи, развернула широкомасштабные военные действия, что обеспечило свержение 10 января 1979 года полпотовского режима и провозглашение Республики Кампучия¹. В ответ на это 17 февраля 1979 года на всем протяжении китайско-вьетнамской границы войска КНР атаковали опорные пункты Вьетнамской народной армии. Однако уже через месяц, столкнувшись с решительным отпором вьетнамских вооруженных сил, КНР была вынуждена вывести свои войска с территории Северного Вьетнама.

Более 10 лет отношения между Китаем и Вьетнамом носили конфронтационный характер, но в середине 1986 года Ханой заявил о готовности вести переговоры с КНР с тем, чтобы «выработать любое приемлемое для обеих сторон решение». Вывод вьетнамских войск из Камбоджи в 1989 году временно установил статус-кво в отношениях Вьетнама с Китаем.

В отношениях с Камбоджей руководство Вьетнама сейчас обращает особое внимание на непростую внутривластную обстановку из-за усиления противостояния между правящей Народной партией Камбоджи (НПК) и оппозиционной, но пользующейся поддержкой и доверием среди части населения Партией национального спасения Камбоджи (ПНСК). Это противостояние возникло давно и постепенно набирает обороты в результате умелого использования оппозицией допущенных нынешним руководством ошибок.

Состоявшийся в январе 2015 года внеочередной чрезвычайный съезд НПК подверг резкой критике политику партии и лично премьер-министра Хун Сена. Причиной ослабления партии стали коррупция, nepotизм, злоупотребление властью, несоблюдение законов. Несмотря на критику, обновления руководящего состава ЦК партии не произошло. В состав Центрального комитета введены 306 новых членов, в результате численность членов ЦК НПК почти удвоилась, достигнув 545 человек, но новых людей в партийном руководстве не появилось.

Предполагалось, что на съезде будут предприняты некоторые шаги, направленные на отход от единоличного лидерства премьер-министра и председателя НПК Хун Сена. Сменив генсека Чеа Сима, скончавшегося в июне 2015 года, Хун Сен сосредоточил в своих руках всю полноту административной и партийной власти. В борьбе с оппозицией Хун Сен ориентируется на поддержание Китая и на влиятельную китайскую диаспору в Камбодже.

Вьетнам пока вынужден ориентироваться в сотрудничестве на Хун Сена и его Кабинет министров. В случае победы оппозиционной Партии национального спасения Камбоджи на очередных парламентских выборах в 2018 году новые лидеры ужесточат отношение к вьетнамским мигрантам. Могут быть денонсированы подписанные ранее с Вьетнамом соглашения, включая территориальные соглашения от 1985 и 2005 годов, в соответствии с которыми были проведены работы по демаркации 83 % границы между Камбоджей и Вьетнамом.

С Лаосом у Вьетнама постоянно сохраняются ровные, бесконфликтные отношения, не было ни пограничных, ни каких-либо межгосударственных противоречий и трений. Лаос верный и надежный партнер Вьетнама по взаимодействию в АСЕАН. Но и в этой стране Вьетнам столкнулся с новыми реалиями из-за возрастающего интереса американской администрации. На очередном саммите АСЕАН в Лаосе в 2016 году лично присутствовал президент США Барак Обама.

Барак Обама стал первым американским президентом, который посетил в 2016 году Лаос, КНР сейчас главный участник среди иностранных государств, участвующих в модернизации лаосской экономики. На долю Пекина в 2015 году приходилось 50 % внешнего долга Лаоса.

¹ Название страны Кампучия впоследствии было заменено на Камбоджу.

Объем лицензирования китайских прямых инвестиций составил 6 млрд долл. Вьетнамские прямые инвестиции в экономику Лаоса достигли в 2013 году 4,6 млрд долл. Тем не менее в зарубежных прямых инвестициях Вьетнама Лаос сохранил 1-е место.

Лаос и Камбоджа — торговые партнеры Вьетнама.

В торговле Вьетнама с Лаосом, по данным на 2015 год, выявлены следующие тенденции. Она почти сбалансирована, так как экспорт Вьетнама в Лаос составил в 2015 году 0,5 млрд долл., а импорт из Лаоса — 0,58 млрд долл. Однако в торговле Вьетнама с Камбоджей сохраняется профицит в пользу Вьетнама. Экспорт Вьетнама в Камбоджу в 2015 году был равен 2,4 млрд долл., импорт из Камбоджи во Вьетнам — 1 млрд долл.

Препятствием росту торговых отношений Вьетнама с Лаосом и Камбоджей мешают низкий уровень производства и объема ВВП. В расчете по паритету покупательной способности ВВП на душу населения в 2014 году в Лаосе составил 5,3 тыс. долл., в Камбодже — 3,2 тыс. долл., в разы уступая развитым членам АСЕАН. Так, например, в 2014 году ВВП на душу населения по ППС в Сингапуре был равен 82,7 тыс. долл., Малайзии — 25,6 тыс. долл., Таиланде — 15,7 тыс. долл.

Лаос и Камбоджа — не крупные страны с общей численностью населения в 2015 году 6,9 млн человек (Лаос) и 15,4 млн человек (Камбоджа). Но их сравнительным преимуществом в АСЕАН стали устойчиво высокие темпы роста ВВП: в 2010 и 2014 годах рост ВВП в Лаосе — 6,2 % и 7 %, рост ВВП за эти годы в Камбодже — 6 % и 7 % [2].

Три страны Индокитая осуществляют согласованную политику по организации Ассоциации развития экономического сотрудничества (АРЭС). Ее задача заключается в содействии расширению двусторонних и многосторонних связей. В АРЭС входят 500 ведущих предприятий, компаний и фирм, а также представители деловых кругов трех государств Индокитая. Основная сфера деятельности АРЭС — подготовка и проведение крупных региональных бизнес-форумов и торговых выставок.

В «Треугольнике развития CLV» (Камбоджа, Лаос, Вьетнам) есть непростая проблема преодоления существенного разрыва в экономическом развитии со странами пятерки развитых членов АСЕАН.

25 ноября 2014 года в столице Лаоса Вьентьяне состоялась 8-я конференция CLV на уровне глав правительств. К 9-й конференции в Камбодже в 2016 году был подготовлен комплексный план трехстороннего экономического сотрудничества, который направлен на решение этой задачи.

В сферу взаимодействия «Треугольника развития CLV» с другими членами АСЕАН входит проблема по регулированию конфликтов КНР с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Индонезией и Брунеем в Южно-Китайском море относительно национальной принадлежности спорных островов и атоллов. По заявлению министра иностранных дел СРВ Фам Бинь Миня, прозвучавшего 5 января 2015 года, Вьетнам намерен совместно с членами АСЕАН и мировым сообществом искать пути к взаимопониманию и доверию в решении этой сложной проблемы, в том числе содействовать выполнению Декларации 2002 года о поведении сторон в ЮКМ (DOC) и добиваться начала переговоров о разработке юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ (COC). Это необходимо для стабильности, гарантии свободы и полной безопасности судоходства и воздушного сообщения в Южно-Китайском море. Общая цель стран АСЕАН — это превращение Южно-Китайского моря в регион мира, дружбы и сотрудничества [5].

В число коллективно решаемых проблем трех стран Индокитая входит проблема реки Меконг.

Имея протяженность более 4 800 км и более 30 основных притоков, река Меконг является крупнейшей в Юго-Восточной Азии и 11-й по величине рекой в мире. Жизнеобеспечение более чем 75 % населения, живущего около нее, зависит от возможности развивать сельское хозяйство, речной промысел, обеспечивать сохранность тропических лесов.

К проблеме реки Меконг подключилась Япония — один из основных членов группы доноров Официальной помощи развитию. Токио определил три горизонта сотрудничества в бассейне реки Меконг:

– укрепление связей стран бассейна Меконга между собой и другими государствами регио-

на;

– активизация экономического, торгового сотрудничества, усиление экономического потенциала хозяйствующих субъектов в бассейне Меконга;

– сотрудничество в области охраны окружающей среды и обеспечения безопасности жизнедеятельности человека в бассейне реки Меконг [1].

Река Меконг протекает по территории 6 стран, включая Китай, Мьянму, Таиланд, Лаос, Камбоджу и Вьетнам.

В верховьях Меконга на действующие и строящиеся плотины гидроэлектростанций Китая и Лаоса приходится 16 % от общего объема воды (475 млрд кубометров/год). Завершение строительства ГЭС сократит в 2 раза нынешний водный ресурс Меконга, произойдут изменения течения русла реки и возрастет масса наносов в нижней его части.

Таиланд, Лаос и Камбоджа используют водный ресурс реки Меконг для развития сельского хозяйства, общая обрабатываемая площадь земли составляет 1,8 млн га [3].

В низовьях реки Меконг из-за того, что была создана сеть каналов для уменьшения кислотности почв, предотвращения паводковых наводнений, для орошения и строительства транспортных дорог, были уничтожены почти все мангровые леса.

По существу на реке Меконг назревает экологическая катастрофа подобно той, которая произошла на реке Миссисипи в США. Ученые-экологи из разных стран предупреждают: жизнь 54,7 млн жителей Индокитая зависит от реки Меконг, и люди на Меконге будут первыми пострадавшими, если река «разгневется». По мнению американских ученых, уроки экологической катастрофы на Миссисипи необходимо учитывать при использовании таких крупных рек, как Меконг. Тщательный анализ последствий от разрушительного воздействия человека, как и последствий от изменения климата, будет иметь громадное значение для той части населения земного шара, существование которого полностью зависит от поведения больших рек.

Выступая на XX саммите АТЭС в сентябре 2012 года во Владивостоке президент Вьетнама Чыонг Тан Шанг заявил, что Вьетнам предложил странам, расположенным вдоль реки Меконг, скоординировать усилия, направленные на совместное управление его водными ресурсами. Токийская стратегия Японии должна быть дополнена разработкой совместной программы действий КНР и стран Индокитая, непосредственно связанных с рекой Меконг [4].

Литература

1. Нгуен Куок Хунг, Фам Тхань Суан. Река Меконг — стратегический ресурс Индокитая: взгляд из Вьетнама // *Восточная и Юго-Восточная Азия-2012: конфликты, интеграция, экономика, реформы*. М. Институт экономики РАН. — 2013. — С. 220.
2. *Statistical Yearbook of Vietnam. 2015. Hanoi. P. 552, 836, 895.*
3. *An electronic resource. Access mode: www.thesaigontimes.vn, free. Heading from the screen.*
4. *An electronic resource. Access mode: www.rusapec2012.ru, free. Heading from the screen.*
5. *An electronic resource. Access mode: www.Bo ngoai giao 05.01.2015 (МИД СРВ 5 января 2015 г.), free. Heading from the screen.*

References:

1. Nguyen Quoc Hung, Pham Thanh Xuan. *The Mekong river is a strategic resource of Indochina: a view from Vietnam // East and Southeast Asia 2012: conflict, integration, economy, reform*. M. Institute of Economics, RAS. — 2013. — P. 220.
2. *Statistical Yearbook of Vietnam. 2015. Hanoi. P. 552, 836, 895.*
3. *Electronic resource. Mode of access: www.thesaigontimes.vn free. The title of the screen.*
4. *Electronic resource. Mode of access: www.rusapec2012.ru free. The title of the screen.*
5. *Electronic resource. Mode of access: www.Bo ngoai 05.01.2015 Jean (MFA Vietnam January 5, 2015), for free. The title of the screen.*

ЗОИДОВ КОБИЛЖОН ХОДЖИЕВИЧ

к.ф.-м.н., заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство
ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: kobiljonz@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. ЧАСТЬ V¹

Аннотация. Предмет. В статье рассматриваются социально-экономическое описание основных тенденций развития и моделирование циклической динамики структурных изменений в экономике стран Балтии. К основным участникам Балтии территориально относят Латвию, Литву и Эстонию. **Цель работы.** С позиций эволюционно-институциональной теории и методов производственных зависимостей были рассмотрены базовые аспекты проблемы развития социально-экономической системы стран Европейской части СНГ, стран ЦА и стран Южного Кавказа в стратегической перспективе. **Методология проведения работы.** Проведен ретроспективный анализ циклической динамики структурных изменений в социально-экономической системе стран Балтии в период 1991–2015 гг. методом производственных зависимостей. **Результаты работы.** Основная суть регулирования циклической динамики структурных изменений в экономике заключается в принятии своевременных мер самого различного характера, чтобы не допустить «перегрева» экономики и избежать резкого и глубокого падения производства, тяжёлой кризисной цикличности и продолжительной депрессии в условиях нестабильности мировых цен на сырьевые ресурсы. Характерной чертой циклического развития экономики стран Балтии является её бурный рост, особенно после вступления этих стран в ЕС. Наиболее динамично развивающимся стал сектор услуг, который за последние десять лет стал более диверсифицированным, активно развивается сектор информационных услуг. Параллельно развивался и сектор общественных услуг, предоставляемых государством. **Выводы.** Сформулированы механизмы регулирования циклической динамики структурных изменений и разработаны предложения по совершенствованию основного направления эффективной стратегии развития в условиях интеграции в рамках ЕС. **Область применения результатов.** Рассмотренные в статье механизмы регулирования циклической динамики структурных изменений могут быть использованы для совершенствования и модернизации экономики стран Балтии при становлении на путь устойчивого развития. **Ключевые слова:** страны Балтии, циклические структурные изменения, социально-экономические кризисы, производственные зависимости, модернизация, интеграционные процессы.

ZOIDOV KOBILZHON KHODZHIEVICH

Phys.-PhD, head of the laboratory of integration of Russian economy into the world economy FSBI
"Institute of market problems, Russian Academy of Sciences", e-mail: kobiljonz@mail.ru

MODELLING OF THE CYCLIC DYNAMICS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE. PART V

Abstract. The subject. The manuscript discusses the social-economic description of the main tendencies of development and modelling of the cyclic dynamics of structural changes in the economy of the Baltic states. The main participants of the Baltic states, from the territorial standpoint, Latvia, Lithuania and Estonia. **The goal of the paper.** The basic aspects of the problem of development of the social-economic system of countries of the European area of the CIS, countries of the Central Asia and countries of the Southern Caucasus in the strategic perspective were discussed from the point of view of the evolutionary-institutional theory and methods of production dependencies. **The methodology of performing the study.** A retrospective analysis has been performed on the cyclic dynamics of structural changes in the social-economic system of the Baltic states for

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-02-00325а).

*the period of 1991 to 2015 using the method of production dependencies. **The results of the study.** The main substance of regulating the cyclic dynamics of structural changes in the economy is in taking up timely measures of a very different type in order not to allow “an overheating” of the economy and avoid an abrupt and deep drop in the production, complex crisis cyclicality and a long-lasting depression in the conditions of instability of world prices on raw materials. The characteristic feature of a cyclic development of the economy of the Baltic states is its fast growth, especially since the moment when these countries entered the EU. The sector of services became the most dynamically developing as over the last ten years it became more diversified, and the sector of information services started to actively develop as well. The sector of public services that are offered by the government has been developing in parallel as well. **Conclusions.** The mechanisms of regulating the cyclic dynamics of structural changes have been formulated, and suggestions have been developed on perfecting the main area of focus of the effective strategy of development in the conditions of integration in the context of the EU. **The area of application of the results.** The mechanisms of regulating the cyclic dynamics of structural changes discussed in the manuscript may be used in order to perfect and modernize the economy of the Baltic states when taking up a road of sustainable development.*

Keywords: *the Baltic states, cyclic structural changes, social-economic crises, production dependencies, modernization, integrational processes.*

Введение. Страны Балтии. К основным участникам Балтии территориально относят Латвию, Литву и Эстонию. Страны Балтии располагаются в Северной Европе, у России с ними сложились довольно тесные и прочные экономические отношения, несмотря на их ориентацию на западные страны. Поэтому выстраивание устойчивых экономических отношений с данными государствами для России является важным элементом общей стратегии экономической развития.

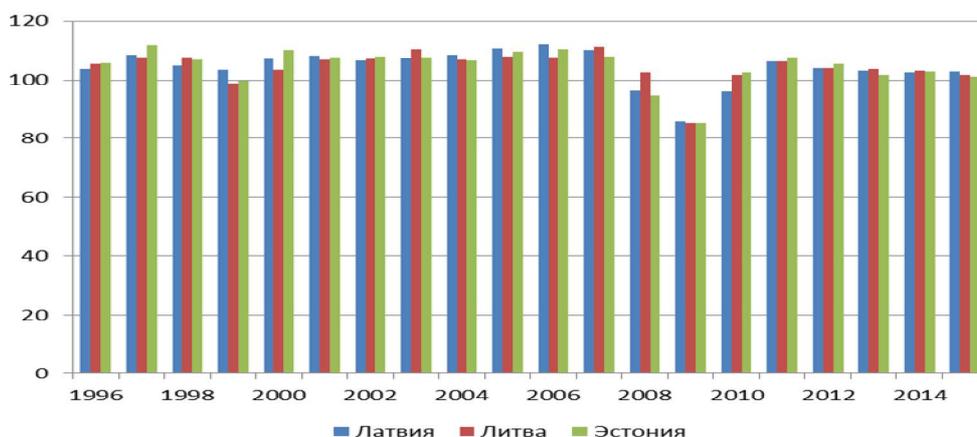
Страны Балтии в период 1991–2015 гг. в наиболее короткие сроки смогли преодолеть экономический циклический кризис после распада СССР, благодаря формированию новых институтов рыночной экономики. В 1994 г. страны Балтии подписали с Евросоюзом договор о свободной торговле. К 1995 г. эти страны подали заявления о вступлении в ЕС. И уже к 1995 г. в странах Балтии наблюдался экономический подъем, чему способствовала внешняя экономическая помощь, развитая инфраструктура, научно-обоснованная экономическая политика и высокая квалификация трудовых ресурсов. По мнению авторов работы [1], «экономические реформы и модернизация системы государственного управления в целях гармонизации с нормами Евросоюза были важными факторами экономического развития стран Балтии в начале 2000-х гг.». Первого мая 2004 г. страны Балтии вступили в ЕС. Среднегодовые темпы прироста экономик стран Балтии в период 1995–2007 гг. составлял примерно 7 процентов. Основными факторами становления экономик стран Балтии можно считать «советское наследие» в виде развитой инфраструктуры и промышленности, а также опора на прямые иностранные инвестиции и ориентацию на вступление в ЕС [1, 14–17, 19–23]. В связи с этим считается, что страны Балтии являются примером достаточно быстрого и успешного перехода к модели рыночной экономики. Через 15 лет после начала стабилизационных реформ суммарный прирост ВВП трёх республик составил в среднем более 10% в год; вместе с тем в результате разразившегося в 2008 г. мирового финансово-долгового-экономического циклического кризиса эти страны вошли в число самых пострадавших от него государств ЕС. В результате по данным статистики ЕС спад годового ВВП в Латвии в 2008 г. составил 4,6 %, в Литве — 2,8 %, в Эстонии — 3,6 % (табл. 29, рис. 51).

В то же время внешнеторговые отношения стран Балтии и России имеют огромное значение для развития национальных экономик. Наличие крупных портов, таких, как Рига и Клайпеда, позволяет России использовать морские пути для торговли со странами Балтии, которые являются членами ЕС. Кроме того, страны Балтии выступают не только потребителями российского углеводородного сырья, но и служат коридором для экспорта углеводородов в Западную Европу [10]. Предполагается, что в 2030 г. через порты Северо-Западного бассейна будет осуществляться экспорт углеводородов и минеральных удобрений, в структуре импорта будут преобладать рефрижераторные и контейнерные грузы [20–23].

**Основные макроэкономические показатели Латвии, Литвы и Эстонии
в процентах к предыдущему году [1, 3–5]**

Год	Страны								
	Латвия			Литва			Эстония		
	Y*	Y _p	ИПЦ	Y	Y _p	ИПЦ	Y	Y _p	ИПЦ
1995	100,5	...	123,1	135,7	102,8	...	126,5
2000	106,9	95,4	101,8	103,3	98,8	101,4	110,0	115,8	105,0
2005	110,7	107,5	107,0	107,7	107,8	103,0	109,4	111,0	103,5
2010	96,2	114,4	102,5	101,6	106,1	103,8	102,5	122,9	105,7
2011	106,2	108,8	104,0	106,0	106,6	103,4	107,6	119,7	103,7
2012	104,0	106,2	101,6	103,8	103,7	102,8	105,2	101,5	103,4
2013	103,0	99,6	99,6	103,5	103,3	100,4	101,6	104,2	101,4
2014	102,4	99,1	100,2	103,0	100,2	99,7	102,9	102,4	99,5
2015	102,7	...	100,3	101,6	...	99,9	101,1	...	99,1
2015 в % 1995	225	227	236

*Y — динамика валового внутреннего продукта; Y_p — динамика объема продукции промышленности, динамика потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года, в процентах).

**Рис. 51. ВВП Латвии, Литвы и Эстонии в период 1996–2015 гг.
в процентах к предыдущему году**

1. Цикличность эволюции рынка труда Латвии

С 1991 г. по 2015 г. население Латвии уменьшилось на более 690 тыс. чел. или на 35,2%. Уровень рождаемости в 1998 г. имел минимальное значение в 7,6%. К 2015 г. он увеличился до 11,0 родившихся на тысячу населения. Коэффициент смертности за этот период не опускался ниже 13,1%. А в 1994 г. достиг своего максимума в 16,6%, к 2015 г. уровень смертности составил 14,4% умерших на тысячу населения. Естественная убыль населения республики наблюдается с 1992 года. Максимальная отметка этого показателя была в 1994, 1995 гг. (-7,0%), к 2015 г. естественная убыль населения сократилась на 0,1% и составила 3,4%. Население Латвии сокращается и в результате отрицательного естественного прироста, когда число умерших превышает число родившихся, и в результате миграции. В начале 2014 г. в Латвии проживало 2 001 468 жителей или на 22 400 меньше, чем в 2013 г. Темпы сокращения населения в 2013 г. составили 1,1% по сравнению с 1,03% в 2012 г. Из них 917 100 жителей страны или 45,8% — мужчины, 1 084 400 (54,2%) — женщины. По нашим исследованиям, если эми-

грация из Латвии продолжится такими же темпами, то при сохранении нынешней демографической кризисной динамики страна потеряет к 2020 г. еще больше населения [1, 3–5] (табл. 30, рис. 52–53).

Таблица 30

Основные показатели динамики численности и естественного прироста населения Латвии в 1991–2015 гг. [1, 3–5].

Год	Общая численность населения, млн человек	Численность родившихся, на 1000 человек	Численность умерших, на 1000 человек	Естественный прирост (убыль) населения, на 1000 человек
1991	2,65	13,1	13,1	0
1995	2,48	8,7	15,7	-7,0
2000	2,37	8,5	13,6	-5,1
2005	2,30	9,3	14,2	-4,9
2010	2,23	8,6	13,4	-4,8
2015	1,96	11,0	14,4	-3,4

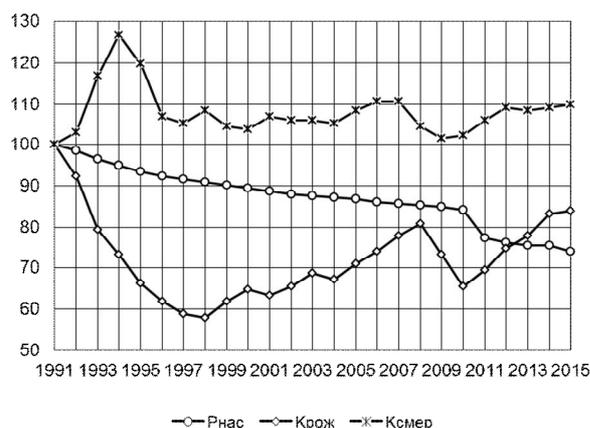

Рис. 52. Численность населения — $P_{нас}$; коэф. рождаемости — $K_{рож}$; коэф. смертности — $K_{смер}$ (в индексах к 1991 г.)

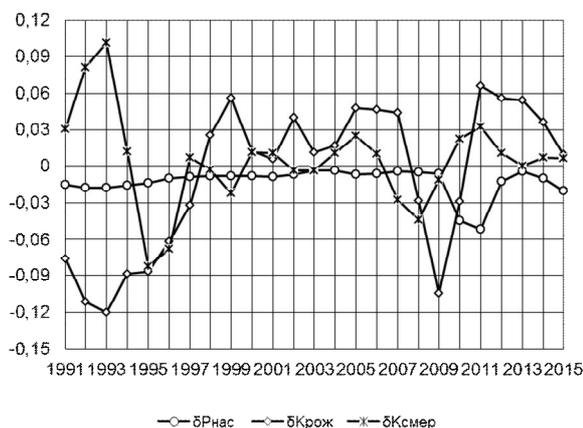

Рис. 53. Темпы прироста: численность постоянного населения — $dP_{нас}$; коэф. рождаемости — $dK_{рож}$; коэф. смертн. — $dK_{смер}$

В период 1996–2015 гг. численность трудоспособного населения в возрасте 15–74 лет сократилась на 381,1 тыс. чел., это 26,1% от общей численности трудовых ресурсов. Значительное сокращение численности, по данным департамента статистики Латвии, наблюдалось в 2012 г., примерно на 180 тыс. чел. А это 65,5% от общей убыли трудоспособного населения в возрасте 15–74 лет. Доля женщин среди трудовых ресурсов преобладает над мужской, 54% против 46% в 1996 г. Такое соотношение мужчин и женщин среди трудоспособного населения сохраняется весь рассматриваемый период времени, с той лишь разницей, что к 2012 г. доля мужчин выросла на 0,5% и составила 46,5%, а доля женщин соответственно 53,5%. Абсолютная численность трудоспособных мужчин уменьшилась на 118,5 тыс. чел., с 850,6 тыс. чел. в 1996 г. до 732 тыс. чел. в 2012 г. (табл. 31). Численность женской части трудовых ресурсов сократилась на 155,8 тыс. чел. или на 15,5%.

Таблица 31

Динамика численности трудовых ресурсов Латвии [1,3–5]

Год	Численность трудовых ресурсов, тыс. чел.	В том числе		Доля мужчин, %	Доля женщин, %
		Мужчины, тыс. чел.	Женщины, тыс. чел.		
1996	1848,5	850,6	997,9	46,0	54,0
2000	1825,6	845,5	980,1	46,3	53,7
2005	1740,7	805,1	935,5	46,3	53,7
2010	1635,3	758,9	876,4	46,4	53,6
2015	1458,4	684,1	774,3	46,9	53,1

Численность экономически активного населения в возрасте 15–74 лет на 1996 г. в Латвии составила 1,19 млн чел. или 64,5% общей численности населения этого возраста. В составе трудоспособного населения 945,2 тыс. чел. — лица, имеющие работу или доходное занятие, и 246,9 тыс. чел. — лица, не имеющие работы или доходного занятия, ищущие работу и готовые приступить к ней, которые, классифицируются как безработные. Уровень экономической активности в 2012 г. по сравнению с 1996 г. вырос на почти на 1,5%. Однако численность экономически активного населения в 2012 г. сократилось на 151 тыс. чел. или на 13%. Уровень занятости за 1996–2012 гг. увеличился на 5,2%, но численность занятых сократилась на 59,6 тыс. чел. Уровень безработицы максимальное значение имел в 1996 г. и до начала 2000-х гг. неуклонно снижался и достиг рекордно низкой отметки 4% в 2008 г. В дальнейшие годы безработица в Латвии увеличилась более чем 2,5 раза, и на 2012 г. она составляет 9,9% от общей численности трудовых ресурсов (табл. 32).

Таблица 32

Динамика уровня экономической активности, занятости и безработицы в Латвии [1,3–5]

Год	Численность трудовых ресурсов		Экономически активного населения		Занятые		Безработные	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1996	1848,5	100	1192,10	64,5	945,2	51,1	246,9	13,4
2000	1825,6	100	1097,30	60,1	939	51,4	158,3	8,7
2001	1789,3	100	1081,80	60,5	933,6	52,2	148,2	8,3
2005	1740,7	100	1080,80	62,1	972,3	55,9	108,4	6,2
2010	1635,3	100	1056,50	64,6	850,7	52,0	205,8	12,6
2011	1595,3	100	1028,20	64,5	861,6	54,0	166,6	10,4
2012	1560,0	100	1030,70	66,1	875,6	56,1	155,1	9,9
2013	1536,1	100	1014,20	66,0	893,9	58,2	120,4	7,8
2014	1495,8	100	992,3	66,3	884,6	59,1	107,6	7,2
2015	1458,4	100	967,4	66,3	862,4	59,1	104,9	7,2

Начиная с середины 1990-х гг. наблюдается уменьшение доля занятых в сельском хозяйстве и промышленности. Если в 1996 г. в сельском хозяйстве доля занятых составляла около 17%, в промышленности около 22%, то уже к 2010 г. доли снизились до 8,8% и 16,9% соответственно. На 2012 г. в сельском хозяйстве занято 8,4% экономически активного населения, а в промышленности 16,4%. Строительство же, торговля, финансовая деятельность, услуги, предоставляемые на рынке недвижимости, на сегодняшний момент являются для латвийского рынка труда наиболее предпочтительными и динамично развивающимися видами предприни-

материнской деятельности.

Латвия находится на этапе быстрого роста экономики и структурных преобразований предпринимательской деятельности. Приблизительно 75% её экономической деятельности приходится на частный сектор; осуществлены эффективные реформы финансового сектора. Движущей силой экономических реформ в Латвии является присоединение к ЕС, в то же время позитивное воздействие на экономическое развитие оказывают и национальные реформы, и интеграция в ЕС. Однако перед республикой стоит проблема высокой безработицы и неравномерного распределения экономической деятельности по регионам.

Трудовая эмиграция из Латвии направлена в основном в экономически развитые страны Запада (США, Канаду, Норвегию, Ирландию, Великобританию, Австралию, Новую Зеландию), а также СНГ (РФ и Беларусь). Например, по данным зарубежной статистики в 2002 г. Ирландия официально приняла 2,2 тыс. латвийских рабочих. Главным образом на рынках труда этих стран востребованы врачи и средний медицинский персонал [24]. В РФ и Беларусь в последние годы приезжали на работу по 1,2–1,3 тыс. латвийских граждан. После присоединения Латвии к ЕС латышские граждане более активно поехали на заработки в европейские государства.

Интересно развивается трудовая эмиграция из Литвы. По этим сведениям из страны выехали на работу за рубеж 928 чел., которые направились в основном в Германию (179 чел.), Россию (163 чел.), США (159 чел.), Великобританию (56 чел.) и Испанию (55 чел.)². Сведения о въезде литовских рабочих в различные страны отследить практически невозможно из-за той мизерной доли, которую они занимают в рабочей силе многих стран. По этой причине отдельной статистики по ним, как правило, не ведётся [15–16, 19].

Основным направлением трудовой миграции литовских граждан традиционно являлись США и страны Западной Европы. После вступления Литвы в ЕС (01 мая 2004 г.) ситуация на рынке труда Литвы радикально изменилась — уровень безработицы опустился до 5,9%. Важным фактором снижения безработицы стал усилившийся отток населения на Запад. Основной поток трудовых эмигрантов направился в Великобританию (здесь литовцы среди трудовых мигрантов заняли в 2006 г. второе место после поляков среди представителей стран «новичков» Европейского Союза)³. Многие жители Литвы поспешили воспользоваться возможностью свободного перемещения в пределах ЕС. Однако эмиграция не только сократила безработицу, но и вызвала нехватку неквалифицированной рабочей силы и квалифицированных специалистов [15–16, 19].

Исследование, проведённое по заказу Министерства социальной защиты и труда, показало, что почти три четверти жителей Литвы (73%) не собираются жить и работать за границей. Уехать на некоторое время с целью учиться или работать желают 15% опрошенных и только 1,3% респондентов заявили, что они намерены навсегда покинуть родину.

2. Цикличность эволюции рынка труда Литвы

Самым южным государством Балтии считается Литва, с её мягким морским климатом и белоснежным песчаным побережьем. Столицей Литвы является город Вильнюс. С запада республика омывается Балтийским морем, на севере граничит с Латвией, на юго-востоке с Беларусью, а на юго-западе с РФ и Польшей. Государственный язык литовский, на котором разговаривают 82% населения страны. На русском языке говорят 8% жителей, на польском — 5,6 % жителей и 4,4% жителей разговаривают на других языках [15–16, 19]. На 2013 г. по данным Евростата населения Литвы составляет 2,9 млн человек. Динамика численности населения республики имеет ту же направленность, что и остальные государства рассматриваемого региона. Происходит сокращение численности жителей (табл. 33, рис. 4-5).

² База данных МОТ Международная трудовая миграция (ILM).

³ Граждане Литвы — лидеры по иммиграции в Великобританию // Информация ИА Regnum от 22.08.2006 г.

Основные показатели динамики численности и естественного прироста населения Литвы в 1991–2014 гг. [1,3–5]

Год	Общая численность населения, млн человек	Численность родившихся, на 1000 человек	Численность умерших, на 1000 человек	Естественный прирост (убыль) населения, на 1000 человек
1991	3,70	15,1	11,1	4
1995	3,62	11,4	12,5	-1,1
2000	3,49	9,8	11,1	-1,3
2005	3,41	8,9	12,8	-3,9
2010	3,28	9,9	13,6	-3,7
2015	2,88	10,7	13,6	-3,1

На сегодняшний момент оно составляет около 20% по сравнению с 1991 г. или 800 тыс. чел. Естественный прирост населения имеет отрицательную динамику, если на 1991 г. он был положительным и составлял 4%, то к 2015 г. он имел отрицательное значение (-3,1%). Общий коэффициент рождаемости к 2005 г. снизился на 42% и составил свое минимальное значение в 8,9 родившихся на тысячу населения. Уровень смертности имел нестабильную динамику, к 1994 г. возрос до 12,7%, после к 2000 г. снизился до 11,1%. А к 2015 г. составил уже 13,6%, и, несмотря на то что рождаемость увеличивалась с 2006 г., наблюдается естественная убыль населения (табл. 6, рис. 54–55).

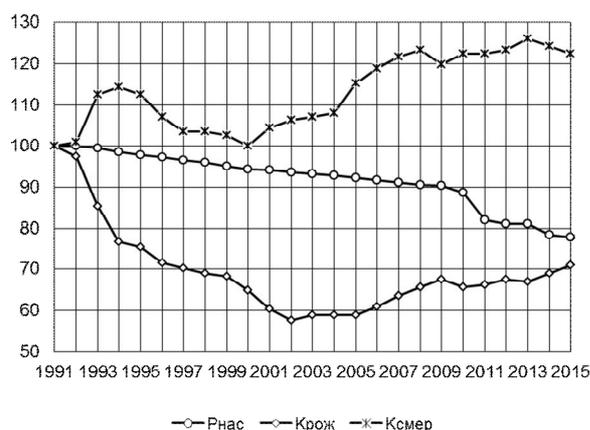

Рис. 54. Численность населения — $P_{нас}$; коэф. рождаемости — $K_{рож}$; коэф. смертности — $K_{смер}$ (в индексах к 1991 г.)

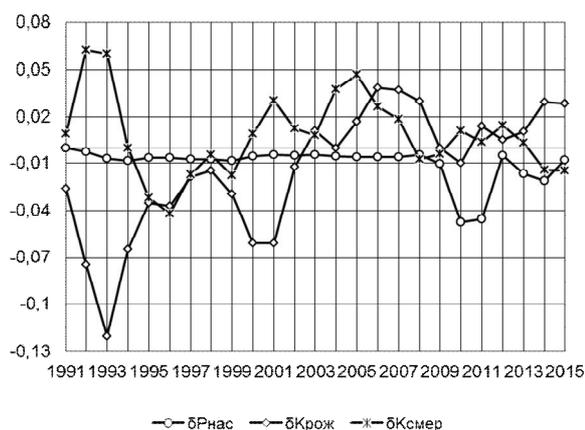

Рис. 55. Темпы прироста: численность постоянного населения — $dP_{нас}$; коэф. рождаемости — $dK_{рож}$; коэф. смертн. — $dK_{смер}$

По данным департамента статистики Литвы доля подростков за 1991–2011 гг. сократилась на 7,8%, с 22,5 до 14,7%. Доля лиц 15–65 лет возросла на 3%, а лиц старше 65 лет на 5%. Численность трудоспособного населения Литвы на 1998 г. составляла 1,71 млн чел., из которых доля мужчин 52%, а женщин 48% соответственно. За 14 лет трудоспособное население сократилось 242 тыс. чел., что составляет около 15% от численности трудовых ресурсов. За этот период доля женского населения среди трудоспособного населения возросла до 50,5%. Своего минимума численность трудовых ресурсов достигла в 2012 г. В этом же году численность мужского трудоспособного населения составила примерно 730 тыс. чел., это меньше чем в 1998 г. на 162,5 тыс. чел. или на 18%. Доля женщин в трудоспособном возрасте сократилась на 10%, примерно на 80 тыс. чел. (табл. 34).

Динамика численности трудовых ресурсов Литвы [1,3–5]

Год	Численность трудовых ресурсов, тыс. человек	В том числе		Доля мужчин, %	Доля женщин, %
		мужчины	женщины		
1998	1 716,0	892,4	823,6	52,0	48,0
1999	1 705,5	869,6	835,9	51,0	49,0
2000	1 671,5	845,0	826,5	50,6	49,4
2005	1 606,8	818,0	788,8	50,9	49,1
2010	1 634,8	812,6	822,2	49,7	50,3
2011	1 482,5	736,4	746,2	49,7	50,3
2012	1 473,7	729,8	743,9	49,5	50,5

Занятого населения в Литве на 1998 г. насчитывалось порядка 1,49 млн чел. или 56,3% от численности трудоспособного населения в возрасте 15–74 лет. Мужчины, занятые в экономике, составляли 761,5 тыс. чел., а женщины 727,8 тыс. чел. Уровень занятости среди мужчин на 1998 г. был выше, чем среди женщин примерно на 10%. Среди городских жителей занятые составляли 1,02 млн чел., из них мужчин 508,7 тыс. чел. и женщин 520,6 тыс. чел. Уровень занятого населения, как в городе, так и в сельской местности, был примерно одинаков, 56,8% и 55,1% соответственно (табл. 35). Занятые полный рабочий день составляли 1,3 млн чел. или 89% от общей численности трудовых ресурсов. В сельской местности полная занятость была равна 80%, причём среди занятого женского населения она была 79%, а среди работающих мужчин около 81%. В городе уровень полной женской занятости был 91,5%, среди мужчин данный показатель составлял 95%. Согласно департаменту статистики Литвы, на 2012 г. общая численность занятых составляла 1,3 млн чел. Это на 13% меньше, чем в 1998 г. Уровень занятость к 2012 г. достиг отметки в 55,7%, минимум приходился на 2001 и 2010 гг. (51,6%). Уровень занятости в городе увеличился на 3%, в сельской местности, наоборот, уменьшился на 7,5%. Численность занятых женщин сократилась на почти на 70 тыс. чел., в городе их численность уменьшилась на 28 тыс. чел., а в сельской местности почти на 42 тыс. чел. У мужчин на 211, 105,5 и 105,5 тыс. чел. соответственно. Численность занятых полный рабочий день в 2012 г. сократилась на 13% по сравнению с 1998 г., но составляет 90,5%, т. е. на 1,5% больше.

Динамика уровня занятости населения Литвы в возрасте от 15 до 74 лет, % [1,3–5]

Год	Общий уровень занятость	В том числе среди		Уровень занятости городского населения	Уровень занятости сельского населения
		мужчин	женщин		
1998	56,3	61,4	51,7	56,8	55,1
1999	55,2	59,1	51,8	54,9	55,7
2000	53,0	55,8	50,6	53,4	52,1
2005	56,0	60,6	51,9	58,2	51,4
2010	51,6	52,4	50,9	55,7	43,1
2011	54,4	56,3	52,7	58,6	45,5
2012	55,7	57,5	54,1	59,7	47,4

Уровень безработицы в Литве в 1994 г. составлял 17,4%, среди мужчин данный показатель в 1996 г. равнялся 15,3%, а среди женщин 15,9%. Далее до 2007 г. безработица неуклонно сокращалась, и достигла минимального значения в 4,3%. После 2008 г. уровень безработицы вырос практически в 2 раза и составил 15,4%, мужская безработицы была на уровне 17,8%,

женская 13%. Следует отметить, что, несмотря на негативные экономические события 2009 г., женская безработица сократилась почти на 3%, а вот в отношении уровня безработицы среди мужского населения наблюдалась обратная тенденция, уровень вырос с 15,3% в 1996 до 17,8% в 2011 г. Изменения, происходящие в структуре занятого населения по секторам экономики в Литве, схожие с другими странами региона: резкое сокращение доли сельскохозяйственного сектора и увеличение доли сферы обслуживания. Так, в 1997 г. на сельскохозяйственный сектор приходилось 20,7%, в промышленности было задействовано 28,5% всех занятых, а сфере обслуживания занято около 51% трудоспособного населения. За 15 лет доля занятых в сельском хозяйстве сократилась почти в 2,5 раза и на 2011 г. составляла 8,5%, в промышленности на 4% — 24,4%, а доля занятых в сфере обслуживания увеличилась на 16% — 67,1% (табл. 36).

Таблица 36

**Структура занятых в экономике Литвы по видам
экономической деятельности, % [1,3–5]**

Год	Всего занятые	Сельское и лесное хозяйство	Промышленность	Сфера обслуживания
1997	100	20,7	28,5	50,8
1998	100	19,2	28,7	52,1
1999	100	19,3	27,3	53,4
2000	100	18,7	26,8	54,5
2005	100	14	29,1	56,9
2010	100	9,0	24,4	66,6
2011	100	8,5	24,4	67,1

3. Цикличность эволюции рынка труда Эстонии

Самое северное государство данного региона Эстония, расположенная на северо-восточном побережье Балтийского моря, на юге граничит с Латвией, а на востоке с Россией. Столица Эстонии — Таллин насчитывает на начало 2013 г. более 420 тыс. чел. 67,3% населения Эстонии разговаривает на эстонском языке, который является официальным, 29,7% — на русском, 3% — на других языках [15–16,19]. За рассматриваемый период население республики постоянно сокращалось и за 20 лет с 1991 г. по 2011 г. сократилось на 220 тыс. чел. или на 16,5%. Наиболее интенсивное снижение численности населения происходило до 2003 г. Уровень рождаемости на 2011 г. сократился на 5% по сравнению с 1991 г. и составляет 11,8 родившихся на 1000 населения, в 1991 г. он составлял 12,4 промилле. Минимального значения данный показатель достиг в 1998 г. Уровень рождаемости на 2015 г. сократился на 16,7% по сравнению с 1991 г. и составляет 10,3 родившихся на 1000 населения, в 1991 г. он составлял 12,4 промилле. Уровень смертности населения Эстонии достиг своего максимума в 1994 г. (15,2%), в последующие годы этот показатель имел устойчивое снижение (табл. 37). К 2011 г. численность умерших на тысячу населения составила 11,4%, что ниже, чем в 1991 г. на 1,2%. Естественный прирост населения был отрицательным и находился в пределах от -0,2% до -5,5%. На протяжении 10 лет (1993–2003 гг.) показатель не опускался ниже 3,8%, однако к 2010 г. составлял уже 0. К 2015 г. численность умерших на тысячу населения составила 11,9%, что ниже, чем в 1991 г. на 5,8 %.

С 1997 г. по 2004 г. в Эстонии ситуация на рынке труда характеризовалась сокращением численности экономически активного населения на 4,5%, с 683 тыс. чел. (1997 г.) до 659,1 тыс. чел. (2004 г.), численность занятых в экономике снизилась на 3,5%, что в абсолютном выражении составляет 21,7 тыс. чел. Уровень занятости своих минимальных отметок достигал в 2000 г. (54,7%), в 2001 (55,2) и в 2010 (55,2%). Количество безработных к 2000 г. составляло 89,9 тыс. чел., что на 36% выше, чем в 1997 г. Минимальное количество безработных по данным департамента статистики Эстонии наблюдалось в 2007 г., всего лишь 32 тыс. чел. или 4,7% от общего числа трудовых ресурсов. Однако уже к 2010 г. уровень безработицы за последние 22 года составил рекордное значение в 16,9%. На данный момент численность безработных составляла около 116 тыс. чел., а занятых почти 571 тыс. чел. (табл. 38, рис. 54–55).

Таблица 37

Основные показатели динамики численности и естественного прироста населения Эстонии в 1991–2015 гг. [1,3–5]

Год	Общая численность населения, млн человек	Численность родившихся, на 1000 человек	Численность умерших, на 1000 человек	Естественный прирост (убыль) населения, на 1000 человек
1991	1,56	12,4	12,6	-0,2
1995	1,43	9,4	14,5	-5,1
2000	1,37	9,5	13,4	-3,9
2005	1,34	10,7	12,9	-2,2
2010	1,34	11,8	11,8	0
2014	1,34	10,3	11,8	-1,5
2015	1,337	10,3	11,9	-1,6

На рынке труда сохраняется неравенство между регионами, этническими группами, работниками с различным уровнем квалификации. Данные процессы происходили на фоне серьезного мирового экономического спада 2008 г. Не трудно предположить, что безработица во время экономического кризиса особенно высока среди неквалифицированных рабочих, но и структура занятости также изменилась, и доля работников с неполным рабочим днем постепенно возрастает.

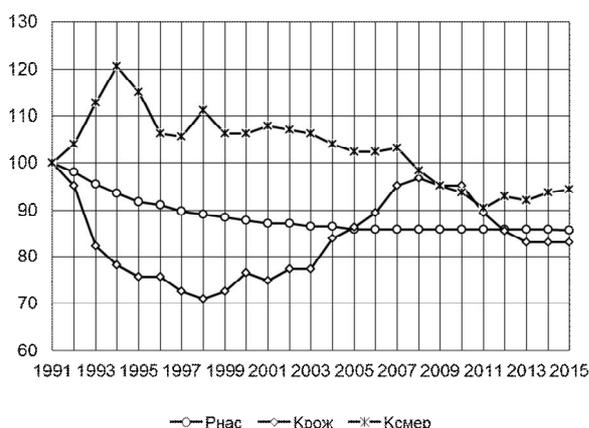

Рис. 56. Численность населения — $P_{нас}$; коэф. рождаемости — $K_{рож}$; коэф. смертности — $K_{смер}$ (в индексах к 1991 г.)

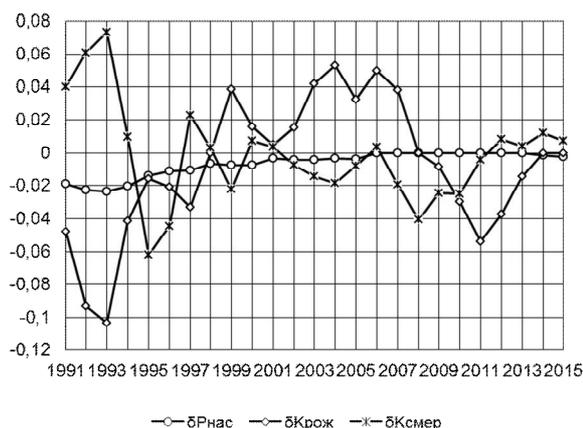

Рис. 57. Темпы прироста: численность постоянного населения — $dP_{нас}$; коэф. рождаемости — $dK_{рож}$; коэф. смертн. — $dK_{смер}$

Таблица 38

Показатели динамики численности трудовых ресурсов и уровня занятости населения Эстонии в возрасте от 15 до 74 лет [1,3–5]

Год	Экономически активное население, тыс. человек	Занятые, тыс. человек	Безработные, тыс. человек	Экономически неактивное население, тыс. человек	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
1997	683,0	617,2	65,8	372,8	58,5	9,6
2000	662,4	572,5	89,9	384,1	54,7	13,6
2005	659,6	607,4	52,2	389,0	57,9	7,9
2010	686,8	570,9	115,9	348,0	55,2	16,9
2011	695,9	609,1	86,8	333,8	59,1	12,5
2012	695,0	624,4	70,5	329,3	61,0	10,2

Структура занятости по основным видам экономической деятельности претерпела значительные изменения. Если на начало 1990-х гг. в сельском хозяйстве было занято порядка 19% экономически активного населения, то к началу второго десятилетия XXI в. в Эстонии доля занятых сократилась в 4 раза и составляет 4,4%. Численность занятых в промышленности также уменьшилась, в 1991 г. доля их была 28,4%, а к 2012 уже 22,8%. Что же касается сферы услуг, то доля занятых в период с 1991 по 2012 гг. увеличилась практически в 1,5 раза (в 1991 — 53%, в 2012 — 74%). Изменение структуры занятых по видам деятельности связано с развитием строительной отрасли хозяйства, торговлей, повышением интереса к рынку недвижимости. Трудовые мигранты из Эстонии были традиционно главным образом ориентированы на соседнюю Финляндию. Страна привлекала эстонских мигрантов уровнем заработной платы, географической близостью, сходством менталитета финского и эстонского населения. По данным финской статистики, в начале 2000-х гг. их поток значительно увеличился и составил от 5 до 6 тыс. чел. Трудовая эмиграция эстонцев в Российскую Федерацию имела тенденцию к постепенному сокращению, что вполне объяснимо — российский рынок труда не может пока конкурировать с рынками труда стран Евросоюза. На некоторые европейские рынки труда эстонским гражданам была открыта дорога в связи с вступлением Эстонии в ЕС.

Согласно результатам социологических опросов, которые были проведены в Эстонии в начале 2000-х гг., около 13% эстонцев после вступления в ЕС были твердо намерены отправиться на поиски работы в страны Западной Европы. Еще 24% опрошенных были готовы решиться на этот шаг «при благоприятных условиях». Оставшиеся 63% либо не думали об этом, либо были категорически против. Большинство потенциальных трудовых эмигрантов — русскоговорящие жители Эстонии в возрасте до 35 лет — были намерены выехать на работу в Германию. Главное, что подталкивает эстонцев искать работу за границей, по мнению представителей Ассоциации крупных предпринимателей Эстонии, — ухудшение предпринимательской среды в стране, растущая налоговая нагрузка, расцвет бюрократии, а также сокращение рабочих мест в государственном секторе экономики [15–16,19].

Характерной чертой развития экономики стран Балтии является её бурный рост, особенно после вступления этих стран в ЕС. Наиболее динамично развивающимся стал сектор услуг, который за последние десять лет стал более диверсифицированным, активно развивается сектор информационных услуг. Параллельно развивался и сектор общественных услуг, предоставляемых государством. Серьезной проблемой стала нехватка кадров, вызванная тем, что после вхождения в ЕС из стран Балтии потянулись и квалифицированные рабочие, и лица без высшего образования на заработки в Европу. Вторая волна трудовой эмиграции накрыла эти три государства по причине кризиса 2008 г. А в связи с тем, что Германия открыла рынок труда для выходцев из Восточной Европы с 01 мая 2011 г., то следует ожидать ещё одну волну трудовой эмиграции из стран Балтии [15–16,19]. Следовательно, можно предположить, что нехватка трудовых ресурсов в странах Балтии будет только возрастать. И недостаток будет не только в специалистах с высшим образованием, но и в таких профессиях, как, например, каменщик или разнорабочий.

Заключение

Общая нестабильная экономическая ситуация в мировом пространстве, как следствие недавнего мирового финансово-долгового кризиса, отражается в снижении агрегированного потребительского спроса, искажая структуру спроса и предложения на рынке труда, структурно предопределяя несоответствие ожиданий работников и предпочтений работодателей. Рынки труда Европейской части СНГ здесь не стали исключением. В стремлении обеспечить стабильность занятости, достойный уровень дохода и соответствие рабочего места уровню квалификации и ожиданиям работников трудовые ресурсы ищут внешние рынки труда для трудоустройства. Украина, Белоруссия, Молдова, во многом ориентированные на производственные и потребительские рынки ЕС, в качестве приоритетных рассматривают и рынки труда стран Европейского содружества. Однако в силу существенной безработицы для национальных сотрудников рынки труда ЕС не могут покрыть спроса работников восточноевропейских стран на рабочие места. В силу чего наибольшей популярностью у трудовой миграции из Украины, Белоруссии, Молдовы пользуются сегодня рынки труда России и Польши. Качество

занятости, структура спроса, профессионально-квалификационная структура украинской рабочей силы не позволяет на сегодняшний момент говорить о возможностях и перспективах развития трудового потенциала украинцев в современных социально-экономических условиях [9–10, 15–16, 19–26].

В настоящее время между РФ и странами ЦА сформировалась устойчивая миграционная подсистема, которая характеризуется масштабными миграционными потоками и устойчивой географической направленностью. Именно из этих государств и происходил в последнее время основной поток мигрантов на постоянное место жительства, а в настоящее время они обеспечивают РФ трудовыми мигрантами для различных отраслей экономики и российские вузы учебными мигрантами. В результате легальной трудовой миграции в РФ, как в принимающей стране, проявляется также много позитивных социально-экономических последствий. Рабочие-мигранты заполняют многие непрестижные ниши на рынке труда с тяжёлыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. За счёт иностранных мигрантов всегда развиваются целые отрасли экономики.

Интеграция экономики стран Южного Кавказа в мировую экономику привела к активизации процесса обмена трудовыми ресурсами разной профессиональной направленности. Снятие ограничений на выезд и занятость за рубежом подтолкнуло многих специалистов и профессионалов на зарубежные рынки труда, где уровень заработной платы значительно выше. Люди поняли, что могут продать свой труд дороже, получить совершенно иной уровень жизни и достаток по сравнению с тем, что имели в своей стране, многие воспользовались этим шансом. Ситуация показала, что «фаворитом» в привлечении легальной иностранной рабочей силы является российский рынок труда. Трудовые мигранты Южного Кавказа работают по трудовым договорам между российскими юридическими или физическими лицами (т. е. имеют достаточно стабильные контракты), а также в рамках реализации иностранными юридическими лицами договоров подряда (краткосрочное привлечение на определённый объём работ). Постепенно в российской экономике также увеличивается количество и удельный вес иностранной рабочей силы, нанимаемой российскими физическими лицами. Хотя по-прежнему в частном секторе преимущественно задействованы нелегальные мигранты, которые работают на основании устной договоренности с работодателем. Среди работников из данных стран преобладают люди с низкой и средней квалификацией. Структура занятости данных работников показывает, что основными отраслями, привлекающими трудовых мигрантов, являются строительство, промышленность и сельское хозяйство. Сложилась достаточно четкая специализация трудовых иммигрантов в определённых отраслях занятости. В России складываются сегменты рынка труда, на которых трудовые мигранты трудоустраиваются по этнотерриториальному принципу.

Среди стран ЕАЭС наибольший интерес представляет также российский рынок труда ввиду его наибольшей ёмкости и потенциала развития с точки зрения его ресурсного, финансового и технологического обеспечения. Уровень миграционного потока многократно превышает совокупное значение миграционного движения в Беларуси и Казахстане (уровень миграционных потоков России в среднем за период исследования в 2000–2015 гг. более 30 раз превышает миграционные потоки стран-партнёров по ЕЭП). Несопоставимость российского рынка труда с рынками стран СНГ делает его очевидным лидером по уровню привлекательности для мигрантов всех сопредельных стран и стран-партнёров по СНГ, ЕАЭС и другим интеграционным группировкам. Миграционный потенциал России остается стабильно высоким из-за дефицита собственных трудовых ресурсов.

Формирование ЕЭП в рамках ЕАЭС предполагает наличие четырёх основных свобод: сводное движение на единой таможенной территории (в перспективе едином рынке) интеграционной группировки товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Из этих четырёх свобод наиболее сложной сферой межгосударственного регулирования всегда были и остаются вопросы, связанные с созданием единого рынка труда, ибо именно эта сфера непосредственно влияет на уровень жизни, благосостояния населения и, самое важное, затрагивает тонкую сферу человеческих отношений, как собственного населения, так и мигрантов. Сложность решения проблем при создании единого рынка труда обуславливает её большую значимость и приоритетность. При этом сам процесс формирования единого рынка труда зависит от успешно-

сти интеграции и кооперации в промышленной, торгово-посреднической сфере и в финансовом секторе. Одновременно с продвижением единого рынка труда в ЕАЭС должна быть решена задача урегулирования миграционных процессов, которые в своем стихийном развитии порой в большей степени определяют векторы и стратегии формирования единого рынка труда, чем осознанные концепции и межгосударственные, интеграционные соглашения.

Характерной чертой циклического развития экономики стран Балтии является её бурный рост, особенно после вступления этих стран в ЕС. Наиболее динамично развивающимся стал сектор услуг, который за последние десять лет стал более диверсифицированным, активно развивается сектор информационных услуг. Параллельно развивался и сектор общественных услуг, предоставляемых государством. Серьёзной проблемой стала нехватка кадров, вызванная тем, что после вхождения в ЕС из стран Балтии потянулись и квалифицированные рабочие, и лица без высшего образования на заработки в ЕС. Вторая волна трудовой эмиграции накрыла эти три государства по причине кризиса 2008 г. А в связи с тем, что Германия открыла рынок труда для выходцев из Восточной Европы с 01 мая 2011 г., то следует ожидать ещё одну волну трудовой эмиграции из стран Балтии. Следовательно, можно предположить, что нехватка трудовых ресурсов в странах Балтии будет только возрастать. И недостаток будет не только в специалистах с высшим образованием, но и в таких профессиях, как, например, каменщик или разнорабочий.

В ходе развития европейской интеграции существенно изменились тенденции трудовой миграции. В настоящее время ЕС рассматривает страны Центральной и Восточной Европы в качестве основного ресурса для формирования рынка труда и пополнения численности трудоспособного населения. По мере легализации новых членов ЕС на трудовых рынках Западной Европы приходят люди из «более восточных» стран — Украины, Молдавии, России. Не исключено, что со временем в Европе появится немало гастарбайтеров из Белоруссии, возможно, России и даже более отдаленных республик СНГ. В таком случае Европа сможет опереться на новый, культурно близкий демографический ресурс. Из всех мигрантов, официально по контрактам работающих в странах ЕС, российские специалисты характеризуются самой высокой долей имеющих высшее образование (47% от всех официально работающих, при среднем показателе по Европе — 25%) [9–17, 19–23].

Литература

1. 25 лет СНГ. 1991–2010 гг. : стат. сборник / МСК СНГ. — М., 2015.
2. Азибалов, С., Григорьев, Л. Страны Балтии : в поисках выхода из кризиса. — М., 2010.
3. Департамент статистики Латвии. — URL : <http://www.csb.gov.lv/>.
4. Департамент статистики Литвы — URL : <http://www.stat.gov.lt/>.
5. Департамент статистики Эстонии. — URL : <http://www.stat.ee/>.
6. Дохолян, С. В. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы / С.В. Дохолян, А.М. Садыкова, А.С. Дохолян // *Апробация*. 2015. № 5. С. 60–66.
7. Дохолян, С. В. Мотивационный менеджмент на предприятиях машиностроительного комплекса / С.В. Дохолян, К.Г. Асриянц. — Махачкала : Изд-во ИСЭИ ДНЦ РАН, 2005.
8. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 9. С. 139–144.
9. Зоидов, К. Х. Моделирование циклической динамики структурных изменений в экономике стран постсоветского пространства. Часть I–II // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 9(47). С. 273–289; № 10(48). С. 181–188.
10. Зоидов, К. Х. Моделирование циклической динамики структурных изменений в экономике стран постсоветского пространства. Часть III–IV // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2015. № 11(61). С. 225–238; № 12(62). С. 242–253.
11. Зоидов, К. Х. Трансформационный кризис экономики России : природа, динамика, пути преодоления. — М. : ИПР РАН, ИМ АН РТ, 2000.
12. Зоидов, К. Х. Экономические кризисы : причины, последствия, пути преодоления. — М. : ИПР РАН, ИМ АН РТ, 2004.
13. Козлов, О. Особенности внешнеэкономических связей Стран Балтии и России (1991–2012 гг.) // *Власть*. 2013. № 4.
14. Мировой финансовый кризис в постсоветских странах : национальные особенности и экономические последствия ; под общ. ред. д.э.н., профессора Л.Б. Вардомского. — М. : ИЭ РАН, 2009.
15. Новая модель рынка труда России : роль внешних факторов ; под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева, д.э.н. В.А. Гневашевой. — М. : Экон. информ, 2014. .
16. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии : тенденции, последствия, регулирование. — М. : Формула права, 2007.

17. Социально-экономическое развитие постсоветских стран : итоги двадцатилетия. — М. : ИЭ РАН, 2012.
18. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянц, А.А. Баширова ; под общ. ред. д.э.н., проф. В.З. Петросянца; РАН; Дагестан. науч. центр; Ин-т соц.-экон. исследований. — М. : Экономика, 2011.
19. Формирование новой эволюционной модели российского рынка труда в условиях интеграции и глобализации : отчёт. — М. : ИПР РАН, ИСПИ РАН, 2013.
20. Цветков, В. А., Зойдов, К. Х. и др. Исследование экономических циклов в странах постсоветского пространства. — М. : ЦЭМИ РАН, 2010.
21. Цветков, В. А., Зойдов, К. Х. и др. Постсоветское экономическое пространство : современное состояние и перспективы развития. — М. : Финансы и кредит, 2009.
22. Цветков, В. А., Зойдов, К. Х., Медков, А. А. Проблемы интеграции и инновационного развития транспортных систем России и стран Балтии. — М. : ЦЭМИ РАН, 2012.
23. Элкин, А. Кто придет в Латвию? — URL : www.rusedina.org.
24. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
25. Nelson, R. R., Winter, S. J. An evolutionary theory of economic change. — М. : Finstatinform, 2000.
26. The Conference Board Total Economy Database, September 2010. [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (дата обращения 15.10.2016).

References:

1. 25 years of CIS period from 1991 to 2010 : statistical collection / MSK CIS. — М., 2015.
2. Agibalov, S., Grigoriev, L. the Baltic States : in search of a way out of the crisis. — М., 2010.
3. The Department of statistics of Lithuania. — URL : <http://osp.stat.gov.lt/en/home>.
4. Statistics Estonia. — URL : <http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/>.
5. Department of statistics Estonia. — URL : <http://www.stat.ee/>.
6. Dokholyan, S. V. Conceptual approaches to the achievement of sustainable economic development of the region as socio-economic-ecological systems / S. V. Dokholyan, A. M. Sadykov, A. S. Dokholyan // *Testing*. 2015. No. 5. P. 60–66.
7. Dokholyan, S. V. Motivation management at the enterprises of machine-building complex / S.V. Dokholyan, K.G. Asriyants. — Makhachkala : ISEI DNTS RAN, 2005.
8. Dokholyan, S. V. Strategic approach to the development and implementation of regional socio-economic policy // *Economics and entrepreneurship*. 2013. No. 9. P. 139–144.
9. Zoidov, K. Kh. Modeling of cyclic dynamics of structural changes in the economies of the former Soviet Union. Part I–II // *Regional problems of transformation of the economy*. 2014. No. 9(47). C. 273–289; No. 10(48). P. 181–188.
10. Zoidov, K. Kh. Modeling of cyclic dynamics of structural changes in the economies of the former Soviet Union. Part III–IV // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 11(61). P. 225–238; No. 12 (62). P. 242–253.
11. Zoidov, K. Kh. the Transformation crisis of the Russian economy : nature, dynamics, ways of overcoming. — М. : YPRES RAN, IM an RT, 2000.
12. Zoidov, K. Kh. Economic crises : causes, consequences, ways of overcoming. — М. : YPRES RAN, IM an RT, 2004.
13. Kozlov, O. Features of foreign trade relations of the Baltic States and Russia (1991–2012) // *Power*. 2013. No. 4.
14. The global financial crisis in post-Soviet countries : national characteristics and economic consequences ; under the General editorship of doctor of Economics, Professor L. B. Vardomskii. — М. : IE RAN, 2009.
15. A new model of the labor market : the role of external factors ; ed. by corresponding member RAS S.V. Ryazantsev, doctor of Economics V.A. Gnevasheva. — М. : Econ-inform, 2014.
16. Ryazantsev, S.V. Labor migration in CIS and Baltic countries : tendencies, consequences, regulation. — М. : Formula Prava, 2007.
17. Socio-economic development of post-Soviet countries : results of the twentieth anniversary. — М. : Institute of Economics of RAS, 2012.
18. Regional development strategy in the conditions of innovative transformations of economy / Petrosyants V.Z., Dokholyan S.V., Petrosyants D.V., Bashirova A.A.; under total ed. doctor of Economics, Professor V. Z. Petrosyants / RAN; Dagestan. Scientific. Centre; In-t soc.-econ. research. — М. : Economics, 2011.
19. The formation of a new evolutionary model of the Russian labor market in the conditions of integration and globalization : report. — М. : IEPER Russian Academy of Sciences, ISPR, 2013.
20. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh., and others. the Study of economic cycles in the countries of the former Soviet Union. — М. : CEMI Russian Academy of Sciences, 2010.
21. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh., and others. Post-Soviet economic space : current state and prospects of development. — М. : Finance and credit, 2009.
22. Tsvetkov, V. A., Zoidov, K. Kh., Medkov, A. A. The Problems of integration and innovative development of transport system of Russia and the Baltic countries. — М. : CEMI RAS, 2012.
23. Elkin, A. Who will come to Latvia? — URL : www.rusedina.org.
24. Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *Journal of Political Economy*, 1950. Vol. 58. P. 211–221.
25. Nelson, R. R., Winter, S. J. An evolutionary theory of economic change. — М. : Finstatinform, 2000.
26. The Conference Board Total Economy Database, September 2010 [Electronic resource]. — URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (date of access 15.10.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аллахвердиев Аликбер Ибрагимович	д.э.н., профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: iff1993@mail.ru
Антамошкина Елена Николаевна	к.э.н., доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет», e-mail: antamoshkina@mail.ru
Арсланов Шамиль Джавадович	к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: ars_dgu@mail.ru
Гаджиева Айшат Гамзатовна	к.э.н., младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: aishat86.86@mail.ru
Асриянц Карине Геннадьевна	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления» ФГОУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: divikas@mail.ru
Вартанова Марина Львовна	к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета, доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, e-mail: 11marina11@mail.ru
Гичиев Набиюла Сапиюлаевич	к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: nabi-05@mail.ru
Деневизюк Дмитрий Александрович	к.э.н., ученый секретарь ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: deneviz@yandex.ru
Зоидов Кобилжон Ходжиевич	к.ф.-м.н., заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: kobiljon@mail.ru
Камилов Магомагази Камилович	д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru
Камилова Заира Магомедгазиевна	д.э.н., профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru
Камилова Патимат Дадаевна	д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление в АПК» «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: edem1958@mail.ru
Карпенко Елена Зугумовна	к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика труда и управления персоналом» ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», e-mail: elena-2167@mail.ru
Нагдиева Майя Гаджирамазановна	к.э.н., доцент кафедры «Политическая экономия» ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», e-mail: nag-mq@mail.ru
Нагдиева Марият Сейфулаховна	соискатель Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), e-mail: n-ms89@mail.ru
Корнеев Дмитрий Владимирович	к.э.н., Генеральный директор 1-го термометрового завода, e-mail: director@1thermometer.ru
Михайлов Андрей Сергеевич	к.г.н., заместитель директора Проектного офиса, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», e-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com
Нгуен Куок Хунг	к.э.н., научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН, e-mail: hunghoiluotgia@gmail.com
Ниналалова Лейла Гаджикурбановна	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: levlashka-n@mail.ru
Арсланова Хадиджат Джавадовна	к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: ars_nauka@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петросянц Виктор Завенович	д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru
Тулупов Александр Сергеевич	д.э.н., заведующий лабораторией Экономического регулирования экологически устойчивого хозяйствования ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», e-mail: tul@bk.ru
Шалина Анна Евгеньевна	к.э.н., заместитель начальника отдела охраны окружающей среды Технического управления ООО «Газпром энерго», e-mail: Anna.Shalina@rambler.ru
Эльканов Азамат Хыйсаевич	старший преподаватель кафедры «Информатика и вычислительная математика» ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», e-mail: elaz09@mail.ru
Хубиева Жанна Кемаловна	к.э.н., заведующий кафедрой «Экономические и финансовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru
Чернышов Михаил Михайлович	к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН, e-mail: mcherny@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

- Allakhverdiev Alikber Ibragimovich** doctor of Economics, Professor of the "Dagestan state agrarian University. M. M. Dzhambulatova", e-mail: iff1993@mail.ru
- Antamoshkina Elena Nikolaevna** Ph. D. in Economics, associate Professor FGBOU VO "Volgograd state agrarian University", e-mail: antamoshkina@mail.ru
- Arslanov Shamil Dzhavadovich** PhD, senior researcher FGBUN "Institute for social and economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences", e-mail: ars_dgu@mail.ru
- Gadzhieva Ayshat Gamzatovna** Candidate of Economic Sciences, Junior Researcher, FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: ayshat86.86@mail.ru
- Asryantz Karine Gennadievna** Ph. D., associate Professor of the Department "State and municipal management" DEPARTMENT IN "Dagestan state University", e-mail: divikas@mail.ru
- Vartanova Marina Lvovna** Ph. D., associate Professor, head of Department of postgraduate study of the Moscow psychology-social University, associate Professor of Department "Economy and Finance" FGBOU VPO "Russian state social University", Moscow, e-mail: 11marina11@mail.ru
- Gichiev Nabiyla Sapiyulaevich** PhD, Senior Researcher of the FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: nabi-05@mail.ru
- Denevzyuk Dmitry Alexandrovich** PhD, scientific Secretary of FSBS "Institute socio-economic research, Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences", e-mail: deneviz@yandex.ru
- Zoidov Kobilzhon Khodzhevich** Phys.-PhD, head of the laboratory of integration of Russian economy into the world economy FSBS "Institute of market problems, Russian Academy of Sciences", e-mail: kobiljonz@mail.ru
- Kamilov Magomagazi Kamilovich** Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department "Economics and Management in the Agroindustrial Complex" "Dagestan State Agrarian University. M.M. Dzhambulatova», e-mail: edem1958@mail.ru
- Kamilova Zaira Magomedgazievna** Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department "Economics and Management in the Agroindustrial Complex" "Dagestan State Agrarian University. M.M. Dzhambulatova», e-mail: edem1958@mail.ru
- Kamilova Patimat Dadaevna** Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department "Economics and Management in the Agroindustrial Complex" "Dagestan State Agrarian University. M.M. Dzhambulatova», », e-mail: edem1958@mail.ru
- Karpenko Elena Zugumovna** Ph. D., associate Professor of Department "labour Economics and personnel management" FSBEI of HPE "Russian economic University. G. V. Plekhanova", e-mail: elena-2167@mail.ru
- Nagdiyeva Maya Hajiramazanovna** Ph. D., associate Professor of Political economy FGBOU VPO "Dagestan state University", e-mail: nag-ma@mail.ru
- Nagdiyeva Mariyat Seifulakhovna** Applicant for the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (RASHiGS), e-mail: n-ms89@mail.ru
- Korneev Dmitry Vladimirovich** Ph. D., General Director of the 1st termometro plant, e-mail: director@1thermometer.ru
- Mikhailov Andrey Sergeevich** Ph.D., Deputy Director of the Project Office, FGAOU VO "Immanuel Kant Baltic Federal University", e-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com
- Nguyen Quoc Hung** Ph. D., researcher, Center for Russian strategy in Asia, Institute of Economics, RAS, hunghoiluat-gia@gmail.com
- Ninalalova Leila Gadzhikurbanovna** Junior researcher, FGBUN "Institute for social and economic research Dagestan scientific center of RAS", e-mail: levlashka-n@mail.ru
- Arslanova Khadizhat Dzhavadovna** Ph. D., researcher FGBUN "Institute for social and economic research Dagestan scientific center of RAS", e-mail: ars_nauka@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

- Petrosyants
Viktor
Zavenovich** Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of FGBUN "Institute for Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", e-mail: vpetrosjanc@yandex.ru
- Tulupov
Alexander
Sergeevich** Doctor of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Economic Regulation of Environmentally Sustainable Management of the Federal State Research Institution "Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences", e-mail: tul@bk.ru
- Shalina
Anna
Evgenevna** PhD, Deputy head of the Department of environmental protection Technical Department of OOO "Gazprom energy", e-mail: Anna.Shalina@rambler.ru
- Elkanov
Azamat
Khyisaevich** Senior Lecturer of the Department of Informatics and Computational Mathematics, FGBOU VO Karachaevo-Circassian State University named after U.D. Aliyev ", e-mail: elaz09@mail.ru
- Khubieva
Zhanna
Kemalovna** Ph. D., head of the Department "Economic and financial discipline" of the "Karachay-Cherkess state University named after U. D. Aliev", e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru
- Chernyshov
Mikhail
Mikhailovich** PhD, senior researcher FGBUN "Institute of market problems" of RAS, e-mail: mcherny@bk.ru

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: Дохолян С.В.
Компьютерный дизайн-верстка: Джамилев А.М.
Корректур: Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 27.12.2016 г. Сдано в печать 29.12.2016 г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 20,5. Заказ № 367.

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rpre@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17^б
Тел.: 8 (989)-669-15-15

Для заметок
